

Администрация Сергиево-Посадского района Московской области
Совет ветеранов Сергиево-Посадского района Московской области
при поддержке
администрации Московской области

ДЕТИ ВОЙНЫ - ДЕТИ ПОБЕДЫ

СБОРНИК ВОСПОМИНАНИЙ
ЧАСТЬ III
«ГЕРОИЗМ МАТЕРЕЙ»

Посвящается

г. Сергиев Посад – 2016

Руководитель проекта - Кругликов В.С.

председатель Совета ветеранов Сергиево-Посадского района
Составители - Лукьянова Р.Г., Кириллова Н.А., Бессолова А.С.

Совет ветеранов Сергиево-Посадского района Московской области

БЛАГОДАРИТ

за содействие в издании книги

Маргулис Л.И., Мазаеву Т.А., Левченко И.Ф., Бочоришвили Л.И.,
Александрова Н.Д., Бажанову М.Н., Бакулину Л.Г.

Особая благодарность

Логонову Ю.В.,

директору МБУ молодежного клуба «Атмосфера»

за перевод рукописных воспоминаний авторов в электронный вид.

«Дети войны - дети Победы». Сборник воспоминаний. Часть III.
РЕМАРКО. г. Сергиев Посад. 2016 г. 232 стр. Ил.

В третьей книге представлены воспоминания ветеранов Сергиево-Посадского района Московской области о военном детстве и героизме матерей в жестоких условиях тыла. О том времени, когда их отцы сражались на фронтах Великой Отечественной войны. Как удалось преодолеть трудности, голод и холод рассказывают очевидцы. Непридуманнные истории потрясают своей правдой, искренностью и являются свидетельствами того, как выстояла страна в тяжелое лихолетье.

Книга будет интересна широкому кругу читателей.

На обложке: А.П.Ткачев, С.П.Ткачев. «Дети войны». 1984 г. Государственная Третьяковская галерея.

ISBN 978-5-903615-64-3

© Совет ветеранов Сергиево-Посадского района Московской области. 2016
© Авторы текстов и фото. 2016
© ООО «РЕМАРКО». 2016

Сборник воспоминаний «Дети войны – дети Победы», изданный в 2013 году, получил широкий отклик среди ветеранов Сергиево-Посадского района. Только за один 2014 год в Совет ветеранов района поступило в три раза больше рукописных воспоминаний, чем было опубликовано.

В 2015 году в канун 70-годовщины Великой Победы вышел второй сборник «Дети войны - дети Победы», который включил рассказы более 195 авторов.

Но поток воспоминаний в Совет ветеранов не прекращался и вскоре к печати подготовили третью часть. 99 авторов рассказали о трагическом времени, труде, жизни, о героизме матерей в годы Великой Отечественной войны.

Эта книга посвящена 75-летию победы в битве с фашистами под Москвой.

Совет ветеранов выражает огромную благодарность всем авторам, молодёжи, оказавшей помощь в переводе рукописей в электронный вид, а также всем участникам проекта.

Посвящается

Дорогие читатели!

Мы представляем Вашему вниманию третий сборник воспоминаний «Дети войны - дети Победы». Этот сборник посвящен героизму матерей в годы Великой Отечественной войны. При формировании сборника мы решили не придерживаться строго к тематике по следующим соображениям:

- во-первых, детская память удерживает на годы только очень яркие моменты в жизни ребенка, а таких моментов очень мало и со временем забываются.

- во-вторых, при всех общих негативах, ребенок всегда окружен вниманием и заботой матери, что заглушеывает и делает незначительными горькие моменты в жизни,

- в-третьих, всегда присутствует эгоистический момент - это так и должно быть.

Ребенок не всегда задумывается, а как удалось матери из ничего его накормить, как подобрать одежду для того, чтобы выйти на улицу или в школу. Эти моменты для ребенка естественны, а для матери героическая изворотливость. Не думал также ребенок, как удастся матери сочетать героический, а подчас непосильный труд на производстве с не менее тяжкими заботами по дому.

Несмотря на эти соображения в сборнике много воспоминаний, подчеркивающих героизм матерей в годы Великой Отечественной войны, и с какой теплотой и благодарностью пишут об этом дети войны.

Валерий КРУГЛИКОВ,

Председатель Совета ветеранов Сергиево-Посадского района

«Дети войны - дети Победы»

Сборник воспоминаний

Часть III

«ГЕРОИЗМ МАТЕРЕЙ»

Александрова Валентина Васильевна

«Родина-мать зовет!»

29-го ноября считается «Днём Матери». Слово «Мать» стоит у истоков рождения человека с древнейших времен у всех народов во все периоды жизни. Оно вошло в плоть и кровь с молоком матери. В трудную минуту с раннего детства мы обращаемся за помощью словом «мама», и она сразу же бежит на наш зов. У многих народов Кавказа издавна существует культ матери. Семья садится за стол после того, как первой сядет мать. Чтобы ребёнок рос добрым к природе, людям, а значит любил Родину, у разных народов Мира существуют различные колыбельные песни и сказки. Мать понимает как важно, особенно перед сном, знакомить с этим искусством маленького человека. В этом истоки доброты, героизма, патриотизма старших поколений. «Что за прелесть бабушкины сказки!» - говорил А.С.Пушкин. А бабушка - это тоже мать. «С чего начинается Родина? С той песни, что пела нам мать!» Мы знаем имена многих матерей, воспитавших достойных детей не только для своего времени, но и для будущего человечества, для вечности: М.А.Ульянова, А.Т. Гагарина, Л.Т. Космодемьянская и многих других, всех не перечислить. Многие матери воспитывали не только своих детей, но и оставшихся по какой-то причине без родителей, без родной матери. Во время первой Мировой войны, а затем гражданской осталось много сирот.

В одном селе Рязанской области на руках деда и прадеда оказалось трое детей: мальчику – 8 лет, а сестренкам – 5 лет и 8 месяцев. Время было трудное, колхозов ещё не было, существовало единоличное хозяйство. Во дворе стояла лошадь, корова, земля ждала рабочих рук, наступала весна, а помочь некому. По совету односельчан в дом пришла молодая одинокая женщина выручить стариков и спасти детей. Губина Пелагея Петровна стала

хорошей хозяйкой и матерью для сирот. Она воспитала не только их, но впоследствии и внуков.

В книге Лидии Воронковой «Девочка из города» рассказывается о том, как простая сельская труженица, мать троих детей, во время Великой Отечественной войны приютила, назвала своей дочкой проходившую мимо с беженцами девочку Валентинку. Как она была рада, что её муж-фронтовик в письме к ней одобрил её поступок, а Валентинка назвала её мамой. В 1945 году после падения Берлина городские немецкие жители бежали кто куда, боясь прихода Советской Армии. В этой суматохе потерялся маленький мальчик, которому не было и 3-х лет по определению врачей. Объявление по Берлинскому радио, поиски не дали положительных результатов. Его приютила наша войсковая часть. А затем полковник по фамилии Зелёный взял его с собой в Таганрог к жене и маленькой дочке. Жена также была доброй и умной женщиной. Она полюбила Клауса как родного сына. Они звали его Володей, и никто не знал, что он немецкий мальчик. Володя-Клаус воспитывался по нашим Советским законам, окончил школу, был пионером, комсомольцем, прошёл службу в Советской армии и работал на заводе.

Вот так наши матери спасали и спасают детей. Во время войны они работали не покладая рук на заводах, в колхозах, не зная выходных и отпусков, чтобы помочь фронту и одержать победу над коварным врагом. Многие матери за свой ратный или трудовой подвиг имеют правительственные награды. Их имена известны давно. Это Прасковья Ангелина, Валентина Гаганова, Дарья Гармаш и другие. Всех участниц войны назвать просто невозможно. Были и есть многодетные матери, которые за свой не менее тяжкий труд сумели воспитать хороших детей. Они отмечены медалями: «За материнство», «Материнская Слава», «Мать-героиня». Есть матери, не имеющие правительственных званий и наград, но это простые, скромные труженицы, готовые выполнять любой труд, идти на любой призыв для блага народа, Родины. Такими были матери из семей Васильевых, Минкиных, Бакановых, Гусевых, жившие в нашем городе на Рабочем и Северном посёлках. Наш скульптор Вучетич Е.В. в городе Сталинграде поставил коллективный памятник всем матерям - «Родина-мать зовет!». И это правильно.

Алексеева Елена Васильевна

Простая русская душа

Такое не забудется никогда. Воскресенье 1941 года 22 июня. Мы, дети, утром гуляли на улице у одного дома. Подъезжает посыльный на лошади верхом и говорит нам: «Ребятки, идите по домам своим и скажите родите-

лям - началась война». Он привез уже первым призывникам повестки.

Прибегаю домой и кричу: «Началась война». Все остолбенели, кто был дома. Отец был пастухом колхозного стада и всей деревни. Через месяц поступил приказ угонять скот в тыл, к Москве. И нас, три семьи, заставили сопровождать скот. Доехали до города Зарайска. Скот у нас приняли, и мы поехали обратно домой. 19 августа были уже дома. Напряжение страшное.

В 5-и км от нашей деревни был аэродром. Немцы начали бомбежки. Мы жили в 12-и км от г.Вязьма, где тоже узловая железная дорога, путь на Москву. 8 октября Вязьма была оккупирована.

В первую очередь стали искать коммунистов. Дальше - больше. Немцы стали приезжать забирать скот.

Зима 1942 года была страшно холодная. 20 февраля нас наша армия освободила. Но продолжалось это недолго.

Нашу армию окружили, этого не описать. Дом сгорел, мы, три семьи, находились в блиндаже. Весна, начался тиф. Оккупировали опять немцы. В оставшихся домах жили по несколько семей, болели и умирали. Весной переехали в другую деревню к маминим старшим братьям и там доживали до освобождения, до 7 марта 1943 года, когда пришли наши. Радости не было предела. Мне было 14 лет.

Весной заработал колхоз. Нам тоже дали лопаты в руки копать землю и таскать борону вместе со взрослыми. Никаких денег, ни каких карточек - трудодень, на который и платить нечем. Этим же летом привезли в наш колхоз 4 быка. В нашу бригаду дали двух быков. Сами учились запрягать и на них работать. Стало легче жить. Старшая сестра выучилась на трактористку, осенью получали за свой труд зерном, голод побежден.

В сентябре 1943 года организовали школу в одном доме. Все учились в одну смену. Писать не на чем и нечем, перебивались, кто как мог. И так 1944-45 год. Потом освободился дом из-под госпиталя, дали под школу. Настали летние каникулы, работали в колхозе. Мы уже подросли и окрепли, и на наших детских плечах возрождали свой колхоз.

Спасибо, вся работа вошла в трудовой стаж, с 1943г. по 1947г. Общий трудовой стаж у меня - 42 года.

Был солнечный день. Наш сосед со своего приемника услышал

выступление Левитана – кончилась война! Он обрадовался, выбежал на крыльцо своего дома и громким голосом закричал: «Победа! Конец войне!» Собравшись, все соседи плакали и кричали «Ура!»

Самое первое – слезы горькие о погибших своих в войне.

Антоненко Дмитрий Константинович

Фронтовые подвиги

Несколько лет назад я побывал на похоронах своей девятиностошестилетней тети Даши. На поминках Лиза, жена моего старшего брата, погибшего в январе сорок второго года в битве под Москвой, ставшая, в эти перестроечные годы богомольной, сказала, что тетю Дашу бог должен определить

только в рай. И пояснила, что весной сорок второго года, когда наш район был оккупирован фашистскими войсками, тетя Даша спасла жизнь трем красноармейцам.

Без малого четыре месяца, ежедневно рискуя, она и ее мама, помогли выжить, кормили и лечили трех раненных бойцов, которые скрывались у них в подzemелье деревянной пристройки к дому, в которой обычно складировалось сено для живности. Когда красноармейцы подлечились и окрепли, в одну из ночей, они покинули их селение. После войны, один из тех раненных, Федот Корнеевич приехал к тете Даше и они поженились. За такой христианский подвиг, за такое очень опасное в дни оккупации дело Лиза и просила бога принять душу тети Даши в рай.

Вечером, когда закончились поминки, моя двоюродная сестра Надя, фронтовичка, в беседе со мною, поделилась тайной из ее фронтовой деятельности. Ее отец, железнодорожник, в тридцать пятом году был переведен на работу из Воронежской области на Хотьковский железнодорожный узел. Окончив среднюю школу, Надя поступила учиться в Московский педагогический институт на факультет иностранных языков. В начале сентября сорок первого года их, студентов пятого курса, мобилизовали в армию. Она, как переводчик с немецкого, стала служить в разведгруппе при штабе дивизии, находившегося под Вязьмой. Штаб затем перебазировался под Кубинку, а после, до начала наступления наших войск под Москвой, располагался в землянках густого лесного массива на севере Загорского района.

В феврале сорок второго года ее откомандировали в разведшколу, где три месяца, и днем, и ночью, ее учили, тренировали действиям в тылу врага.

В первые дни мая того года, ее, радиста и старшего группы благополучно переправили к железнодорожному узлу, расположенному между Киевом и Полтавой. В разведшколе ее обучили общению с глухонемыми, выправили документы, по которым она стала Галей, жителем того населенного пункта. Вменили в обязанность, при работе уборщицей на железнодорожной станции, внимательно вслушиваться в разговор немцев, следить за перемещением на восток немецкой военной техники, вооружения и личного состава, и сообщать сведения связному.

Стала Галя жить в хатенке у женщины, которая имела двух глухонемых дочек, работавших уборщицами на железнодорожной станции. Одну из дочек умело спрятали, а Галя стала работать на станции вместо нее. Тут Галя и поняла, для чего ей пришлось три месяца в спешке штудировать язык глухонемых. Ростом она была малого, одевалась, как и ее названная сестричка, в невзрачную, латаную одежду. И хотя все время, когда убиралась на станции, боялась, что кто-то из немцев обратит на нее внимание и будет приставать, но этого не случилось.

Много сведений о количественном составе фашистских войск, передвижавшихся по железной дороге на восток, передала она связному. Но вот один раз все же допустила оплошность, и до сих пор грызет ее совесть за это. Весною сорок третьего года, рано утром, убирая в комнате коменданта станции, который у открытого окошка курил и мурлыкал любовную песенку, в комнату вошел в штатской одежде немец. Комендант быстро развернулся, опустил руки по швам, четко проговорил приветствие, чеканя шаг, приблизился к вошедшему и услужливо стал пожимать ему руку. Пришедший в этот момент, быстро говоря, спросил коменданта, все ли предусмотрено для того, чтобы обеспечить охрану прибывающего сюда эшелона с тиграми и пантерами.

Дальнейшего разговора она не слышала, ибо они быстро вышли из комнаты. Продолжая убирать, Галя размышляла, для чего это немцам понадобилось привезти сюда таких зверей, тем более, так заботиться об их охране. Наверное, рассудила она тогда, ликуя от своих успехов на востоке, немцы где-то здесь решили организовать для личного состава цирковое развлечение. И только через два дня, набирая воду из крана водонапорной башни, из разговора стоявших вблизи сменившихся часовых, она поняла, что под этим названием на восток поступает какое-то новое вооружение.

Сообщила об этом она своему связному, и после стала тщательнее следить и передавать ему сведения о поставляемой под таким названием техники. Как потом она узнала, ее разведданные оказались очень важными при подготовке Орловско-Курской битвы.

Глухонемую Галю, за разведработу в немецком тылу, как только их станция была освобождена воинами Красной Армии, наградили орденом Красной Звезды.

Бадаева Нина Борисовна

Цветок бессмертник

*Есть прекрасное существо на свете,
у которого мы всегда в долгу, — это мать.*
Н. А. Островский

Уже свечерело. Конец улицы растворился в тумане. Сладко, тянет от домов ржаной соломой и дымком. Дым из труб поднимается вверх, и, кажется будто и не дым это вовсе, а столбы, на которых держится небо. Легкий, морозец, как искусный гример, румянит щеки прохожих. Где-то за озябшими садами разлилась песня. Это девочки идут в клуб. Долго плывет над зимним селом, песня о любви, о встрече-

раденной радости; о разлуке.

Наталья Ильинична, моя мама, управившись по хозяйству, устало прошла в дом. Долго и шумно вытирала у порога ноги. В горнице опустилась на стул и прислушалась к тишине плотной, давящей на уши. Не привыкла Наталья Ильинична к ней, боялась её.

Всегда в доме звенел смех, голоса. Восемь детей вырастила она. Шутка ли сказать — восемь детей. А сейчас в доме скучно и пусто.

Наталья Ильинична подходит к большой раме с фотографиями. Вот они все улыбаются, обнялись, дети ее — надежда и радость родительская. Выросли, разлетелись из родного гнезда. Но спокойна за их судьбу Наталья Ильинична, потому что знает, что по прямому и светлому жизненному пути идут ее дети.

Каждому она привила любовь к работе, уважение к людям. Два сына — Александр и Василий — работают на заводах. Еще двое — Иван и Николай — пользуются огромным авторитетом у сослуживцев. Не подвели родителей и дочери. Трое — Нина, Клавдия и Екатерина — окончили Московскую ветеринарную академию. Четвёртая - Анна — заканчивает институт.

Любит Наталья Ильинична вот такими тихими вечерами перечитывать письма детей. В каждом из них слова огромной благодарности за хорошее воспитание, пожелание здоровья и обязательно приглашение в гости. Читает, письма Наталья Ильинична и счастливо улыбается: недаром говорится в пословице: «Много детей — много счастья».

А сколько пришлось перенести ей. Но не дрогнула в лихие времена. Волной нахлынули воспоминания.

...В села шли письма с фронта. Писали мужья, братья, отцы. Писали, зарывшись в снег, негнушимися от холода пальцами, под свист пуль и разрывы снарядов. Но в каждом письме звучало бодро и уверенно: «Мы победим. Держитесь!». И женщины отдавали все силы работе для фронта, для победы. Изредка появлялись за околицей солдаты, спянные войною. Их встречали всем

селом. Десятки сердец замирали в тревожно - сладком ожидании: «А может, это мой?».

Заглянуло счастье и в дом Натальи Ильиничны Фоминой. Еще спало село крепким здоровым сном. Вышла Наталья Ильинична во двор, взглянула случайно на дорогу и побледнела, ухватилась за ракиту: прихрамывая, шел к дому муж, опираясь на костыль. Вошёл в избу Борис Пименович, а там детишки один другого меньше, проснувшись, повисли на отце, трогают медали.

— Видишь, как живем? — обвела вокруг рукой Наталья Ильинична.

— Ничего, не пропадем — сказал солдат. — Хозяйство восстанавливать будем. А в первую очередь колхоз.

Страшный след оставила война. На месте домов — кучи пепла, и, словно вскинутые в большом горе руки, вздымались в небо закопченные печные трубы. Очень пострадал колхоз. Ни одной лошади не осталось в нем. Пахали на уцелевших коровах, а то, и сами люди впрягались в соху. За 18 километров, по весенней распутице ходила Наталья Ильинична за семенным зерном. Всюду, где только могла, помогала она колхозу, бралась за любое дело. Жилось ей много труднее некоторых: ведь на руках было четверо детей. Бывало, одежду старших перешивала младшим. И верила в будущую хорошую жизнь.

Матери, пережившие послевоенные страшные годы! Мы до сих пор восхищаемся вашим подвигом! Ваши морщины, как траншеи на земле, напоминают нам, молодым, о военном времени.

С годами пришел достаток, да и старшие дети стали работать. Но и после ухода на пенсию Наталья Ильинична продолжала помогать родному колхозу.

Время клонилось к полуночи. Давно отшумела и отпела молодежь. Тихо в доме. Но не спится супругам Фоминым. Встала Наталья Ильинична, раздвинула занавески на окне. От снега и луны на улице было светло, как днем. Вздохнула, глядя на дорогу.

Спят люди. Разные снятся им сны. А Наталье Ильиничне сейчас, наверное, снятся дети. Ведь они всегда снятся матери.

Только один цветок не вянет и зимой — скромный степной бессмертник. Так и любовь Натальи Ильиничны Фоминой. Не увядает любовь матери к детям.

Бажанова Марьяна Николаевна

Защитницам Родины

Вы выстояли и победили
В безжалостной страшной войне.
Спустя много лет не забыли
Победный салют по весне.

Победу в боях отстояли,
Боролись за каждую пядь.
Но верили вы и мечтали...
Нельзя было вам не мечтать!

Досталось и женщинам лиха,
Вам мужества не занимать!
В тылу отсидеться — не выход!
Сражались за Родину-мать.

Пришлось вам с мужчинами рядом
За Родину повоювать.
Под грохот фашистских снарядов,
Отчизну свою защищать.

Вы трудности переносили
На хрупких девичьих плечах.
Своих не жалели усилий
В суровых тяжёлых боях.

Иные победу ковали
В тылу, их не взяли на фронт,
Снаряды бойцам отправляли,
Хоть был организм истощён.

За мужество ваше и стойкость
- Спасибо сейчас говорим!
Вы мир защищали героически.
А о погибших - скорбим!

Материнская молитва

Молилась слёзно мать за сына,
С иконы не сводила глаз.
Война сыночка погубила,
И даже крест его не спас.

Погиб он, землю защищая,
От ненавистного врага.
Сражался смело с волчьей стаей,
За справедливость до конца.

Суровый бой вела пехота,
Там много полегло бойцов...
Остались единицы в роте,
И каждый жизнь отдать готов.

За Отчий дом, родную хату,
За женщин, стариков, детей.
Спасибо говорим солдатам,
Что мир спасли от палачей.

И матери вновь на планете
Всё также молятся за сыновей.
Чтоб в мире жили внуки, дети,
Светило солнце для людей.

Победу никому не отнять

Знаем мы, что Победу никому не отнять,
Столько минуло лет с той суровой войны.
С беспощадным врагом нам пришлось воевать,
Приближается дата на пороге весны.

Пусть никто не посмеет те года зачеркнуть,
Помним Подвиг бессмертный советских солдат.
Что прошли до Берлина нелёгкий свой путь.
Никому не позволим о том забывать.

В этом мире тревожном неспокойно опять,
Силы зла, силы ада восстали из бездны...
Ополчилась врагов злая, подлая рать,
Мир, содружество с ними, увы, бесполезны.

Украина пылает смертоносным огнём,
Поднялась оголтелая нацистская свора...
Как средь ясного неба прозвучал этот гром,
Меж людьми пробежала искра раздора.
Нам война не нужна, помним всех имена,
Всех солдат воевавших и ныне живущих.
Памятью о тех легендарных годах,
Знамя этой победы сохраняют пусть внуки!

Пусть помнят дети о войне

Не доучились, не долюбили,-
Девчата, парни в сороковых.
В боях жестоких с врагами бились,
Осталось мало их в живых.
Четыре долгих, тяжёлых года
Война простёрла свои крыла...
Чтоб отстоять в боях свободу
Поднялись в бой и стар и млад.

Пришлось им рано повзрослеть
Вчерашним школьникам-мальчишкам.
К мечтам заветным уж не взлететь,
Читать учебники и книжки.
Но враг суров: он наступал,
Земля стонала от артралётов.
И на защиту Отчизны встал –
Народ советский, бойцы пехоты.

Растёт другое поколение,
Из книжек знают о войне.
Пусть помнят. Не уйдёт в забвение
Великий подвиг солдат в стране.
Победный май, народ ликует,
Салют победы над Москвой.
Весна в садах всюду бушует,
Солдаты снова встали в строй.

Бакулина Любовь Герасимовна

Доброе сердце

С детства, в школе, нас учили говорить – моя мама – лучше всех. А я-то всегда знала, что моя мама – Ананьева Василиса Афанасьевна – действительно лучше всех, и своей нелёгкой жизнью она это доказала. Родившаяся в 1906 году, она умела делать многое: ткать на домашнем станке ткань – нанку, прясть овечью шерсть, вязать спицами, крючком, растапливать печку, готовить еду, ухаживать за домашними животными, косить траву, метать стога и многое другое.

Наверное, за её деловитость, за умение вести хозяйство, за добрый нрав и посвятился к ней вдовец – Сергей Ананьев, имея на руках двух маленьких детей. Я спрашивала маму: «Почему ты за вдовца – то вышла замуж, ведь по рассказам бабушки было так много парней, желающих назвать тебя невестой?» – «Он был серьёзный, добрый, работающий. Да и сироток было жалко».

У них родилось ещё двое совместных детей. Жили дружно, счастливо. Всё было бы хорошо, если б не проклятая война. Мужа взяли на фронт в 41-ом году, и в этом же году пришло извещение – пропал без вести.

Четверо детей – один – одного меньше; дом, который они собирались отремонтировать перед войной, приходил в негодность. Мама – мастер на все руки – латала его, как могла. Ждала мужа, всё надеялась на чудо, но его не произошло.

Во время войны всем жилось тяжело, и для таких, как моя мама – тоже. Работала в колхозе за «палочки» (платили зерном), вязала для фронтовиков носки, варежки, не понаслышке знала, что такое – ТРУДОВОЙ ФРОНТ. Немцы под Москвой. Сентябрь, октябрь – холодные дожди, а женщины копали окопы, рвы, стоя нередко по пояс в ледяной воде... А дома четверо маленьких детей. Сердце болело от переживаний и за них (как-то они там одни с раннего утра до позднего вечера) и за страну. В то время слово РОДИНА было святым. Люди рвались из последних сил, чтоб внести хоть какую-то лепту для защиты и сохранения Родины.

После победы в ВОВ, мама, наконец, согласилась выйти замуж за моего отца, который много раз предлагал ей свою руку во время войны (у него была броня), но она не соглашалась, всё надеялась, верила – вернётся её любимый муж. А дом разваливался. И после празднования Дня Победы, когда все, кто остался жив, вернулись с войны домой, она приняла предложение моего отца и переехала к нему с детьми в город Егорьевск.

Началась новая трудная полоса в жизни моей мамы. У моего отца было своих четверо детей (жена перед войной умерла), у мамы – тоже четверо, а потом ещё и я родилась – пятая. Девять детей. Город. Послевоенный го-

под. Мама постоянно плакала, не зная чем накормить детей. Наконец, не выдержав, видя голодных детей, она приняла решение сказать мужу: «Надо расстаться. Найди себе женщину без детей – так будет легче». Он её долго не отпускал, но мама убедила его – в деревне я хоть картошку выращу, будет чем накормить детей. Всё-таки их будет пять, а не девять.

Вернулась в свой старенький домик. Какие же трудности ей пришлось пережить! Выжили все дети, а мамочке удалось выстоять, наверное, благодаря того, что она была мастером на все руки. Самоотверженная, выносливая, трудолюбивая. Про таких говорят – всё в руках горит. Подняла огород, шила из старых вещей детям одежду. Сама построила крыльцо. Доски были совсем сгнившие, провалились. Поправить дом ей помог мой отец, который хоть и нашёл женщину без детей, навещал нас. А его дочери, мои сёстры, ездили к нам в гости, пока не вышли замуж и не разъехались по стране. Но, когда приезжали на свою малую Родину, обязательно заезжали к нам.

Мама работала в колхозе, была «стахановкой». Выполняла разную работу, а в сенокос стояла на стогу, не у каждого это получалось. До сих пор не понимаю, как ей хватало на всё сил. Когда мы ещё спали, она топила печку, готовила еду. Без отдыха, спала «урывками». Так многие жили, но никто не жаловался. Все верили в лучшее будущее и старались вносить свой вклад в дело процветания Родины.

Мы, конечно же, голодали. Хлеб давали по карточкам. Никогда не забуду, как мы аппетитно ели картошку с маленьким кусочком хлеба. Я была в семье самой маленькой и не понимала, что хлеб надо экономно есть. Он у меня заканчивался мгновенно. И тогда мои старшие сёстры и братья отламывали хлеб от своего крошечного кусочка, а я брала и тут же съедала. А мама, моя любимая мама, всегда ела без хлеба, да приговаривала, что картошка без хлеба ещё вкусней. Трудные воспоминания. Как я всем им благодарна! Жили очень дружно. Старшие дети помогали маме по дому – убирались, готовили дрова для печки.

Никогда мамочка не делала различия между своими детьми и приёмными (их было двое). Наоборот, она всегда говорила: «Лучший кусочек мы должны отдать им. У вас есть я, мама, а у них никого нет». Мне кажется, имея такое доброе сердце, она их любила и жалела больше, чем нас, родных.

Прошли годы. Дети выросли, получили образование, занимали свои

семьи, но никогда не забывали маму, которую просто боготворили. Мы с мамочкой остались вдвоём. Все дети собирались на праздники в наш маленький домик и обязательно маме дарили подарки, чаще это были платки и отрезки на платья (шила она сама). А мама каждого встречала со слезами радости, а провожала – со слезами благодарности.

Мама была очень самоотверженным человеком, не любила кого-то нагружать своими проблемами. Помню такой случай. Я училась в школе. Приехал брат Иван (который не родной) и попросил: «Мама, ты не сможешь посидеть с моими детьми, нам с Зиной (женой) надо отъехать на несколько дней?» Не спрашивая, по какой причине им надо отлучиться из дома она, не колеблясь, ответила: «Конечно, сынок, конечно посижу». За мной приглядывать попросила соседку, а сама уехала к сыну.

А Иван... Благодарный сын приехал на тракторе (он работал трактористом) с женой, привёз всё, что надо, чтоб перебраться двор, который начал разваливаться. Дня через три они поправили двор, покрыли его рубероидом и уехали, а мама вернулась домой.

Каково же было её удивление, увидев двор и поняв, для чего её ПРИЁМНЫЙ сын с женой отлучались из своего дома. Моя милая мамочка! Как же она плакала, причитывая: «Сыночек мой дорогой, спасибо тебе за доброе отношение ко мне. А вдруг я делала для вас что-то не так, вдруг я вам что-то не дала, мои сиротки».

Я её уговаривала и искренне удивлялась её слезам. Только будучи взрослой, поняла, как же она любила этих не родных детей! Сколько тепла она вложила в их, тогда ещё не окрепшие души. Она сумела сделать всё, чтоб мы дружили и делились друг с другом, кто чем может. Так воспитала нас наша мама – мудрая, самоотверженная, деревенская женщина с удивительно тонкой, нежной, доброй душой.

Баланникова Надежда Константиновна

Война вторглась в мою жизнь, когда мне было 5 лет. Мы сидели в гумне и смотрели в щёлки, как немцы въезжали уже на нашу улицу на мотоциклах. Их было много.

Потом людям пришлось вернуться в свои хаты. Где были дома побольше, немцы осваивали их на постой – жили с нами в одной комнате. Сестра родилась в октябре 1941 года. Немцы спали на соломе, на расстоянии метра – кровать, а между ними – подвесная люлька, которую они не трогали.

Иногда люльку снимали, и мы с мамой и сестрой спали на кровати или на печке, даже летом. Немцы менялись, были разные. Потом в мае 1943 года родился мой братик. (Папа плохо слышал, по первому призыву его не взяли в армию). Иногда немцы просили дать подержать ребёнка, пока-

зывая жестами, что у них дома остались тоже дети. Но мама, конечно, не давала ребёнка.

Немцы всё подобрали: свиней, кур, но коров не трогали. В молоке нуждались все. Иногда у матери забирали ведро с молоком, иногда сами доили. Огороды засевали, сажали картошку. Так было до тех пор, пока они наступали.

Когда они начали отступать, летом 1943 года, всё изменилось к худшему. По улице сразу погнались из других сёл много коров. Через дорогу от дома у нас – речка. Коровы бежали пить и страшно ревели. Мама много лет не могла забыть этот рёв.

Ну как не вспомнить тех пастушат, которые в этот день не пригнали с пастбища коров домой в деревню, а загнали их поглубже в лес. Этим они спасли коров и людей от голода. А когда немцы стали забирать людей – все оставляли село, с большими трудностями ночью уходили в лес. Люди искали коров, коровы искали людей. И почти все нашлись.

Выкопали окопы, многие постелили ветки сосны и укрылись ими, из села выносили пожитки и выводили детей. Вот наша семья, хотя и папа был (ему нельзя было нигде показываться) ничто не могла вынести. Всё было очень поспешно. Но немцев гнали тоже хорошо.

Переходили осторожно дорогу, по которой ехали машины с немцами. И они могли в спину запросто убить нас. Но никто уже не стрелял, даже каратели. Мы успели скрыться за бугром. Оглянулась мама, – горело всё, мимо чего мы только что прошли. Крыши были соломенные, каждый дом и не было необходимости поджигать, но если какой сам не загорался – поджигали. От 60 домов на нашей улице осталось 4, которые стояли глубже в саду. Но половину села они не успели сжечь. Так и разместились люди, кто у родственников, кто у добрых людей, кто в землянках вместе с детьми. Мы у крёстной. Впереди была зима. Но коровку люди привели из леса. Мы вернулись – догорали последние нижние венцы дома. Привязали корову за вербу. Плач по всей деревне. Голосили женщины и дети, торчали печные трубы. Дальше не помню. Каратели, конечно, безобразничали. Всё поразбивали и пораскидали, что могло бы уцелеть после пожара.

Немцы ещё до отступления знали, что скоро они оставят нашу землю. Когда немец предложил маме за последнего пойманного петуха русские деньги, мама отмахнулась. В ходу были немецкие. А другой сказал на русском языке: «Бери, мать, скоро они будут нужны!» Кто он был, этот русско-язычный?

И ещё. Русский человек так привязан к своему родному уголку, к своей Родине, что его не оторвать от своей земли.

Уже в пору отступления, в пору такой опасности, мальчишки, да и некоторые взрослые ночью ходили в село, проститься со своей хатой, если узнавали, что ещё не сгорела. Ходила и наша мама. Она всегда была смелой и крепкой духом. Взяла сына на руки и шла 2 км голым полем. А когда оставалось пройти 300 м по саду, увидела карателей. Спряталась и вернулась, так и не увидев своей хаты. Но зато осталась жива. Слава тебе, Господи. У меня холодела душа, когда мама это рассказывала.

Помню, как объявили об окончании войны. В центре села (там не было пожара) висела «тарелка» - говорили очень громко. Сразу все побежали в центр. Людей собралось очень много. Одни радовались, другие плакали. В общем, это было ликование. А потом - как выжить? Работали все не покладая рук, спали на ходу, на работу ходили босыми, кое в каких фуфаячках. Хлеба не было, вырубала каша. А ещё надо было строить жильё. Мама и многие вдовы падали от бессилия. Война и немцы ещё нам снились много-много лет...

У мамы был уникальный голос и золотые руки. Пела в церковном хоре. Умела рукодельничать. Так шила, что нигде лишней ниточки не было видно. Вышивала, вязала кружева, умела набирать рисунки полотна на ткацком станке. Сельские женщины многое умели.

Я хочу предложить поставить памятники по всей России русским женщинам-матерям. Да такие памятники, чтобы их видно было отовсюду. Чтобы все могли поклониться именно сельским дояркам и колхозницам. Это они обошли все колхозные поля с серпом, согнувшись до земли, они кормили страну хлебом, овощами, поили молоком, сгребали сено, растили телят и свиней, кур в колхозе и из своего хозяйства всё сдавали государству. Именно они вырастили детей-сирот, нас, детей войны, и научили всем работам. Мы всюду были с мамами с пяти лет. А детства-то у нас из-за войны так и не было.

*Мы все науки изучали на местах.
Руками трогали науки.
Вот потому и жили на руках!
Рабочие у нас, интеллигентов, руки!*

И пусть стоят по всей России в беленьких косынках с серпом на плече или с граблями, с тряпками, чтоб каждый мог поклониться как своей матери. Одной «Колхозницы» в Москве мало! Городские люди мало представляють сельский труд.

А я, кланяясь своей маме, кланяюсь всем труженицам! Вечная им память и вечная слава!

Барченков Сергей Сергеевич

Когда началась война, моей маме, Соколовой Анне Андреевне было 24 года, а отцу Барченкову Сергею Алексеевичу было 25 лет. Оба они работали в ЗОМЗе. Отец к тому времени отслужил в армии, прошёл Финскую войну. Они дружили до войны два года, их связывала дружба и любовь, и, несмотря на начавшуюся войну, они расписались 28 июня 1941 года.

Перед войной мама училась на рабфаке и работала, мечтала поступить в институт, но война нарушила все планы. 14 октября 1941 года вышел приказ об эвакуации ЗОМЗа в г. Томск. 15 октября эшелоны, нагруженные оборудованием и работниками завода выехали в Сибирь. Среди других была и моя мама, ехали несколько суток. В Томске их распределили по квартирам. Мама и ещё одна женщина жили в небольшом домике у пожилой женщины, её сыновья воевали на фронте. Хозяйка дома относилась к приехавшим, как к родным, делилась всем, что имела. Началась работа на новом месте, на Томском заводе. Освоились быстро и стали выпускать продукцию для фронта, прицелы и перископ. Работали от зари до зари. Мама впервые уехала так далеко от дома, но поддержкой её были письма от мужа, который учился на младших офицерских курсах в Омске, от сестёр из Москвы и Загорска. Особенно она радовалась письмам с фронта от брата Соколова Николая Андреевича, с которым связывала её крепкая дружба. Николай был младше на 6 лет. Он тоже перед войной работал в ЗОМЗе, был очень талантлив, посещал литературный кружок, писал стихи и прозу. Николай собирался поступить в литературный институт, но война грубо вмешалась в его планы. В своих письмах он писал, как участвовал в боях за Украину, был ранен и попал в госпиталь, сначала в г. Мариуполь, а потом в г. Сталинград. Находясь на лечении в госпитале, он работал корреспондентом Сталинградской газеты, писал очерки, стихи и статьи о войне. Комиссия РККА признала его негодным к службе после ранения, т.к. у него не гнулось колено. Но он писал маме: «Моё место на фронте и я добьюсь отправки на фронт». С нежностью писал он сестре: «Аня, так хочется встретиться, о многом рассказать, но сейчас главная задача - освободить Родину от фашистов и только это может нас разлучить».

В июле 1943 года от Николая пришла телеграмма из Сталинграда в Загорск: «Выезжаю на фронт!» Больше весточек не было.

В это время ЗОМЗ вернулся из эвакуации. И снова мама трудилась на родном заводе, где выпускали для фронта: авиационные прицелы, бинокли, перископы разведчика, прицелы для танковых пушек. Наступила долгожданная Победа. В это время отец, который участвовал во взятии Кениг-

сберга, служил офицером при штабе. И маме осенью 1945 пришёл вызов, как жене офицера, в Кенигсберг. Осенью 1945 года произошла долгожданная встреча моих родителей, они не виделись всю войну. Осенью 1946 года уже в Загорске родились мы с братом-двойняшки.

Роды были тяжелые и наша мама чуть не умерла. Спасла её заслуженный врач Гасабова. Началась мирная жизнь, но мама никогда не забывала войну и погибшего брата, он числился без вести пропавшим. После войны мама работала на ЗЭМЗе старшим экономистом долгие годы до 56 лет.

Она была уважаемым человеком, имела три медали за доблестный труд и за Оборону Москвы. Мама очень любила нас детей, а затем и троих внуков. И мы все её очень любили. С папой мама прожила 59 лет. В августе 2016 года мы, дети и внуки, отметили 100-летний юбилей со дня рождения мамы. Она прожила 88 лет, и нам до сих пор её не хватает.

Барченкова Ольга Александровна

Война ворвалась болью страданий и потерь в каждый дом нашей большой Родины. Груз физических и душевных переживаний лёг на хрупкие женские плечи. Сколько надо было мужества и терпения, чтобы выдержать все тяготы до долгожданного дня Победы.

Я хочу рассказать о жизни в годы войны дорогого и близкого мне человека, моей мамы.

Моя мама - Рыжкина Зинаида Дмитриевна родилась в Пензенской области в селе. Здесь прошли её детские и школьные годы. В 1938 году в возрасте 16 лет она уехала на Урал в г. Челябинск. Ей хотелось учиться дальше и работать. Вскоре к ней приехал младший брат Сергей. Вместе они трудились на станкостроительном заводе, жили в маленькой комнате в бараке без удобств. Когда началась война, моей маме было 18 лет, а её брату - 16 лет. Мамин отец, мой дед ушёл на фронт в июне 1941 г, а в ноябре 1941 г. пришла похоронка, что он погиб в боях под Москвой. Это известие мама переживала вместе с братом. Брат стал ходить в военкомат и проситься на фронт, но ему отказывали, так как он не достиг призывного возраста. Кроме того, он имел бронь, т.к. работал на оборонном заводе и числился в передовых рабочих. Завод в это время выпускал снаряды и знаменитые «Катюши». Вместе с другими рабочими мама и её брат работали от зари и до темна, а иногда и по две смены. Все понимали, что их продукция нужна

фронту. В 1943 году брат добился в военкомате отправки на фронт, но сначала его отправили в Сибирь на младшие офицерские курсы на несколько месяцев. Он участвовал в освобождении Украины, г. Одессы, Крыма. Мама переписывалась с братом и радовалась каждой весточке с фронта. Перед войной мама познакомилась с курсантом танкового училища Иваном. Они дружили и любили друг друга и весной 1943 года они поженились, а осенью после окончания училища выпускников на танках, которые выходили с конвейера танкового завода, эшелонами отправили на фронт. Так закончилось недолгое счастье молодожёнов. Уходя на фронт, Иван знал, что Зина ждёт ребёнка. В 1944 году мама получила похоронку на мужа. Горестное известие разрушило все мечты о дальнейшей счастливой жизни. Вскоре после этого мама родила сына. Отец так и не узнал о его рождении. Сына она назвала Валерием. Мама работала, а Валерик был в яслях. Война близилась к концу, и мама ожидала скорой встречи с братом. Но 25 января 1945 года она получила похоронку о гибели брата в Польше. Для мамы это был страшный удар, так как её с братом связывала большая преданная дружба. А весной 1946 года случилась новая беда. Валера простыл, тяжело заболел и умер от пневмонии. Это горе подкосило маму, за одну ночь она поседела и долгое время приходила в себя.

Но нужно было жить и работать. Мама помогала посылками в село своей маме и своему младшему брату. В конце 1945 года пришёл с фронта мой отец, он долго ухаживал за мамой и в 1947 году они создали семью, в браке родились сын и дочь. Мама работала и училась. Была уважаемым, добрым, отзывчивым человеком. За свой труд в годы войны и в мирное время имела пять медалей. А для нас, детей и внуков, была любящей, нежной мамой и бабушкой. С моим папой они дожили до золотой свадьбы. Она ушла из жизни внезапно в 75 лет в марте 1998 года. Война оставила в её сердце горькую память навсегда, и я никогда не забуду маминых слёз в каждую годовщину Дня Победы, пока она была жива.

Памяти моей бабушки Рыжковой Анны Никифоровны

В 1941 году ей было 42 года и проживала она в Пензенской области.

*«Стань меж ними равной, Анна,
Твой солдат погиб в бою...»
Из песни «Рязанские мадонны»*

Много горя испытала
В те суровые года.
По земле война шагала,
Мирный труд оборвала.

Мужа с сыном проводила
На рассвете из села.
Бога ты за них молила,
И с победою ждала.
Руки женские узнали
Труд тяжёлый на полях.
Землю плугом вы пахали
На сноровистых быках.
А когда зима настала,
И закончилась страда.
Варежки, носки вязала,
Пряжу тонкую пряла.
Вы посылки собирали
Всем народом, всем селом.
И на фронт их отправляли,
Чтоб согреть своим теплом.
День Победы со слезами
Вы встречали всем селом.
И лишь радость омрачали
Похоронки в каждый дом.
Только верить не хотела,
Всё надеялась, любя.
Под иконами скорбела
И всю жизнь ты их ждала.

Беликова Мария Тимофеевна

Смотришь на нее и удивляешься, какие глаза поразительно синие, как васильки или цветки льна на родной Смоленщине. Хотя и прожила нелегкую жизнь, помнит войну и лишения. А глаза все равно, говорят, излучают доброту, поистине-зеркало души.

Родилась я в далеком 1927 году в деревне Криксино Смоленской области. Семья была большая, пять дочерей - матери помощницы. Хозяйство, как у многих в деревне хлопотное: корова, свиньи, поросята, куры, пчелы, огород. Да вот только себе мало что оставалось от этого «богатства». Продукты, шерсть, мед по большей части забирали в помощь Родине.

В школу пошла с удовольствием, бегала первые четыре класса в сосед-

нюю деревню вприпрыжку. Потом до седьмого класса училась в Рухани, за три километра от дома. В семье меня считали образованной. Но тут нагрянула страшная весть – началась война. Было мне тогда 14 лет.

В Криксине ни радио, ни газет не было. Новости приносили «гонцы» из соседних деревень. Когда дошла весть, что к деревне подступают немецкие войска, молились – только бы не каратели. И однажды на мотоциклах въехало в деревню человек пятьдесят. Заняли самые большие дома, семьи из них расселили по соседям. Назначили старосту. Люди были в страхе. Боялись фашистов ужасно, но, видимо, Бог услышал молитвы людей. Никого из сельчан фашисты особо не обижали, детям даже конфеты давали. Девушек постарше староста по очереди отправлял готовить немцам еду и стирать белье. Те вели себя прилично, не приставали, хотя, случалось, кто и влюблялся.

Как-то раз пошли мы с сестрой в лес за грибами и увидели двух солдат – наши, русские!

- Не бойтесь, девчонки, мы от своих отбились, нам бы поесть чего-нибудь. Там в лесу наших еще человек пятьдесят.

Мы обрадовались. Прибежали домой, набрали картошки, налили крынку молока, понесли обратно в лес, солдатам. Ноги трясутся, а на душе радостно, - вспоминаю я те детские ощущения.

А на следующий день слух пошел: немцы завтра отступают, будут хаты жечь, всех расстреливать, а всё, что в хатах ценного есть, увезут. Мы с сестрой стали прятать все съестное, а главное богатство – швейную машинку – закопали в огороде. Ночью собрались и в лес пошли туда, где болота, немцы туда боялись ходить.

Сидим в этих болотах почти всей деревней (кое-кто даже корову привел). И ждем, когда же запольхают родные хаты. Откуда-то дым понесло. Ну все, думаем... Только спустя несколько дней, мы узнали о горевших соседних деревнях, о повешенных жителях. Криксину повезло – его не сожгли. Помню, мальчишки наши постоянно на деревья лазили, смотреть, не видно ли пожара.

Наутро одна из старушек говорит: «Пойду-ка я посмотрю, что там делается, если не вернусь, значит убили, терять мне нечего, даже зуба у меня ни одного не осталось». Положила на плечи вязанку хвороста «для конспирации» и пошла. Было ей тогда далеко за девяносто. Тем не менее вернулась она очень быстро и радостно объявила: «Деревня пустая, немцев нету, все хаты целы, стоят открытые, только всё повывнесено».

Кинулись радостные люди домой, стали ждать своих. Правда, войска наши до Криксина не дошли, стояли в соседних селах.

После окончания войны я год училась на счетовода в районном центре Ершичи, потом вернулась в родной колхоз имени Буденного, но ненадолго.

Заявился к нам какой-то вербовщик, предложил поехать на торфяные

разработки. Пробыла там полгода, получила паспорт. Деревенским в те годы паспортов почти не давали. Сбиралась работать счетоводом в колхозе. Однажды приехала из Москвы соседка Даша, устроилась она там дворником. Рассказала, какой это большой красивый город: «Хотите, девчонки, приезжайте ко мне, будем вместе в Москве жить и работать!» И мы подались с подругой в столицу.

Приехали, кое-как добрались до Дашки-дворничихи, да на работу нигде не брали. Однажды идем по улице, видим объявление: «Метрострой набирает работников, жилье предоставляется». Пришли на собрание, там таких желающих было еще человек 20. Метрострой оказался не в Москве. Но выбора не было, поехали в Хотьково, там нас встречали на лошади.. Погрузили вещи, а сами пешочком, десять километров до Метростроя, нынешнего Мостовика.

Обосновались в третьем бараке, устроились на работу, и началась новая страничка в жизни. Я выдержала, осталась. Работала кондуктором, заправщицей на складе ГСМ, паспортисткой, комендантом, зольщицей в котельной, рабочей склада. Начальство узнало, что я закончила курсы счетоводов – повысили, назначили старшим кассиром. На этой должности я так и работала 30 лет до самой пенсии. Мостовик стал родным, здесь вышла замуж, родила дочку, воспитала внучку. Заработала за 32 года 36 благодарностей и поощрений в трудовой книжке, три ценных подарка.

С гордостью показываю главное богатство свое – удостоверение ветерана войны, медаль «Ветеран труда», медали «За доблестный труд в Великую Отечественную войну» и «50 лет Победы в ВОВ»

Правнук Ян просит: «Баб Мань, дай медали поносить». Для него это красивые блестящие значки, а для меня – прожитая со всеми бедами и радостями жизнь.

Есть у меня две подруги - Мотя и Аня. Любят они поболтать на лавочке, поругать государство и правительство, а о молодых своих военных годах не любят говорить. Вспоминают деревни свои родные, мечтают на могилки к родителям съездить. И каждый год 9 мая повторяем, как молитву: «Господи, хоть бы войны больше не было!»

Из газеты «Биографии военных лет ТАСС»

Бойкова Тамара Алексеевна

Моя мама

Моя мама, Строганова Федосья Владимировна, родилась в 1902 году 22 мая в бедной безземельной семье. С трудом она кончила полторы зимы грамоты и пошла в тринадцать лет работать. С этих лет она познала тяжелый крестьянский труд. Пахала и боронила землю, сеяла рожь, ячмень, овес,

лён. Затем все лето ухаживала за растениями. Полола лен, дергала, молотила валиком, стемла лен, мяла, трепала кудели и получался северный шёлк. Жала зерновые целыми днями в жару босиком, только водички попьет да грудь помочит и дальше за работу до заката солнца. А там ждут ее хозяйственные работы. Коров хозяйских доить, овец загонять во двор и т.д. до ночи. Некогда было ноги помыть, причесать волосы. Мыла ноги ночью в пруде, и одни цыпки были на ногах. В конце лета приходят дожди, ей не до отдыха. Хозяин посылает в лес за грибами, орехами в проливной дождь, наденет мешок на голову и пойдет, а слезы ее душат от бесчеловечности. Расплачивается с ней хозяин осенью в Юрьев день. Валеные сапоги, варежки, полушубок, полушубок, из продуктов - картошка, мука ржаная. А зиму, шесть месяцев, - без копейки. Надо у зажиточного крестьянина зимой pillar строевой лес и возить его на продажу, на рынок, за несколько километров. Получала за работу только на питание, чтоб не умереть с голоду. А весной опять надо наниматься на крестьянские полевые работы. И так из года в год до замужества. Во время войны осталась она с двумя детьми. Растила нас в трудные военные и послевоенные годы. Отец пришел с войны, но немного пожил – умер в 1949 году. До конца своих дней она трудилась. После выхода на пенсию растила внуков. Они ее очень любили. Похоронена она на Никульском кладбище в 1982 году. Царство ей небесное.

Вандышева Лидия Степановна

Родилась я в 1938 году 25 марта. В 1941 году, когда началась война, моего отца, Леонова Степана Тимофеевича, 1914 года рождения, взяли на фронт. У моей мамы было четверо детей, Мы в это время жили в Москве, затем переехали в город Краснозаводск к родственникам. Ехали зимой на повозке. Помню, добирались очень долго и было очень холодно.

Отец на фронте был поваром, присылал письма, что все время меняют место дислокации. А в 1942 году пришло извещение, что отец без вести пропал. В этом же году ушла на фронт моя старшая сестра, Леонова Клавдия Степановна, 1925 года рождения, после прохождения курсов медсестер. Она была веселая, жизнерадостная, талантливая - хорошо рисовала. За боевые заслуги на фронте приезжала в отпуск повидаться с родными. В конце 1944 года пришло извещение о её гибели. Невосполнимое горе поселилось в нашу семью.

Моя мама работала уборщицей, была больна и мы, как могли, старались пережить невзгоды войны. Я, брат Леонов Виктор Степанович, 1929 года рождения, сестра, Леонова Зинаида 1927 года рождения выкапывали мороженую картошку, пекли блины, из крапивы и лебеды варили щи. Хлеб давали по карточкам. Стояли ночами, занимали очередь, ждали привоза.

Всегда хотелось кушать, одеваться было не во что, мама все выменяла на продукты.

После войны брат ушел в армию. Началась мирная жизнь.

Васильева Татьяна Дмитриевна

Параллели

Сибиряки

1941-й год. Сибирь, Томск. У репродуктора на улице толпится народ. Елена ведет Витьку в садик: стой, что-то случилось, народу-то сколько!

- Война, девка, Молотов говорит! Немец на нас идет...

- А в газете написано: Сталин пакт какой-то заключил, войны не будет.

- Плевали фашисты на тот пакт. Еще ночью ребята наши, пограничники, бить их начали. Там и томичей много. Прогонят проклятого!

Все верили, что беда эта ненадолго. Но вскоре голос Левитана все чаще, хоть и спокойно, сообщал, что война шагает и шагает с запада на восток. Пришли первые бумажные треугольники в семьи убитых и раненых сибиряков.

Тетушки Вити и Ани – Валентина и Ефимия, – приходя с работы, рассказывают о беженцах с Украины, Белоруссии. Их взяли на фабрику, там установили станки, привезенные с запада.

- Будем и мы на войну работать. Мужиков-то совсем мало осталось.

Работала на войну и карандашная фабрика мамы Лены. Делали из березы приклады на винтовки, автоматы. Рабочий день у всех становился все длиннее и длиннее.

Отца ребяташек, Николая Ефимовича Васильева, мобилизовали. Он пришел попрощаться – идет в Сибирскую дивизию. Виктор и Анна плохо помнят тот день.

Позднее они узнали, что отец выжил, но домой не вернулся, завел другую семью. Дети долго не могли

простить ему измену маме, но со временем простили, как и Елена.

Старшая сестра Вити, Аннушка, училась в третьем классе во второй женской школе и забирала братишку из садика. А в сорок третьем его приняли в шестнадцатую – мужскую. Учебники мама Лена покупала на толкучке, иные из них были изданы еще в первые годы после революции, с Тухачевским, Якиром, Блюхером, их зарисовали чернилами, но прочитать фамилии «предателей» все же было можно.

С холщовой сумкой, сшитой мамой, Витя, вечно голодный, ходил в школу через старые огороды. По дороге попадался то помидор, то огурчик, то торчащая из земли морковка. Забегал и к бабе Дуне, матери отца. К ней приезжали мужики из ее деревни, привозили картошку на продажу. Внуков гнала. Витя радовался, когда мог утащить две-три картофелины. Подбирал он и картофельные очистки: бабка выбрасывала их, он собирал, бросал на горячую плиту. Но голод уходил ненадолго. В школах им давали по крохотному кусочку хлеба, посыпанного сахаром. Витя приносил сахар домой, как-то умудряясь ссыпать, завернуть его в бумажку.

Иногда мать покупала на мельнице лузгу овса, заваривала кипятком, отцеживала крахмал и варила кисель. Детям казалось, вкуснее ничего не бывает.

У Ани, кроме уроков и братишки, было важное для всей семьи дело – вовремя сходить за хлебом по карточкам мамы и тетушек. Его с каждым месяцем становилось все меньше и меньше. Она несла хлеб и не могла отвести от него глаз. Иногда, нечаянно отщипнув кусочек, не могла удержаться и нечаянно съедала весь. Домой приходила заплаканной.

Семья жила на улице Коммунистической в полуподвальном доме. Их комната внизу была постоянно сырой. Окошко по утрам чуть освещало жилье. Холод и сырость в их каморке снилась всей семье долгие годы. В начале войны к ним вселили спецпереселенцев. Позже привели двух инвалидов стройбатовцев.

Трудно было понять, почему только к ним в переполненную комнатенку, где ютилась их семья – мама, ее сестры Валя и Фима, Витя с Аннушкой, – приводят двух-трех чужаков, а этажом выше, в двухкомнатных квартирах, живут как жили, не потревоженные, соседи. Позднее узнали: в одной из верхних жили родители какого-то важного лица, во второй – работник НКВД.

Как-то на фабрику Ефимии пришел военком:

- Девчата, фронту нужны медсестры, санитарки, шофера, не подведите Сибирь нашу матушку, приходите к нам. Без вас солдатам куда как плохо, он показал на ногу, сам бы пошел, да вот отвоевался, одноногих не берут.

Беженки опустили головы, кто-то сказал: «Мы уж навоевались».

Фима подошла к нему:

- Прав лейтенант, пора и нам братьям-сибирякам помочь, чем можем, бьют фашистов уж год, кто жив, а кто и в земле лежит.

Поддержала сестру и Валентина. С трудом

добилась она увольнения. Ее направили в школу медсестер, узнав, что она аквалангистка, не одного утопающего вытащила из Томи:

- Нынче нужны спасатели на земле родной.

Ефимия с Ритой, ее подружкой, научились водить ГАЗик (к концу войны Фима водила студебеккер). Елена ночами плакала: вернутся ли сестренки.

Одним из первых их боев был за Воронеж. В 1944-м Валентина вернулась в Томск, вскоре родила сына. Ефимия вместе со своей Сибирской дивизией брала Берлин. Теток встречали с радостью и гордостью за них.

Работать Витя начал с пятнадцати лет. Учился в вечерней школе. Закончил геолого-географический факультет Томского университета. Ему, отличнику, разрешили избрать место работы. Он выбрал Дальний Восток, рудник Хрустальный – место встречи с Татьяной, ставшей его женой.

Аня и Витя всю жизнь гордились тетками. Гордились своим любимым Томском. Гордятся и сейчас городом, где зародилось движение «Бессмертный полк», подхваченное всеми россиянами, помнящими о победе Родины над фашизмом. Подхвачено оно и во многих странах мира.

ДАЛЬНЕВОСТОЧНИКИ

1941-й год. Дальний Восток. Год тяжкий для Родины. И для Дмитрия Ивановича Дюкова (моего отца). Его запросы в Министерство цветных металлов отпустить на фронт - не приняли: «Стране нужны медь, олово. На востоке богатые месторождения». Нужно было и золото – покупали оружие в странах-союзниках.

Работалось трудно, с постоянным чувством вины перед женщинами, сменившими мужей, ушедших на фронт. И – самое тяжкое – перед теми, кто уже не увидит их.

Тех, кто вернулся с неизлечимыми ранениями, списанных на гражданку, с радостью встречали родные. Повеселели «шахтерки». Нередко приходят с просьбой уволить: «Жду дитя».

«Дитем войны» была и я – родилась 19 января 1942-го года. В «Правде» была статья о Зое Космодемьянской, назвавшейся Таней. Друзья родителей считали, что имя мое в ее честь. Лет в семь-восемь я узнала, что совпадение

моего имени с героиней было случайным. Отец закончил церковно-приходскую школу, большими праздниками для него в январе были Крещение Господне и Татьянин день.

В апреле 1944-го года родилась Наташа. У родителей не было свободного времени, они оставляли нас со старшей сестрой Ритой. Помню, когда Натка начала ходить, я, держа ее за руку, водила за собой.

По окончании войны отца, как руководителей его ранга, каждые два-три года переводили с одного места работы на другое, где он добывал олово, золото и другие цветные металлы. Мы ездили с ним от Сибири до Дальнего Востока. Бывало, и обратно. Часто дорога лежала через Иркутск. Наши баба Саня и деда Мося радовались, встречая нас. Зима. Дед ведет нас на елку: «Таких у вас в тайге нет». Он несет Наташку на плечах, меня держит за руку. Идем по снегу, мерзнем, и вдруг – свет, огоньки. Елка! Такая нарядная! Мы бегаем, прыгаем вокруг нее. И помним всю жизнь.

Сибирь держала отца долгое время. Однажды на один из приисков приехал из Москвы известный в стране журналист Дмитрий Бальтерманц. Он написал очерк в «Огоньке» о папе. И наснимал нас с мамой, сестренкой. Вернувшись в Москву, прислал журнал и наши фотографии. Мне было четыре года, Натке – два. Фотографии хранятся в нашем семейном альбоме.

Министерство вскоре направило отца в Казахстан. Рудник Ленинский. Здесь я пошла в первый класс. Детей моего возраста и чуть постарше и помладше меня было немного. Школа на руднике четырехклассная, учительница в ней одна – Надежда Алексеевна. Учились одновременно: утром – первый и третий, после обеда – второй и четвертый классы. У меня одной – считая мамой форма с фартуком.

Меня посадили рядом с Толиком, сыном наших соседей. Я радовалась: подружился еще до школы. Радовалась и мама: «Научит тебя писать по-русски». Я хоть и умела писать и читать, писала буквы «с переворотом»: тройку – как Е, Я – Р, И – N... Толик поправлял мои ошибки, ворчал: «Что за чистописание у тебя». Но с этим ни он, ни учительница не справлялись. Надежда Алексеевна смирилась и ставила мне одну оценку за чистописание и почерк, другую – за грамотность. Мама говорила, что оба мы с Толиком отличники, только он настоящий, а я «под его руководством».

Всерьез заболевшей маме врачи посоветовали

ехать на известный курорт в Алма-Ате. Яблоки «алма-атинский апорт» огромные, не вмещающиеся в наши детские ладони, помнятся до сих пор.

И снова мы едем. Теперь в Благовещенск, на родину мамы. Папу назначили заместителем директора комбината, вернув к добыче олова. Здесь мы с Наташей учились в некогда маминой школе. Мне полюбили уроки французского и всегда нарядная, веселая учительница.

Вскоре новый перевод. Едем на Дальний Восток. Как оказалось, олова под Благовещенском было не так много. А нам понравилась школа – было обидно, когда уезжали оттуда.

Родители утешали:

- Поедем по той же дорожке, что ехали и в Казахстан, и в Благовещенск. И твой французский не уйдет никуда, у вас будет хорошая школа.
- И через Байкал поедем? - теребили мы его.
- Поедем, и церковь, помните, в реке стояла, увидим.

С французским на руднике Шетуха не получилось: в школе был только английский. Жиле рядом с речкой. По тропинке вдоль нее мы ходили на источник, за «нарзаном». Водичка была целебная.

На горной площадке контора отца, обогатительная фабрика. Там же и школа. На уроки мы с сестренкой ходили не по дороге, а по тропинке. Лес и зимой, и летом дарил чудеса: то яркое бело-синее перо сойки, то белочку, роняющую кедровую шишку, то напуганного нами зайчонка, качели из лианов.

Последним для нас и родителей был переезд в Приморье, рудник Хрустальный. Здесь мы с Наташей, закончив школу, поработали и поехали в родной Иркутск. Она поступила в финансово-экономический институт, я – в ИнЯз. Одновременно с факультетом романских языков окончила факультет журналистики.

В Иркутск и приехал ко мне Виктор. У нас появился сынишка Митя.

Вскоре друг Виктора убедил его вернуться на Восток. Рудник Солнечный – родина дочки Тани. На три года мужа послали в Алжир. По возвращении в Солнечный, до пенсии работали там: Виктор руководил геолого-разведочной экспедицией. Вскоре его избрали главой администрации нашего двадцати пяти тысячного поселка. Я работала редактором газеты.

Со временем приняло нас Подмосковье, поселок Мостовик. С нами живет дочка. Рядом в Москве сестра Наташа. Летом с дальнего севера с семьей приезжает сын. А я пишу стихи, рассказы, повести.

Гаврилов Феофан Михайлович

Я родился в большом сибирском городе Омске в 1940 году в семье музыканта-баяниста. Под руководством отца начал заниматься игрой на баяне, как только подрос. Очень любил рисовать.

Через несколько лет наша семья из трех человек переезжает в город Тару, а позднее в город Тобольск Тюменской области. О войне воспоминаний не осталось.

В Тобольске я стал посещать класс рисования при Доме пионеров. Меня заметили и предложили поехать учиться в город Хотьково в АХПУ. Я поступил в АХПУ в 1957 году, а в 1962 году закончил его по специальности мастер художественной обработки кости. Стал работать на фабрике «Народное искусство», но скоро она закрылась, и я решил пойти работать в образование.

Стал работать в Загорской средней школе №14 в должности учителя музыки. Поступил в Царицинское музыкальное училище по классу баяна, но не закончил по семейным обстоятельствам.

Работая в школе № 14, я по совместительству работал в Репеховской средней школе много лет.

После ее закрытия подрабатывал несколько лет в Хотьковской школе-интернате музыкантом. Еще работал в школах №3, №4 города Хотьково. Выступали с хором на конкурсе в Москве. Некоторые мои ученики поступили в музыкальное училище города Пушкино, институт Культуры. На уроках прививал любовь к искусству. Мы с учениками принимали участие в смотре школьных хоров и занимали призовые места, о чем сообщали в газете «Вперед».

Полвека отдал работе с подрастающим поколением, мои ученики помнят меня и благодарят. В 2015 году ушел на заслуженный отдых, но до сих пор не расстаюсь с инструментом, совершенствуя технику игры.

Головинская Тамара Ивановна

Родилась в 1928 году в г.Вышнем Волочке Калининской области и проживала до октября 1946 г. Отец, Головинский Иван Алексеевич, 1898 года рождения по специальности закройщик-заготовщик всевозможной кожаной обуви. Во время войны не был призван на фронт по болезни сердца, инвалид 2-й группы. Работал в артели инвалидов по пошиву обуви для Армии. Умер в 1946 г. от скоротечного туберкулеза легких.

Мать, Головинская Наталья Андреевна, 1900 года рождения, домохозяйка. Умерла в 1934 году после преждевременных родов.

Во время войны, мы-подростки, группой 3-4 человека ходили по улицам выделенного нам участка и следили за соблюдением светомаскировки.

Мы с братом (пока его не призвали в армию) выходили во двор в укромное место и смотрели где, в какой стороне были взрывы. Если определяли, что не так далеко, то бежали в ту сторону по окончании налётов в надежде хоть чем-то помочь: разгрести небольшие завалы.

Однажды был такой случай. Недалеко от нас услышали взрыв и побежали с братом в ту сторону. Там разрушен был деревянный домик, середина с крышей обвалилась, а углы остались. Возможно было не прямое попадание, а разрушение произошло от взрывной волны, не знаю. Когда мы стали осматривать, то увидели в углу, где висел умывальник, на табуретке стоял тазик, а под табуреткой бабушкина голова.

Так она спасалась, не вся, а берегла голову. Мы прибежали туда минут через 10. Она всё это время боялась встать и лежала, пока мы её не подняли. Потом она сказала: «А вдруг ещё будут бомбить?» Сколько лет прошло, а этот случай не забыть.

В сентябре пошла в школу далеко от дома, а рядом уже был размещён госпиталь. Впоследствии школа осталась одна на весь город. Даже в поликлинике был госпиталь. В школе училась недолго из-за частых воздушных тревог: то бежали в бомбоубежище, то после отбоя – в класс. Прекратили учебу с октября по декабрь включительно. Эти три месяца я ходила в госпиталь, который находился рядом. Помогала раненым, как могла: кормила, поила, тем, кто сам не мог, писала письма их родным, мыла полы, стирала бинты. После возобновления учёбы в той единственной школе я продолжала ходить в госпиталь в свободное время. Когда они уезжали, мне выдали справку о работе.

Зимой нас, школьников, посылали в лес на заготовку дров для отопления школы. По пояс в снегу мы вокруг дерева разгребали снег, чуть не под корень спиливали дерево, обрубали сучки, сжигали их и сами немного обогревались. Затем распиливали двухметровые чурки, укладывали на большие санки и везли на школьный двор. Там делали замеры, записывали, а какая норма была на человека – не помню.

Летом мы работали в подсобном хозяйстве далеко от города. Выращивали капусту, свеклу, картофель. Там нам на костре варили щи из листьев свеклы, а кусочек хлеба брали из дома. Когда зимой мне за работу привезли небольшой мешок картошки, то больной отец даже заплакал.

Я не могу подтвердить работу в госпитале, так как после смерти отца я уехала в Узбекистан, поступила работать в райсобес старшим счетоводом. Там оставила все справки: из госпиталя, горкома комсомола, школы.

Я награждена медалью «За доблестный труд в ВОВ».

Горлова Лидия Дмитриевна

До войны мои родители жили на Украине. Когда началась война, папа, Лесников Дмитрий Родионович, нас перевёз на свою малую родину — в Липецкую область. Он верил, что немец сюда не дойдёт, а на Украине мы погибнем. Привёз нас, а сам ушёл на фронт. Нас у мамы на руках осталось трое детей: 5 лет, 3 года и мне было всего три месяца. Была середина лета, дере-

венские посадки были закончены, а у нас сажать было нечего. Мама, Лесникова Степанида Яковлевна, меняла одежду, бельё, все хорошие вещи на картошку и хлеб, чтобы нас накормить. Вскоре менять было нечего. Мы голодали. Когда в деревню приходили наши солдаты, то они делились с нами пайком. Отец был прав: до Липецка немец не дошёл всего 60 км.

В 1944 году в ноябре отца комиссовали по ранению, и он вернулся в деревню больной и похудевший. Когда нам передали, что идёт Дмитрий Родионович, то мы, дети, побежали его встречать за околицу. Братья меня обогнали, а я упала в траву и заплакала от обиды, что не успею. Отец подошёл ко мне, взял на руки и понёс.

Дома папа из вещмешка достал хлеб, консервы, сахар. Давали нам понемногу, чтобы подольше хватило. Папа стал помогать сельчанам: то косу или серп наточить, то топор сделать, и мы не голодали, ему за работу приносили продукты, кто что мог.

Через полгода война закончилась, а папе стало хуже. Зимой 1946 года папу увезли в больницу. Умер от ран. Вечером в этот же день у нас родилась ещё одна сестрёнка Анечка. И снова весь труд и заботы о нас легли на мамины плечи.

1946-1947-годы были неурожайные. Наступил сильный голод для всех. Маленькую сестрёнку кормить было нечем. Старший брат пошёл по деревне просить милостыню. Всё, что он приносил — то картошинку, то кусочек хлеба - мы оставляли малышке, а сами пили кипячёную воду из снега. Старшему брату было семь лет, а мне пять. Мы уже не могли ходить от истощения, а только ползали, себя я не видела, а у брата была большая голова и огромный живот, ноги и руки, как палочки. С божьей помощью мы выжили все. Мама после работы становилась на молитву и нас заставляла молиться, заливаясь слезами. Однажды, в метель, мама не пустила старшего брата побираться. Мы пили воду, а малышка плакала от голода. Брат решил полезть в погреб, чтобы у мышей что-то найти в норе, но ничего

не нашёл. Я подползла к сестре и потеряла сознание. Когда очнулась, то на груди у меня лежал средний брат. Он увидел, что я очнулась и сказал: «Больше я молиться не буду, не могу!»

Но вот пришло лето, появилась еда: ...трава! Мы ели всё подряд! Приносили вязанками и за день всё съедали. От лопухов губы и зубы стали чёрными. Губы и рот покрылись водянками, которые лопались, есть было ужасно больно, но ели...

И снова пришли заморозки, выпал первый снег. Мама работала дояркой. Коровы были ещё на лугу. Обуть было нечего, на работу мама ходила босиком. Чтобы добраться до травы, мама ногами оттаивала снег, ставила меня босую на это место, шла за коровой, подгоняла её, чтобы она поела этой травы, затем шла за другой. Так она кормила этих животных, чтоб хоть что-то надоить. Коровы не могли стоять. Чтобы подоить, приходилось четырём дояркам на верёвках через балку поднимать их на ноги, а потом осторожно опускать вниз. А у коров слёзы лились... За работу ничего не платили, только палочки ставили за трудодни.

Но в 1948 году в колхозе был урожай ячменя. Мама получила всего 16 кг на трудодни. И это на весь год! Кипятили 10-ти литровой чугун воды, бросали туда горсть ячменя... Но хоть вкус был другой! В этом же году меня взяли в детский садик. Я помню, как однажды мне дали стакан молока. И какое же оно было вкусное! Этот вкус я помню всю жизнь.

В школу я пошла в 1949 г. Зимой - в старом пальто в заплатках, а на ногах чувяки: лапти из верёвок с портянками. В школе чернила замерзали и мы тоже. Топить было нечем. Однажды, после второго урока я пошла домой по короткой дороге, через речку по льду. У меня развязалась верёвка на ноге, я нагнулась завязать и потеряла сознание. По этой дороге ходила только одна доярка и она нашла меня вечером. Меня оттирали снегом и спиртом, но в сознание я так и не приходила.

А мама в слезах искала меня, и только на работе ей сказали, что я жива, но пока без сознания. Когда через 10 часов я очнулась, то увидела маму. Она ждала меня. Женщина, наша спасительница, накормила нас супом с курятиной! Дома я даже хвалилась братьям, что ела такой суп, но они не завидовали мне, а просто были рады, что мы снова все вместе.

Через много лет я вдруг тяжело заболела, а когда поправилась, то стала писать стихи! Сама не понимаю, откуда это взялось? И первое стихотворение я посвятила нашей маме.

Женщин-вдов никогда не забыть,
Материнских слёз, что они по ночам проливали!
Они очень хотели жить,
И мы взрослую скорбь их с детства познали.
Мы, дети войны, ими гордимся,
Они сильные были духом!
На колени пред ними склонимся,
Пусть земля им будет пухом!

Губа Татьяна Павловна

Моя мама

Моя мама, Пытина Валентина Васильевна, родилась 5 ноября 1929 года в деревне Вороново Тульской области. В годы Великой Отечественной войны была ученицей Пахомовской средней школы. Ее отец, Смирнов Василий Федорович, был призван в Красную Армию в первые дни войны. Их эшелон был направлен на передовую и 26 июля 1941 года под Могилевым попал под бомбежку, а выжившие солдаты попали в плен. 24 ноября 1941 года отец погиб.

Семья переехала на жительство в деревню Турино Тульской области к родителям бабушки, Смирновой Александры Ивановны, - так было легче выживать. Жили своим хозяйством. Работали в поле и на ферме. Бабушка трудилась дояркой. Приходилось очень тяжело, все делали вручную.

Зимой было особенно трудно: воду носили ведрами из пруда, сено брали из стогов, находящихся в поле, и привозили на санках. Лошадёй было всего две, и на них не успевали подвозить корма.

Летом маме приходилось трудиться в поле на посадках картофеля и свеклы, а затем и на прополке. Все дети нашего села помогали взрослым на сельскохозяйственных работах, особенно на заготовке сена. На учебу времени оставалось мало, но мама успешно закончила 10 классов.

После окончания войны она работала в полеводческой бригаде учетчицей и счетоводом.

В январе 1949 года - вышла замуж в соседнюю деревню Шульгино.

В 1950 году родилась я, а мама продолжала трудиться и вела домашнее хозяйство. У нас всегда было много домашнего скота: корова, поросята, овцы, куры, гуси.

Я с самого раннего детства видела, как трудились мои родители, и старалась во всем им помогать. Несмотря на тяжелый труд, они были жизнерадостными, веселыми, собирались на вечерки: пели песни, плясали. Мама и папа были заводилами на всех праздниках до самой старости. 17 мая 2009 года на 80-м году оборвалась жизнь моей мамы, но я буду ее помнить всегда.

Гусева Юлия Николаевна

Родилась 15 декабря 1929 года в деревне Заполье Тульской области.

Отец, Гусев Николай Стефанович, родился в 1898 году, работал председателем колхоза, ушел на фронт в 1941 году, в 1942 году пропал без вести. Мать, Гусева Акулина Дмитриевна, родилась в 1900 году, работала в кол-

хозе. Мы жили в деревянном доме, спали на полу, на соломе, которую заготавливали летом и на сене, заготовленном для скота. У нас было большое хозяйство: корова, овцы, гуси, куры, утки, за которыми надо было ухаживать. Хлеб пекли сами. Зерно молоть на муку ходили за семь километров на водяную мельницу. В семье было восемь детей: пять мальчиков и три девочки.

Во время войны немцы находились с трех сторон от нашей деревни, поэтому в деревне стояли зенитки и «катюши». Рядом находилась медсанчасть, куда привозили раненых из города Ефремов. Мы ходили навещать раненых, мама и сестры вязали носки и варежки, отправляли их на фронт. Во время войны у нас жила семья из четырех человек из Москвы. Я и училась, и работала в колхозе, поэтому имею удостоверение ветерана Великой Отечественной Войны.

Старшие братья, сестра и я ходили в начальную школу, расположенную в четырех километрах. Школа-семилетка располагалась за семь километров, поэтому приходилось жить в частном доме там у знакомых.

В 1945 году наш дом сгорел, восстанавливали всей семьей с помощью жителей деревни, потому что жили все дружно. Об окончании войны услышали по радио, когда ходили на мельницу молотить зерно на муку, оставили на мельнице зерно и радостные побежали к себе в деревню, чтобы сообщить радостную весть.

В августе 1946 года наша семья переехала в деревню Шапилово Московской области. В 1948 году я поступила в ФЗО, проучилась девять месяцев и пошла на работу на Горбуновскую ткацкую фабрику, где проработала до 25 октября 1974 года и была награждена наградами «Отличник социалистического соревнования», «Победитель социалистического соревнования», «Ударник коммунистического труда». После этого работала на хлебозаводе, заводе «Теплоизолит». Награждена четырьмя юбилейными медалями в честь Победы в Великой Отечественной войне.

Гущин Станислав Федорович

С самого моего появления на свет меня ждала большая беда – через 17 дней прямо в роддоме умерла моя родная мама, а через год я остался без отца.

Мой родной дядя, брат мамы, взявший меня на воспитание, через три года вместе с женой, после того, как промотали дом моей матери, отказал-

ся от меня. Дорога у меня была одна – детский дом. Но судьба оказалась ко мне милосердна – в возрасте 6 лет меня забрала из детского дома родная сестра моего отца – Муравьева Елизавета Васильевна, проживающая в то время в деревне Яковлево Загорского района. Своих детей у неё не было. Она мне и стала второй матерью, самым дорогим и близким человеком.

Судьба у неё была нелегкой, как и у большинства советских граждан в те годы. 16-летнюю девчонку из деревни Абрамово выдали замуж за 21-летнего парня из соседней деревни Ботово. Позже, семья переехала на постоянное место жительства в просторный дом под железной крышей в деревню Яковлево. Но жизнь в молодой семье не заладилась, молодуха не приглянулась свекрови. Начались скандалы, унижения, ссоры, доходило дело и до рукоприкладства. В новой семье молодая хозяйка превратилась в рабыню: выполняла по дому все мужские и женские дела. А хозяин со временем превратился в заурядного гуляку и деспота. Промучившись лет тридцать, Елизавета Васильевна все-таки развелась.

Из четырех окон дома бывший муж отделил нам одно окно, так мы и жили в узкой коморке втроем: я, моя приемная мама и её мать, моя бабушка. Было ужасно тесно, но мы терпели неудобства. Это было не так страшно, потому что рядом была она, моя мама, так я называл свою тётушку и даже представить не мог, что на её месте может быть кто-то другой.

В годы войны мама работала уборщицей и истопником в нашей местной школе. Я, как мог, помогал ей – носил дрова к четырем школьным печам. Дрова были длинные, тяжёлые, печи топили до поздней ночи, чтобы к утру в школе было тепло. Мама в то время была уже инвалидом II группы. Жили очень тяжело, особенно во время войны. Не хватало еды, и мама меняла старинные вещи на муку. Зимой меня решили отправить на родину моей родной мамы, чтобы я укрепил своё здоровье. Там я и пошёл в 1 класс. Было это в 1942 году...

С возрастом я освоил все крестьянские работы в деревне, мог выполнить любое дело по дому. Старался помогать маме во всем, облегчить её нелегкую долю. И хотя она была неграмотным человеком, но в деревне все её уважали. Её ценили и учителя, и жители деревни. К ней часто приходили за советом, как говорится, и стар, и млад. А она никогда не отказывала, помогала, чем могла, давала мудрые житейские советы. Кто лучше всех в деревне сметает стог клевера? Конечно, Елизавета Васильевна. Кто может на взгляд определить урожайность хлеба в поле? Опять Елизавета Васильевна. Бригадир прислушивался к её советам, а она гордилась своей крестьянской жилкой, активно помогая колхозу.

А уже как она была добра и ласкова ко мне! За меня переживала, как за

родного сына. Помню её слёзы, когда я лежал в больнице, и моё состояние было критическим. Как везла она меня на лошади со скарлатиной в Загорск и всю дорогу причитала: «Сынок, всё будет хорошо, - шептала она сквозь слёзы, - ты обязательно поправишься». И я выздоровел тогда вопреки всему, думаю, молитвы моей мамы помогли.

Умела она и быть строгой. Когда в третьем классе получил двойку, побоялся ей сказать. А когда она узнала, решила, что мне мешают учиться... лыжи. Запретила кататься на них, пока не исправлю двойку. И я исправил. Четвёртый класс окончил с похвальной грамотой.

Помню, как на речке потихоньку курил с ребятами. А мама случайно проходила мимо. И, конечно, наказала меня так, что я дал себе слово больше никогда не курить. И слово своё сдержал!

Особенно тяжело было маме последние годы её жизни. После семилетки я учился в Александрове, приезжал только на выходные, потом более двух лет служил в армии, а после работал учителем в другой деревне и только в выходные видел её и помогал. Ко мне переехать не хотела, считала, что жить надо у себя дома. Тяжело прожитые годы подорвали её здоровье. Она умерла рано, в неполные 65 лет, оставив в наследство дом, выкупленный ею у своего «благоверного» после войны.

И каждый раз, когда я бываю с женой и детьми на её могиле, от всего сердца говорю: «Низкий поклон тебе, моя дорогая и любимая мамочка, за то, что, несмотря на все трудности, не бросила меня, а вырастила в любви и дала мне хорошую путевку в жизнь».

Евдокимова Вера Ананьевна

Мне кажется, главный подвиг матерей во время войны - это сохранение детей. Вдовы убитых на войне не сдавали детей в детдома, а семьи в основном были многодетные. Количество детдомов было значительно меньше, чем в наше время. Конечно, на плечи женщин, когда мужчины отстаивали страну на поле боя, легла организация жизни в тылу, работа на земле, на заводах и фабриках, помощь в госпиталях. Но главная миссия - материнство, никуда не делась.

Маме в июне 1941 года было 26 лет. Самостоятельно жить начала рано - уехала из дома после семилетки в 14 лет. Поступила в Ивановский техникум (за 30 верст от дома), а его перевели далеко - в Кострому. Там познакомилась с отцом. В начале 30-х годов они закончили Костромской землеустроительный техникум. В мае 1934 года поженились в Рыбинске. Жилья не было, снимали угол в деревне

вблизи Ярославля, областного центра. Молодым специалистам - отцу, Яковлеву Ананию Федоровичу, 1910 года рождения, и маме, Яковлевой Анне Ивановне, 1914 года рождения, предложили на выбор несколько мест. Заманчивым казалось с. Красное на Волге, но там не сулили жилья. Знакомые землемеры сказали папе, что в северном райцентре Солигаличе можно получить комнату, район лесной. В мае 1935 года родилась дочь, я, первенец. А в феврале 1936 года, после того как домохозяйка в Ярославле попросила искать другое жилье, в лютые морозы тронулась семья в Солигалич. От ж/д станции Галич, сто с лишним вёрст, ехали на лошадях, меня, девятимесячную, закутали в тулуп. Сначала снимали комнату у тёщи бывшего сокурсника Ф.Д. Дудина, потом получили комнату в коммуналке. В доме жили три семьи. Комнатушка была настолько мала, что меня на ночь выносили на кухню в бельевой корзине. Так начала жить семья молодых землеустроителей вдали от родных.

Мамины родители с другими детьми (всего 6 человек) жили в пос. Лежнево Ивановской области. Папа был последним ребенком тоже из многодетной крестьянской семьи из-под Кинешмы, рано остался сиротой. Работали мои родители в райзо землеустроителями. Мама была лучшим картографом в отделе. Помню красиво оформленные карты на матерчатой голубой кальке (такой потом я нигде не встречала). Земельный отдел был большой, шла организация колхозов. В 1938 году после рождения третьего ребенка - сестры Зои, получили две комнаты в доме. К началу войны в семье было четверо детей, мне, старшей, исполнилось 6 лет, брату Володе не было ещё и пяти, младшей сестренке Лёле - 10 месяцев.

Хорошо помню первый день войны. Все взрослые ушли на площадь, на митинг. Я не могла понять - зачем, но лица взрослых были заплаканы, а не праздничные, как во время демонстрации первого мая. Мальчишки из соседних домов спорили, кто на нас напал - белые или немцы. Из «черной тарелки», что висела на столбе, раздавались какие-то мрачные речи. Такая же «тарелка» - радио висела дома на стене.

Помню, как пошли с мамой в магазин. Она протянула продавщице шитые нитками карточки, та оторвала от них по купону, вернула маме, затем взвесила хлеб. На детские карточки выдавали по 400 г. черного глинистого хлеба, на иждивенца – 300 г., на работающих – 600 г. Детские были синего или зеленого цвета, иждивенческие – черного, рабочие – красного. Однажды Володя, которого мама послала за хлебом, потерял карточки. Мама тут же пошла в магазин. На карточках была написана фамилия. Добрые люди, что нашли, отдали их продавщице.

Папа в это время был на трудовом фронте, его мобилизовали сразу на строительство оборонительного пояса вокруг Ярославля, он возглавлял отряд солигаличан. В первые месяцы войны встал вопрос о переносе столицы, Ярославль был одним из вариантов. В 80-е годы мне довелось прочитать в областной Ярославской газете, как некоторые коммуникации подземного города, возведенного в 1941 году, стали разрушаться: «Идет девочка по полю с козой и вдруг проваливается в вентиляционную шахту...».

В период войн самый страшный враг – голод. Я видела карикатуры времен гражданской войны на эту тему. На протяжении многих лет вспоминала строчки Н.А. Некрасова: «В мире есть царь, этот царь беспощаден - голод названье ему...»

Жителям Солигалича, которые держали домашних животных: коров, коз, овец, кур, было легче продержаться. Нашей опорой было только несколько грядок в огороде при доме и картофельная грядка за городом.

Летом 1942 года, в один из кратких приездов домой папы, услышала от него: «У меня бронь». А мама говорит: «Поезжай на фронт, мужчины воюют». В сентябре 1942 года мы провожали папу на фронт. Через много лет, уже в 80-е г.г. узнала, что пошёл он добровольцем. В Солигаличе его просьбу не удовлетворили, так как из молодых землеустроителей он остался один, остальные воевали.

Помню, как всей семьей ходили фотографироваться. Надпись на фото: «15 сентября 1942 г., перед отправкой папы на фронт». Через весь город в теплый погожий день ехала лошадка, в телеге лежали папин вещевой мешок и одежда, сидели младшие. Перед выездом из города наша подвода и другие остановились. Папа обнял, поцеловал всех, в этот момент я по-настоящему ощутила горе, слезы хлынули рекой. Младшие ещё не вполне осознавали происходящее. Когда телега выехала на мост через р. Кострому, папа помахал рукой. Мы держались за мамин подол. Мама едва сдерживала рыдания - четверо малышей, никого из родных рядом.

Володю и Зою мама отводила по утрам на детскую площадку (так называли детсад), на Лёлю давали обед в Доме крестьянина. Ещё летом я просилась в школу, папа рано показал мне буквы, в прогулках с ним по городу я читала вывески на магазинах. Старшие девочки из нашего дома и соседних рассказывали о школе, и мне очень хотелось учиться.

Женщин из райзо послали на воскресник обмолачивать снопы. После проводов папы мама не спала, плакала. Машинально сунула руку в молотилку и не сразу почувствовала боль. Пальцы правой руки раздробило, из раны хлынула кровь, рука в машинном масле. Женщины перевязали маме рану и повели в больницу. Спасло её от заражения крови и гибели только то, что в это время в Солигаличе работала хирургом, эвакуированная из Ленинграда, Людмила Михайловна Капица (я мысленно не раз благодарила её за спасение мамы). Уже смеркалось, день показался очень длинным. Мама предупредила, что вернется вечером. Вместо мамы пришла женщина из райзо, сказала, что её положили в больницу. Как поправится, выпишут. А пока она и другие тети будут к нам приходить. Хорошие были женщины, заботливые, помню четверых: две тети Кати: Петухова и Миронова, тетя Люся Жукова и тетя Маруся Смирнова. Тем не менее началось сиротство. Оно было не только временем горя и добавочных житейских тягот, но и временем разобщения. Лёлю взяла к себе соседка, и Лёля стала называть её мамой. Володя с Зоей были на детплощадке. В эти дни я была одна, ходила к маме в больницу, но в палату к ней не пускали. Это сиротство было недолгим, все необходимое для нас добрые женщины делали. Когда вернулась мама из больницы, с неё сняли пальто и явилась на перевязи рука, стало страшно. Лёля отшатнулась от мамы и осталась опять на ночь у соседки. После этого возникли разговоры с просьбой отдать Лёлю на удочерение. Разговоры возобновились, когда пришло известие о тяжелом ранении папы. Женщины обсуждали реальное положение семьи: голод, болезни, невозможность работать, другие тяготы. А мама качала головой: «Пока жива – будем все вместе».

Осенью 1941 года мама переживала первую потерю военного времени. Она получила письмо из Лежнева от брата-подростка, дяди Вити. Оказалось, убит 23-летний брат мамы, дядя Миша. При отступлении частей наших войск на Смоленском направлении (цензура военного времени не позволяла называть населенные пункты). Внезапно налетели вражеские бомбардировщики, обстреляли колонну отступающих. Прямое попадание в машину, в которой дядя Миша вез штабные документы. Весной 1941 года он оканчивал художественное училище в Иванове, выпуск был ускоренным, мальчиков отправили в военные лагеря, не пустили повидаться с родными. На первомайской демонстрации он проходил по Красной площади в рядах I Пролетарской дивизии. Последнее письмо родным писал при отступлении на пеньке в придорожном лесу. После бомбежки убитых не успели похоронить, отсюда сообщение родителям «пропал без вести». Раненый земляк-очевидец рассказал дяде Вите об этом.

Весной 1942 года погиб старший брат мамы, дядя Сережа, танкист, в Волховских болотах под Ленинградом.

Семья наша оказалась в тяжелом положении. Работать мама не могла,

жили только на деньги, получаемые по папиному аттестату лейтенанта. Получали рублей 600, литр молока стоил 30 рублей, стакан соли 200 рублей. На рынке нечего делать с такими деньгами. Знакомые уговаривали маму продать папино демисезонное пальто и велосипед – награда за хорошую работу. Она возражала.

Нам помог колхоз им. Мичурина, где мама на воскреснике получила увечье руки. В правлении колхоза нам дали мешочек овса. После этого жить стало веселей. Постепенно мама приспособилась все делать левой рукой, письма писала папе в госпиталь и родным в Лежнево, шила, стирала, готовила.

Мы, дети, постоянно хотели кушать. Пайки хлеба мама делила поровну на всех, часть съедали утром с картошкой, по кусочку оставляли на обед, а вечером мама давала по горстке вяленой свеклы. Овес мама сначала распаривала в теплой воде, потом подсушивала в печи, зерна получались очень вкусные. Мама насыпала всем по горстке овса. Кучки каждому хватало на вечер. А мама брала книгу и читала нам вслух. Первой из прочитанных мамой книг была «Чудесное путешествие Нильса с дикими гусями». Эту книгу я получила от папы в день рождение в канун войны. Наш день проходил в ожидании вечера, тем более, что на улице морозы, гулять не в чем. Когда наступали сумерки, мама растапливала печку-голландку. Она зажигала лучинку и подкладывала её под поленья в печке.

Весной можно было чем-то заполнить желудок. Едва сходил снег, мы с ребятами ходили по огородам, выкапывали случайно оставленную картошку, морковь, брюкву. Картошка была сладкая. Ели даже сырую, грызли с удовольствием. В мае, кроме кислицы и щавеля, собирали «сосновую крупу» – ароматные шишки молодых сосенок, наедались и приносили домашним. Едой служили дудки, молодые листья липы, особенно вкусные, если посыпать их солью. Но соль появилась чуть позже. Эта беспорядочная природная кормежка вызывала частые поносы. Лечила нас мама отваром из сухой черники. Очень часто сажали занозы на подошвах, поскольку ходили босиком. Прибежишь к маме, она вымоет рану, вытащит иглой занозу, смажет йодом и снова во двор.

Поскольку на карточки, кроме хлеба, других продуктов не давали, мама в качестве сладкого вялила вареную свеклу. Вместо чая пили отвар из вяленой моркови, из брусники мама делала сладкое повидло.

К осени 1943 года, вопреки маминым ожиданиям, война не кончилась. 1 сентября я пошла в школу. Было поначалу скучновато, так как читать и считать папа научил меня задолго до учебы в школе. Потом стали задавать задачки, стало интереснее. Осенью я попала в больницу с воспалением легких. В больнице давали кашу с молоком, хлеб с маслом, вкусный суп, сладкий чай. Вскоре меня перевели в палату к женщинам. Сильное впечатление произвела на меня ленинградка Аня, вывезенная из блокадного города

по озеру на санках. Умерли от голода сначала дети, потом родители. Муж пропал без вести на фронте. По дороге пропали вещи. Ходить она не могла.

Весной 1944 года приехал из госпиталя папа. Сотню верст от Галича везли его на лошади, мама посылала тулуп, согреться при ходьбе он не мог. Последняя операция – отсечение ноги выше колена. До этого он перенес две ампутации – отсечение ступни и ноги до колена, гангрена ползла выше. Прошел в течение года несколько госпиталей. Папа привез продукты – тушенку, сахар, сухой паек, полученный на дорогу. Мы отвыкли от папы за время разлуки. Он удивлялся, как мы выросли.

Ни он, ни мама из-за инвалидности не могли работать по специальности. Папа обратился за помощью к председателю райисполкома. Тот предложил ему должность заведующего райзо. Нам разрешили приобрести в колхозе в рассрочку корову. Теперь по утрам, кроме картошки, мы получали по стакану теплого молока.

Осенью 1944 года в школе ввели раздельное обучение. Мальчиков перевели в мужскую школу, мы остались в той же. Девочек учила К.П.Санкова (Воронова). Она стала добрым наставником, не только учила читать-считать, но водила класс на прогулки в лес, показывала нам, как вышивать и вязать, учила пению. Военное дело и физкультуру вел фронтовик-инвалид без руки.

В последние месяцы войны родители стали устраивать детям праздники. В конце 1944 года наряжали ёлки.

Забот и хлопот в семье маме прибавлялось. Весной 1945 года родился брат Федя, через 2 года Яша. В начале 50-х родился третий послевоенный – брат Сергей. В 1948г. учились одновременно четверо, причем в разные смены. Маме надо было всех накормить, проводить и встретить, а на руках ещё малыши. Хорошо, что учились все отлично. В конце каждого учебного года мама приносила с классных собраний похвальные грамоты с портретами Ленина и Сталина. Пятеро из семерых детей получили школьные медали и всем родители дали возможность учиться в ВУЗах, трое окончили мехмат МГУ.

После войны отменили хлебные карточки. В магазине в одни руки давали по буханке хлеба. Надо было отстоять несколько часов, чтобы получить хлеб и успеть в школу. Мама поднимала двоих из нас очень рано. Полусонные, шли к магазину, вставали в очередь. Во внутрь не пускали до приезда фургона с хлебом. Отойти, чтобы погреться нельзя, потом не втиснешься в спрессованную массу очереди.

Сейчас трудно представить, как мама справлялась с обилием дел в большой семье. А подвиг её во время войны был негромкий. Наверное, не все это понимали. Не зря же она награждена медалями «Материнская доблесть» 3-х степеней, орденом «Материнская Слава» 3-ей степени, медалью «За доблестный труд в годы ВОВ», медалью «К 55-летию Победы» в ВОВ.

Женина (Кожурова) Анна Петровна

Памяти моей матери

Моя мама, Кожурова Феодосия Илларионовна, родилась 5-го мая 1905 года в деревне Симоново Батуринского района Смоленской области в крестьянской семье.

В семье было 8 детей. Мама моя была неграмотной. В 1927 году мама вышла замуж за Кожурова Петра Михайловича и уже, когда у неё было двое детей, советская

власть выучила мою маму и других женщин грамоте. Мама могла расписаться в документах. В 1930 году родители вступили в колхоз. И так они стали советскими колхозниками. Жили в колхозе перед войной хорошо. У них был свой дом. Жили в нём родители моего отца: отец, мать и мой брат. Родители имели участок земли 30 соток. Держали скот: корову, поросят, овец и кур. В колхозе сеяли зерновые: рожь, овес, пшеницу, ячмень и лён.

В 1941 году началась война. Через три дня на войну взяли отца. Вся забота о хозяйстве легла на плечи матери. Надо было работать в колхозе – ведь фронту нужен был провиант. Надо было ухаживать за скотом, кормить детей – у матери их было двое. Женщины, в том числе и моя мать, ездили на трудовой фронт – копать траншеи под Вязьмой. За ними рано утром приходила машина и поздно вечером привозила домой. Так продолжалось около 2-х недель. В конце августа нас оккупировали немцы. В это время сформировались партизанские отряды. Моя мама была связной партизанского отряда им. Фрунзе. Командиром этого отряда был мой дядя – брат отца.

Зима 1941-42 годов была очень холодной и снежной. Немцы заставляли женщин и детей, начиная с 14 лет расчищать дорогу от снега по ходу их продвижения. Однажды немцы взяли и меня. На ногах у меня были лапти. Пока я шла, у меня лапти слетели с ног, и я осталась в одних портянках. Надеть лапти я не смогла. Мама уже там работала, а я пришла позднее. Мама, когда увидела меня, пришла в ужас. Она закричала на немцев, сказала им, что у нас в Советском Союзе дети в таком возрасте не работают и потребовала, чтобы меня отправили домой. Меня повел домой пленный красноармеец. Мама ещё долго ругала немцев. Я боялась, что маму расстреляют немцы. Но она вечером вернулась домой. Эти немцы уехали в сторону Москвы. К нам пришли карательные отряды для борьбы с партизанами.

К нам в любое время ночи могли заявиться либо партизаны, либо нем-

цы. Двери мы не имели права закрывать ни днём, ни ночью. В нашем доме, кроме нас жили ещё две семьи, было не так боязно.

Однажды ночью к нам явились трое мужчин в белых маскировочных халатах с капюшонами. Мы не знали кто они - немцы или партизаны. Мать поставили лицом к стене и один из пришедших направил на неё автомат. Дедушка, я и мой брат лежали на печке. Мы испугались за мать. Просили, чтобы они её не убивали. Мужчина, который держал в руке автомат, спросил у матери, ходят ли по ночам по деревне немцы или партизаны. Мать прикинулась, что не понимает вопроса и ответила так: «Вот вы пришли к нам и мы не знаем начальники вы или нет». «А командир партизанского отряда из вашей деревни?» - спросил он. Мама ответила: «Мы живём одни бабы и над нами нет командиров». Он закричал на мать, чтобы она отвечала на вопросы и не строила из себя дуру. Мы очень испугались – дело в том, что командир партизанского отряда был не только из нашей деревни, но и из нашего дома. Потом мама узнала, что приходили к нам партизаны из отряда «Смерть фашизму».

Когда я пишу, у меня пред глазами стоит эта картина и, кажется, что доносится из прошлого голос матери.

В 1942 году весной мы посадили немного картошки. Так что картошка у нас была, но не было хлеба, соли, спичек, мыла, керосина. Было у нас в доме и холодно, и голодно, и темно. В конце 1942 года немцы угнали часть жителей нашей деревни в Германию. Маму мою тоже забрали. Остались в доме дедушка, я и мой брат.

Мама в плену у немцев очень переживала за своих детей. На нервной почве у неё заболела одна нога. Ходить мама одна не могла. Вместе с мамой в плену была её родная сестра Ольга. Она мою маму при ходьбе держала под руку. Немцы хотели забрать маму в «больницу» - они проводили свои опыты над пленными. Но тётя Ольга не отдала маму. Тогда немцы не давали маме еды. Тётя Ольга половину своей порции отдавала маме. Мама была в плену восемь месяцев.

В 1943 году в марте нашу деревню освободила Красная армия. В нашем доме жили бойцы, они шили шинели. Они мне и моему брату сшили пальто. Когда наша армия освободила маму из плена, она у всех бойцов спрашивала о своей деревне, в которой жили её дети. Вдруг кто знает о них, это была её надежда. И действительно, таких солдат она встретила – это были те бойцы, которые сшили нам пальто. Она узнала, что её дети живы и успокоилась. Нога мамы уже не сильно болела. Военные врачи давали ей таблетки. Мама стала ходить помаленьку. В сентябре 1943 года пришла моя мама домой. Для меня и моего брата была большая радость – мама была опять с нами. Пришли из плена и другие женщины. Теперь нужно было восстанавливать колхоз. Женщины стали готовить плуги, бороны, лопаты

для обработки земли. Надо было пахать землю. Плуг таскали женщины. Бороновали пашню дети. Семян для посева дали мало. Женщины, в том числе и моя мама, ходили за семенами для посева за 35 км на станцию Нелидово, куда товарный поезд привозил семена. Лошадей в колхозе не было. Летом женщины и дети в четыре часа утра выходили из дома, босоногими. Брали с собой кружки, чтобы набрать воды из колодца в какой-нибудь деревне и кусок хлеба, в котором половина была травы. Это был обед. На станцию приходили в 11 часов дня. Женщины брали семена по 16 килограмм, а дети по 8. Обратном домой приходили в 21 час. Так ходили несколько дней.

В 1945 закончилась война. Отец вернулся домой, народу в колхозе прибавилось. Но жизнь в послевоенные годы по-прежнему оставалась тяжёлой. Мама очень много работала в колхозе. Была звеньевой по выращиванию льна. Было голодно. Ведь в колхозе денег не давали. На трудодни получали зерно, но очень мало, хлеба не хватало, добавляли траву. Были большие налоги. В 1946 году нам дали корову. Но надо было сдавать 250 литров молока в год. Были куры, поросята, овцы. В 1950 родители продали свой дом и переехали на станцию Канютино Смоленской области. Купили дом, работали в леспрохозе. Зимой мужчины заготавливали в лесу брёвна для строительства и на лошадях вывозили на станцию. Женщины, в том числе и моя мама, грузили вручную эти брёвна на платформы товарного поезда, чтобы доставить их по месту назначения. Брёвна закатывались таким образом: женщины стоящие на земле перекидывали верёвку через бревно, а те, которые стояли на платформе - тянули за верёвку и закатывали бревно наверх по настилу из толстых кольев. Мама очень уставала на работе. Зарплата была маленькая, а труд был очень тяжёлый. И дома было много работы. Надо было кормить семью, ухаживать за скотом. Надо было топить печку, носить воду из колодца.

О моей маме можно сказать - *Я и лошадь, я и бык, я и баба, и мужик.*

В 1968 году я родителей взяла к себе в Птицеград. Здесь мама держала корову, поросят, кур, она не могла жить уже без работы. Мама пенсию не получала, ведь колхозный стаж не засчитывался. И только лишь в 1978 году, когда муж матери - мой отец, умер, ей назначили пенсию в половину от пенсии мужа. И так, пенсия у матери была 23 руб. 50 коп. Вот такая пенсия была у мамы за свой тяжёлый труд. Мама умерла в 1988 году на 83 году жизни.

Я пишу и думаю: как же тяжело пришлось нашим матерям в годы войны и послевоенные годы, тяжёлая работа, дети, голод, нищета, ожидание писем с фронта, тревога за близких людей. Когда началась война, маме было ещё только 36 лет. Сколько ей пришлось пережить в войну.

Я благодарна своим родителям за то, что в трудные военные и послевоенные годы они вырастили нас, воспитали честными и трудолюбивыми, выучили и приучили к труду. Вечная им память.

Запивалова Тамара Павловна

Жила-была девчонка...

Небольшое сельское кладбище. Пожилая, седая женщина, ей уже давно за 80, склонилась над могилами родных для нее людей. Здесь похоронен ее муж, ветеран Великой Отечественной войны и старшая дочь, родившаяся в трудном, голодном 1948 году. Могилки уже убраны, на надгробьях цветы и венки. Рядом с женщиной ее взрослые дети. Женщина - моя мама, нагнулась, она видит себя молодой, беззаботной девчонкой в черном ситцевом сарафане и белой вышитой блузке. Волосы заплетены в две тугие косы. Ей 13 лет. Приехала она с мамой Улей и отцом Михаилом в село на южном Урале со странным названием Кзыл-Чилик. Село было отстроено в 30-е годы. Отец был кузнецом, а мама Ульяна раньше работала у господ в няньках, воспитывая своих и чужих детей.

Мария, так зовут мою маму, пятнадцатилетней девочкой вместе с другими девчонками, старшей из них 17 лет, работает на тракторе МТЗ.

41-ый год, шла война... девчонки работают до темноты, ночуют в поле, на бригадном стане. Хоть рядом не было фронта, им порой приходится туго, но они работают под девизом «Все для фронта, все для Победы!» Уставшие, всегда голодные, они не унывают. Умоются после работы, немного отдохнут, перекусив, старшая из них, Галина, берет в руки гармонь и заводит любимую песню «Когда б имел златые горы...», далее «Каким ты был, таким ты и остался...» и др. Льются песни одна за другой. Мария была всегда запевалой. Спыхватятся уже перед рассветом, поспят часок-другой и опять садятся на своих «железных коней».

Марии к тому времени шел 19-ый год. В село стали возвращаться парни с фронта. Один из них стал ее мужем, звали его Павлом. Они не гуляли, не признавались друг другу в любви, просто их сосватали. Мария вошла в дом свекрови, началась семейная жизнь.

Павел был немногословен, работал учетчиком в тракторной бригаде. С ноября 1941 года по апрель 1942 года он воевал в составе 196-й Гатчинской Краснознаменной стрелковой дивизии под командованием маршала Чуйкова, а затем - станица Качалино под Сталинградом.

Он вернулся с войны победителем, имея множество наград: «Орден Отечественной войны 1 степени», «Красной звезды», «Славы 2 степени», «Славы 3 степени» и медали: «За отвагу», «За оборону Ленинграда», «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», а позже награжден 12-ю юбилейными медалями, 4-мя трудовыми медалями. Хотя, конечно, ордена и медали не ведут счет ежедневным подвигам, но Павел ими гордился, хотя считал, что его

подвиги были рядовыми.

Мария же родила 4-ех дочерей и сына. Вплоть до 1950 года жили голодно. Мария не только воспитывала детей, но и работала в местном медпункте уборщицей до пенсии. Ее все жители называли «санитаркой». Фельдшера часто менялись, а Мария оставалась. Со своими травмами и болячками люди бежали к ней, зная, что Маруся не откажет в помощи ни днем, ни ночью. Она работала, растила нас, успевала все сделать по дому и в огороде. Всегда всем помогала и словом, и делом.

И еще ей казалось, что предназначение женщины – рожать и воспитывать детей. Ведь цепь времен соткана из сердец бабушек, мам, дочерей. И нет в мире меча, способного разорвать эту связь поколений.

Так Мария, уже Мария Михайловна, работала, рожала, воспитывала нас, пятерых детей, старалась, чтобы все были сыты, обуты, одеты. Мы даже устраивали дома семейные чтения. Читали «Овод», «Собор Парижской богоматери» и другие книги. Мы все, ее дети, выросли самостоятельными людьми.

Мария была в молодости певуньей и плясуньей, умела хорошо рисовать. Несмотря на тяжелую жизнь, она никогда не унывала. Была душой компании.

С мужем, моим отцом, она прожила 65 лет. Папа умер в 2010 году, а последние 5 лет его жизни мама ухаживала за ним, так как он уже не видел и не слышал (последствия военной контузии).

Вот такая у меня мама. Имеет награды: медаль «Мать героиня», статус участницы трудового фронта, который подтвержден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 г», медаль «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В.И.Ленина», памятные и юбилейные медали, связанные с Великой Отечественной войной.

Иващенко (Засенко) Ольга Александровна

Я, Иващенко Ольга Александровна, родилась в 1938 году в селе Гурьево Тульской области.

Мои родители: Засенко Александр Иванович и Елена Леонтьевна с 1899 года рождения.

В семье четверо детей: сестра 1922 года рождения, сестра 1929 года рождения, брат 1936 года рождения и я.

Наша семья в феврале месяце 1941 года переехала в Московскую область, город Хотьково.

В эти годы на завод «Электроизолит» (тогда П/я 717) приглашали на работу всех желающих специали-

стов и рабочих. Для рабочих строили бараки рядом с заводом и каждой семье давали комнату. Но моим родителям сказали, что свободных комнат уже нет. Руководители завода предложили рабочим строить жилье своими силами и выделили для этого строительные материалы. Наша семья скооперировалась с пятью семьями и, получив немного стройматериалов, начали строить каркас барака. И вдруг страшное сообщение: война! Папы детей ушли на фронт. Остались мамы и мы - дети войны. Женщины решили продолжать строительство барака, а впереди полная неизвестность. Не стало еды, не было и дома. Мы, дети, стали помогать мамам в строительстве. Кто постарше резали толстые ветки ольхи, очищали их и приносили к дому. Нужно было решетить стены, для чего готовили раствор из глины, навоза с соломой, песка и воды. Раствор месили дети ногами. Мама мазали этим раствором стены, потом белили. А пола не было вплоть до окончания войны. Зимой земляной пол посыпали сухой травой, чтобы было потеплее. Эта землянка (по другому ее не назовешь) просуществовала до 1960 года.

После войны вернувшиеся мужчины покрыли крышу шифером (до этого был толь) и настелили пол. Нашей семье было особенно трудно, поскольку приехали перед войной и своего огорода не было. Мама меняла одежду на картофель, для чего ходила по деревням. Летом было легче. Мы, дети, ходили в лес, ели листочки орешника, березки и земляничку. Земляничку не съедали всю, а часть на соломинке приносили маме. Ели мы и рябину, заячью капусту и черемуху. Мама работала и помогала старикам по дому. Осенью мы собирали мороженую картошку, что оставалась после уборки на колхозных полях. Из нее мама готовила драники (тошнотики). Самый тяжелый был первый год войны. Потом старшая сестра, Настенька, стала донором. Было решение Правительства о донорстве: за сдачу крови кормили доноров в любой столовой или ресторане. Для этого донорам выдавали талоны, по которым наша сестра кормила нас, а мы с братом ездили к ней в Москву, где она работала. Мне было пять лет, а брату-семь. Мама плакала, чтобы мы не ездили в Москву, но голод сильнее нас, мы опять уезжали и привозили маме еду.

Старшая сестра награждена медалью «За оборону Москвы», так как она сваривала из рельсов противотанковые ежи для установки под Москвой. Вторая сестра, Нина, с 13 лет работала на заводе «Электроизолит» клейщицей, училась в школе в

8 классе. Мы, дети, летом заготавливали дрова, собирали еловые шишки, сучки. В 1942 году наша семья купила козочку, за ней ухаживали дети.

Пришла Победа! Какая это была радость для всех: люди обнимались, плакали от радости и понимали, что впереди еще большие трудности.

В августе 1945 года вернулся папа, раненый и с медалями на груди.

Когда к нашему бараку подходил солдат, мы, все дети, побежали к нему. Это был папа, он обнял всех, а меня взял на руки. Потом усадил всех на поляне, достал сахар, стал его колоть и угостил всех. Он был счастлив.

После войны мама сильно болела, у папы давали знать ранения. Он работал на заводе по сменам. Когда ночью у него начинался приступ, мне ночью приходилось бежать за врачом в больницу, на станцию. Очень помогала врач завода Тищенко Нина Антоновна, фронтовичка. Хорошо помню очень хорошего врача Розу Сидоровну. Ночью я бегала в заводской медпункт, он был ближе. Роза Сидоровна научила меня делать уколы, а было мне 11 лет. Я стала делать уколы папе сама. Шприц, чтобы не кипятить, держала в спирте. Я ездила вместо папы в колхоз, убирать картофель, иногда ездил брат. Мы берегли папу и убеждали, что мы можем это все сделать за него. Работали как взрослые, не отставая. Приходилось пропускать школу, но учились мы хорошо. Папу парализовало, и он оставался в таком положении 15 лет, был инвалидом первой группы.

В 1959 году я закончила техникум и уехала на остров Сахалин. В 1960 году вышла замуж, родила сына и дочь. Была депутатом Сахалинской области. Балатировалась, когда мне было 22 года. Есть две внучки и внук. Мы помогли родителям построить дом, о котором они мечтали. В новом доме папа прожил 5 лет. Мама прожила до 1991 года в своем доме с удобствами.

Сейчас я осталась одна из нашей семьи. Горжусь своими детьми, племянниками, внуками и внучатыми племянниками. Это мое богатство, гордость.

Очень хочется, чтобы война не повторялась в нашей истории и пусть следующие поколения будут здоровыми и счастливыми.

* * *

Война отгремела давно, слава Богу!
Но сколько в стране беспризорных детей.
Должны же мы сделать пока хоть немного,
Чтоб всех приютить их - нет долга святей!
Любовь с милосердием живы в народе.
Но жаль их отжало бурлящей рекой.
Наш долг, чтоб никто не стоял в переходе
Голодный, в лохмотьях с просящей рукой!

Ильин Валентин Сергеевич

Я, Ильин Валентин Сергеевич, родился в деревне Иванково Загорского района Московской области 15 ноября 1942 года.

Мой отец, Сергей Сергеевич, погиб в октябре 1942 года, защищая Украину и нашу страну. Ему было двадцать лет.

Он похоронен в Запорожье, в братской могиле, где на стеле, среди множества имен погибших, высечено и имя моего отца: Ильин Сергей Сергеевич. Он так и не узнал, что у него родился сын. Отец мог бы жить с нами, пахать землю и сеять пшеницу, рожь, ведь до войны он работал трактористом.

Я за всю свою жизнь так и не произнес ни разу слова: «папа, отец». Меня растила и воспитала моя бабушка Мария Васильевна Хлоповская.

В деревне у нас было свое хозяйство: корова, бычки, овцы, так что в войну нам голодать не пришлось. К нам приезжали из Москвы родственники, чтобы подкормиться. Бабушка во время войны работала на трудовом фронте под г. Дмитров - там копали противотанковые рвы, окопы, валили лес.

В 1954 году мы переехали в Хотьково, где купили небольшой домик. Жили тяжело, бедно, в тесноте. В апреле 1960 года бабушка умерла в возрасте 57 лет.

Я закончил школу, получил специальность механика и устроился работать на железную дорогу. Я проработал механиком рефрижераторных поездов на железной дороге 31 год и исколесил весь Советский Союз от Клайпеды до Владивостока, от Архангельска до Кушки.

Сейчас я на пенсии, живем вдвоем с женой. У нас есть сын и два внука - Михаил и Максим, значит род Ильиных продолжается. Я очень люблю сына и внуков и горжусь ими.

Казанцева Александра Ивановна

Родилась в Тульской области Тепло-Огаревского района в деревне Дворики.

Мама, Козлова Татьяна Николаевна, работала в колхозе. Отец, Козлов Иван Яковлевич, в 1941 году умер. Нас, детей, осталось у мамы 6 братьев и 5 сестер.

Когда началась война двух братьев взяли на фронт.

Во время войны мама работала ночью сторожем, а днем в поле. Было очень голодно, мы ходили собирать неубранную замерзшую гнилую картошку. Мне удалось окончить один только класс. В десять лет я работа-

ла пастухом, потом нянчила детей, чтобы помочь матери. Потом, с одиннадцати лет, начала работать в колхозе, чтобы заработать трудовни. Один брат работал трактористом, второй - в колхозе, потом сестра забрала его в Москву. Я приехала в гости к брату и меня познакомили с будущим мужем, в 1957 году мы поженились и переехали в Ахтырку.

Родила сына и начала работать дояркой. Награждена медалями. Сын закончил десятилетку, отслужил в армии и работал потом в совхозе на автобусе водителем, возил на дойку доярок. В 1978 году он женился. Он имеет 3 детей и 4 внуков. Брат Иван погиб на фронте, Василий контужен.

Сестра родилась во время войны. Валентина закончила 8 классов и работала санитаром после окончания медицинского училища в Туле. Вышла замуж и работала в КТБ.

Сейчас я на пенсии. Трудовой стаж 44 года.

Каляскина Тамара Григорьевна

Когда началась война, мне было немногим более двух лет. А родилась я 6 марта 1939 года в г. Курск. Конечно многое я помню со слов своей мамы. Отец в это время находился уже на финском фронте. Мы были одни - бабушка, сестра и мама. Немцы быстро приближались к городу. Мамин брат, живший в селе Ивня Белгородской области, помог нам эвакуироваться к нему в семью и ушел на фронт. Мама погрузила самое необходимое в телегу и перевезла из квартиры в село на лошади. Остальное осталось в квартире, которую мама

закрывает на замок. Уже 4 ноября 1941 года Курск был занят немцами. Вскоре и село Ивня заняли немцы.

Жили мы впроголодь, и вскоре бабушка умерла от голода. Мама, чтобы не умереть с голоду, ходила по близлежащим селам и меняла последние вещи на продукты.

Хочу сказать, что среди оставшихся в оккупации русских, были предатели, которые поступили в полицию. Однажды мама сушила единственную шубу, а проходившему мимо полицая очень понравилась эта шуба. Он пришел к нам, забрал маму, сказав, что у нее муж - командир Красной Армии, и что она связана с партизанами, повел в комендатуру. Он издевался, долго водил по селу, грозился расстрелять, а потом сказал, что, если она отдаст ему шубу, он ее не выдаст. Конечно, он забрал эту шубу. Мама после этого поседела. Нам пришлось переехать в город Обоянь. Этот город был для немцев стратегическим пунктом. Город несколько раз переходил из рук в руки. Однажды мы с сестрой были одни дома. Началась бомбежка,

и снаряд разорвался в доме напротив. Я в это время сидела в кресле возле окна, и вдруг кресло начало прыгать по комнате от сильной взрывной волны, а нам, детям, стало и страшно и весело. Город бомбили по несколько раз в день. Мы, собрав подготовленные вещи, бежали в землянку, которую вырыли в горе. Там было спокойнее.

Мы жили на квартире у хозяйки. Когда немцы заняли город, они нашу семью и семью хозяйки выгнали на кухню, размером десять квадратных метров. Мы там спали вповалку «один на другом». Наши две комнаты занимал один немецкий офицер. Хочу заметить, что и среди немцев были хорошие люди. У немецкого офицера был денщик. Однажды он увидел на пальце у мамы обручальное кольцо. Он отвел маму в сторону и как мог объяснил, чтобы она или забинтовала палец, или сняла кольцо, а то отберут у нее его. Он воровал у своего офицера продукты и подкармливал нас, детей.

Немцы после окопов были все грязные, вшивые, они отбирали у населения все, что им понравилось. Однажды они зашли к нам на кухню, где горела плита. Немцы чесались, снимали с себя вшей и бросали их на раскаленную плиту. Вши трескались на плите, где в это время готовилась пища, они смеялись.

Иногда темной ночью в городе появлялись партизаны, расспрашивали нас о немцах, подбадривали нас и устраивали диверсии против немцев.

Мы видели много убитых, замученных, которых водили по городу с плакатами, на которых было написано: «партизан» и много других ужасов. Еще мне запомнилось, что когда варили картошку в мундире (это был деликатес) и взрослые как-то быстро ее ели, и я, видя это, хватала одну, вторую, третью картошину и, держа их руками, говорила: «это мое».

В феврале 1943 года Красная Армия освободила нас от оккупантов. Мы все плакали и смеялись от счастья, благодарили наших солдат. Это был огромный праздник для нас. Но война еще не окончилась. Голод продолжался, но мы его преодолели. Помню, как мы с сестрой достали где-то мешок мороженой, сладкой картошки. Мама из нее варила обед: на первое - картофельный бульон, на второе - вареная картошка.

Во время оккупации, конечно, никто не учился, а когда нас освободили, стали работать школы. Многие дети были уже переростки, но они с радостью шли в школу. Не было тетрадей, карандашей, ручек. Писали на газетах, клочках бумаги. Но все тянулись к знаниям и очень ценили, что наступил мир.

Мои тетя и двоюродный брат воевали на фронте, дошли до Берлина и, после окончания войны, вернулись на Родину.

Я пошла в школу в 1946 году, когда начался голод. Мы, первоклассники, ходили собирать в поле колоски. Это было для нас серьезное дело. В то время учебник был один на несколько учеников. Но мы умудрялись как-то готовиться к занятиям.

После войны отец к нам не вернулся, у него образовалась фронтовая семья. Моя мама вышла замуж за замечательного человека, который нам во всем заменил отца. Он нас воспитал, помогал в учебе, одевал и очень любил маму. Хотя было трудно, голодно, но в семье царил мир и доброта. Мы с сестрой окончили школу с серебряными медалями, поступили в институты и стали специалистами.

Я приехала в Хотьково в 1969 году работать в НПО «Лакокраскокрытие», затем перешла на работу в ПО «Электроизолит», а закончила работать в военной приемке ЦНИИСМ. У меня есть дочь и двое внуков.

Оглядываясь назад, хочется призвать всех людей ценить на земле мир и свободу. Молодому поколению надо учиться, не забывать старшее поколение, отдавшее жизни за их счастье.

Карелина Альбина Константиновна

Если бы мама знала?

Когда началась война, мне всего было 1,5 года. В 1941г. на фронт добровольцем ушел мой отец, Макаров Константин Николаевич. Я осталась жить с мамой, Макаровой Евгенией Олемпьевной. Мы жили в небольшом городе Бирске Башкирской АССР. В нашем городе не было никаких военных действий, но, однако, как и весь народ испытали и холод, и голод. Очень много людей эвакуировали в наш город. На все продукты были введены карточки. Чтобы получить талон или карточку, а затем хлеб, надо было очень рано вставать. Нечем было топить печку, я с мамой ходила в лес за дровами и вязанками приносили домой. Мама часто болела и не работала, а пособие от военкомата было маленькое, но она с соседями вязала носки, варежки, и шила рукавицы для солдат, которые отправлялись на фронт. Мама очень тосковала по отцу, хотя он часто писал нам письма, даже прислал ей песню «Землянка».

Я скучала по отцу, мне не хватало его ласки и заботы. Мама рассказала, что когда он уходил на фронт - взял меня на руки, а потом поставил на ножки и стал звать к себе. Я сделала три маленьких шага, он меня подхватил на руки и стал подкидывать к потолку, а мама плакала, предчувствуя, что он взял меня на руки в последний раз. В 1943 году, когда мне исполнилось 3,5 года, в наш дом пришла похоронка на моего отца. В ней сообщалось: Капитан Макаров Константин Николаевич – командир батареи 587 гвардейского истребительного противотанкового полка, значится погибшим 13 ноября 1943 г. За боевые отличия был награжден медалью «За отвагу», орденом «Красного знамени», Орденом Отечественной

войны 1 степени (посмертно). Она так и не узнала, что капитан Макаров К.Н. удостоен посмертно звания героя советского союза от 15 ноября 1943г. (на сайте) «Подвиг народа. Ru». Её не стало в 1990 году. Моя мама до самого конца жизни гордилась своим мужем и мне говорила, чтобы и я гордилась своим отцом.

Карлова Александра Ивановна

Военная закалка

Александра Ивановна Карлова, жительница Мостовика, вспоминать покалеченное войной детство, не любит. А листать семейный альбом той поры просто мучительно – это же история потерь дорогих людей. Но память ветерана хранит трагедию простой крестьянской семьи со смоленщины во всех подробностях – с именами, датами, местом событий.

Соседи спасли от расстрела.

В 1942-м мне было шесть лет, и я в деталях помню, как в деревне Кубарово Смоленской губернии то и дело менялась власть. То немцы нагрянут, то партизаны вернут позиции. Мужчины были либо призваны на фронт, либо, как глава многодетного семейства Иван Туболев, ушли в партизаны. Женщины и дети, услышав поблизости признаки сражения, привычно бежали в лес, чтобы переждать бой за деревню и разобраться, в чьих она теперь руках.

После одной из немецких атак на Кубарово в свои дома беглецы уже не вернулись. Их отлавливали, знающие местность и привычки жителей, вооруженные автоматами полицаи из соседней деревни. Вот как это можно понять? В Кубарове через двор жители сами уходили в партизаны, или активно им помогали. А по соседству в деревушке немцы вербовали отъявленных полицаев. Три километра между селами, а какая пропасть между людьми.

В моей детской памяти остался ужасный эпизод. Полицаи с азартом охотились за женщинами с детьми и сгоняли их в одно место. Предатели из местных знали, в каких семьях были партизаны, к этим жителям был особый счёт. В нашей семье, кроме отца, партизанил старший брат Никанор. У меня перед глазами до сих пор страшная картина. Полицаи вытолкнули из большой толпы сельчан сестру Анну и жену брата. У каждой на руках младенец и за руку держат малышей постарше. Ещё мгновение – и их бы расстреляли на глазах у родни и соседей. Но неробкие кубаровцы решительно заступились за своих. Со всех сторон кричали на полицаев, целившегося в женщин и детей: «Сёмка, ты же свой, деревенский, что же

ты делаешь?» Что-то ёкнуло у негодая, опустил автомат. Приговоренные уцелели чудом. Четырехлетняя девочка, которую спасли тогда односельчане, живет сегодня в Федорцово, зовут её Нина Егоровна Воинова.

Побег из концлагеря.

Немцы угоняли кубаровцев, включая младенцев, не дав семьям времени на сборы. Люди покидали село, в чем были. После пешего перехода по минскому тракту, фашисты «рассортировали» свою живую добычу. Подростков и молодежь отделили от матерей с малышами и стариков, посадили в грузовики с брезентовым верхом и отправили. В этом караване оказалась 16-летняя сестра Женя. Следом везли остальных пленников. По дороге одна из машин с молодежью взорвалась на mine. Моя мама, Мария Митрофановна, оплакала потерю дочери, поминала её как погибшую...

На границе с Белоруссией, в городке Рословль, немцы перед отправкой в Германию, определили кубаровцев в концентрационный лагерь. Семьи с детьми загнали в глухие бараки с нарами. Слезать с них не разрешалось ни днем, ни ночью.

Я, по законам войны считалась уже взрослой. Узников кормили баландой, сваренной из невымытых овощей и приправленной чем-то клейким. То, что удавалось выловить из этого варева, отдавали детям. Взрослым, включая меня, доставалась только водица.

Но, как теперь помню, какая-то «ниточка» с партизанами все же не прерывалась и тогда. Разделенные по баракам сельчане успевали обмениваться информацией. Стало известно, что партизаны намерены предотвратить отправку земляков в Германию. Мы готовились к побегу, каждому в семье была определена своя роль. Две молодые матери должны были спасти своих младенцев, мне доверили двух четырехлетних детей. Надо было бежать налево, к пруду, и там прятаться в лесопосадках. Не зря готовились, партизаны действительно устроили нападение на лагерь. В суматохе пленники бросились врассыпную. Я действовала строго по плану. Ждать остальных пришлось до утра, когда к назначенному месту пришла мама и обе Анны с младенцами.

Домашний «главнокомандующий»

Отбитых у немцев сельчан отправили эшелоном в Сибирь. Прибыли в Сталинск, сегодня это Новокузнецк. Семьи распределили по деревням. Сестра и сноха работали трактористами на полевом стане. Мне пришлось стать хозяйкой семьи с двумя малыми детьми и тяжело заболевшей мамой.

Когда маму увезли в больницу, в доме не осталось никакой еды. Сидим и плачем. Соседи пожалели, принесли каравай хлеба, мёд и наварили супа. Так продержались до возвращения мамы.

Позже семья вернулась в родные места и обнаружила, что от Кубарова на 120 дворов осталось чистое поле. Немцы сожгли партизанское село дотла. Осели в соседней деревне. Вернулся отец, хоть и с боевыми ранами,

но живой. Мама упала в обморок, когда на пороге появилась оплаканная Женя. Увезенную в Германию смоленскую молодежь освободили свои в 1945-м. Но братьев, Никанора и Алексея, потеряли.

Вслед за родственниками перебрались в поселок Мостовик. Окончила школу и автодорожный техникум, стала мастером на заводе мостовых железобетонных конструкций. Работала землекопом на предприятии «Карьер Метростроя», стерженьщицей, а затем нарядчиком на ЗЭМЗе.

В судьбе племянников, которых спасала в военные и послевоенные годы, участвовала всегда. Растила детей рано ушедшей из жизни сестры.

Характер у меня кубаровский, негибкий.

Из газеты «Вперед» от 22.06. 2016 г.

Автор Светлана Аникиенко. Фото Сергея Семенькова

Кимарский Борис Викторович

Я, Кимарский Борис Викторович, родился 28 июля 1941 года в городе Алчевске Луганской области. Уже шла война. Моего отца, Виктора Афанасьевича, я так и не увидел, поскольку он ушел на фронт и пропал без вести. Брат отца, Леонид Афанасьевич, тоже был призван в армию, воевал до конца войны, но погиб уже после победы в июне 1945 года. Он похоронен в Германии около Дрездена.

Во время войны мы выжили благодаря моей бабушке - Матрене Панфиловне и маме Анне Никитичне. Город был занят немцами до конца 1943года. Бабушка жила под Алчевском в деревне Беянка в доме построенном моим дедом Афанасием, который прошел первую мировую войну, был награжден двумя Георгиевскими крестами и получил звание поручика. Он вернулся в 1918 году с фронта. Завод, на котором он работал, был развален и поэтому дед, имея золотые руки, начал делать зажигалки полированные, латунные. Наконец завод заработал, и дед вернулся на завод, начал строить флигель и жилой дом на участке размером 20 соток.

Вскоре на деда написали соседи в НКВД, что он – бывший офицер. Его арестовали и отправили на строительство Беломоро-Балтийского канала. А построенный дом власти отдали соседям, которые писали в НКВД. Бабушка с детьми оказалась во флигеле и ей оставили половину участка. Этот участок и помог нам выжить во время войны и в послевоенные годы, когда был сильный голод.

После войны мама устроилась копировщицей на металлургический завод, и в пятидесятые годы ей выделили однокомнатную квартиру, к кото-

рую мы переехали из коммунальной квартиры. Я пошел в школу в 1948 году и в 1958 году ее закончил. В том же году поступил в Горнометаллургический институт, который только что создали (ныне это Технический Университет в г. Алчевске). В этом институте обучались десять тысяч студентов. После окончания института меня распределили в Северодонецкий домостроительный комбинат. Работал сначала мастером, а потом прорабом, затем начальником участка. Через несколько лет был назначен главным инженером, затем начальником СМУ.

Потом я переехал в Хотьково и начал работать в должности главного инженера РСУ-12, а затем меня пригласил директор ПО «Электроизолит» Григорьев Павел Иавнович на должность заместителя генерального директора по капитальному строительству и на этой должности проработал более 30 лет. За время работы мне было присвоено звание «Заслуженный строитель России». На заслуженный отдых ушел в 2013 году, принимая участие в работе Совета ветеранов городского поселения Хотьково.

Кириллова Наталья Анатольевна

У моей прабабушки, Жуковой Евдокии Алексеевны, было четверо детей. Прадед умер очень рано, и она одна воспитывала детей.

Моя бабушка Мария была самая старшая из детей. На момент смерти отца ей было 11 лет, двум младшим братьям - Ивану 6 лет и Константину 1 год. Моя бабушка помогала своей матери с младшими братьями.

Моя бабушка, Мария Алексеевна, в девичестве Жукова

Когда началась война, Иван 1920 г.р., уже служил в армии. Он сразу же был отправлен на фронт красноармейцем в составе 21 Армии, 8-ой дивизии НКВД, 6-ого мотострелкового полка. Воины НКВД были брошены на защиту города Обоянь под Курском, чтобы не пропустить врага к Москве. Иван погиб в бою 9 января 1942 года в с. Стрелецкое близ г.Обоянь, который так и не был освобожден советскими воинами в 1942 году. Они шли на верную смерть. Они были первыми, кто приближал час победы. Потом наступит февраль 1943-го, когда в Обоянь войдут победителями уже другие воины. А в памяти потомков останутся строки стихотворения:

«...Мамочка-мама, не огорчайся, в серую рань
Не ворвались мы в ту Обоянь.
Мамочка-мама, лишь через год
Друг незнакомый город возьмет.
Светом кровавым вспыхнет восток
Друг одолеет. Я же не смог...»

Автор неизвестен

Когда на Ивана пришла похоронка, Константину было полных 16 лет. Костя сказал матери, что идет мстить за брата. Но моя прабабушка Евдокия успела в военкомат, и Константина не взяли на фронт за недостаточностью лет. В следующий раз Константин пришел в военкомат 15 мая 1943 года, в день своего восемнадцатилетия. Был направлен на учебу во 2-е пулеметное училище в г. Можга Удмуртии. Курсы обучения в училище были ускоренными, всего три месяца. Но 1943 год был для страны переломным в борьбе с фашизмом. Константин Алексеевич учился всего два месяца и в конце июля этот выпуск курсантов был направлен на Курскую дугу, в самое «пекло» боев за Родину. Служил в 53-ей отдельной мотострелковой бригаде. Последнее письмо от Константина датировано 08.11.1943г., после этого письменная связь прекратилась. Константин пропал без вести.

Моя бабушка, Мария Алексеевна, до конца своих дней оплакивала своих младших братьев, погибших на фронте.

Кладов Герман Петрович

Мой папа, Кладов Петр Федорович, родился в 1897 году. Он рос и мужал в деревне Кладово Бисеровского района Кировской области. В этом же году родилась и моя мама, Ивоньчик Клавдия Андреевна, которая росла и хорошела в Белорусской глубинке – деревне Плисса Смоленичского района Минской области.

Юноша Петр был призван в армию в 1917 году, в разгар Первой империалистической войны. Воинская часть, в которой Петр служил, стояла в деревне, где жила Клавдия. Там они и познакомились. После демобилизации солдат Кладов приехал к Клаше, предложил ей руку и сердце и уехать к нему на родину в качестве любимой жены. Предложение было принято.

Всего в семье Кладовых было семеро детей. Тяжело было маме с большой семьей. Перестирыв наши одежды, несла их на речку полоскать. Тогда это был единственный способ хоть как-то отстирать белье, потому что и мыла-то не было. На речке было положено специальное бревно, на

котором отбеливали рубашки и штаны пряником. Пряником называли деревянную колодку с вырубленной топором ручкой. Я часто ходил с мамой на речку в качестве помощника.

Начало войны мне запомнилось навсегда. Мы только сели за стол обедать. Услышав монотонный гул моторов, я выскочил на крыльцо и стал считать летящие звеньями самолеты. И вот из них стали вылетать, как мне показалось, черные мешки. Я насчитал 23 самолета, в это время «мешки» стали взрываться. Мгновенно вернулся в хату, схватил за руки младших братиков, а всем остальным сказал следовать за мной. Бабушка, Кладова Мария Платоновна, которой было 83 года, побежала вместе с нами в лес. Мне было тогда 9 лет. Жили в лесном лагере, затем вернулись по домам. Нашу деревню оккупировали немцы.

Старший брат Александр был в партизанском отряде «Разгром», действовавшем в Смолевичском районе Минской области. Сестру Надю немцы назначили стрелочницей на станции «Красное знамя», и она взяла меня к себе в качестве связного. Немецкие эшелоны все чаще и чаще везли в сторону Москвы разную технику и живую силу. Надя фиксировала на бумажке все, что шло на фронт. Я был связным партизанского отряда «Разгром». Мне, десятилетнему мальчишке, было доверено выполнять столь ответственное задание.

Во второй половине июня 1944 г. был получен приказ покинуть партизанский лагерь и взводом идти навстречу Красной армии, которая уже приблизилась к этим местам. Взвод был отправлен в сторону Минска, который уже был освобожден от немецко-фашистских захватчиков. В одном городке, недалеко от Минска, на вокзале Александр услышал знакомый голос: «Сыночек, сыночек!» Среди многих женщин была и наша мама. Много было радости от встречи. На прощание мама подарила ему четвертинку самогона, сказала, что дали соседи на счастье. Так мама рассталась с сыном Александром до 1947 года. За взятие Кенигсберга он получил медаль.

Моя мама была героическая женщина. Помню такой эпизод. Мама попросила меня набрать картошки и, когда я спустился в погреб, неожиданно появился немец с карабином и хотел в меня выстрелить. Мама, нисколько не раздумывая, набросилась на него, вырвала карабин и оттолкнула немца. Я до сих пор не пойму, как он её не застрелил. Она была инвалидом ещё до войны.

Меня однажды покусала бешеная собака. В дальнейшем оказалось, что она покусала ещё и медицинскую сестру, которая работала по обслуживанию немцев. Поэтому комендант гарнизона приказал немедленно пострадавших от укуса шальной собаки отправить на лечение в Минск, далее в Варшаву. Мы пешком дошли до Комаровки к вечеру, нас поместили в лагере для военнопленных, в здании для медперсонала. Оно было огорожено

колючей проволокой только с трех сторон, окна выходили на проезжую часть дороги. Помню на огорожке, в зоне ограждения, расцвел картофель. Я между рядками много раз подползал к колючей проволоке основного лагеря с кусочком хлеба и передавал его пленным солдатам.

Лечились мы в Варшаве, получили по 36 уколов и снова нас вернули в этот же концлагерь. Как об этом узнала мама, не знаю. Однажды рано утром раздался стук в оконное стекло в здании концлагеря, где размещался медперсонал. Я испуганно вскочил с пола и побежал к окну и был ошарашен от неожиданного появления мамы в такой дали от деревни Плисса. Не обращая внимания на мою растерянность, мама быстренько отковыряла ногтями оконную замазку, отогнула гвоздики, вынула стекло и говорит мне: «Вылезай». Как только я с маминой помощью вылез через окно на улицу, она схватила меня за руку и мы побежали в сторону товарной станции. Вначале ехали в товарном вагоне, а затем, преодолев 7 километров пешком, уже вечером вернулись домой. Так меня мама выкрала из концлагеря.

В конце ноября 1943 года партизаны, идя на боевое задание через наш поселок, попали в засаду. Мы слышали стрельбу, но мама не разрешила нам выходить из дома. Утром я обулся в лапти (ботинок не было) и побежал в другой конец поселка. Зима была морозной. Не добежав до перекрестка, заметил истоптанный снежный покров и мужское тело с оторванной головой. Стремглав побежал домой, рассказал маме. Мама приказала сидеть дома, а сама пошла к соседям. На следующую ночь к нам зашел совершенно незнакомый человек и стал разговаривать с мамой, как вывезти тело партизана. Решили подключить меня, так как у тела может быть круглосуточная засада. Мне надо было возле тела копать могилу, не оглядываясь, а если немцы будут стрелять из пулемета, сразу ложиться на землю. При повторной стрельбе – убегать, виляя, чтобы пуля не достигла меня. На другой день я стал копать промерзшую землю киянкой, которая послужила мне для выполнения боевого задания. Тот самый партизан, который приходил к нам ночью, приехал на лошади, зарывшись в солому, и вывез тело убитого. Через 55 лет после войны мы узнали фамилию погибшего партизана. Им оказался некий Местовский. Больше никаких данных о нем не имеется по сей день.

*Пусть будет проклята война!
Пусть будет проклята война!
Пусть будет проклята навеки!*

Ключникова Галина Николаевна

Война застала моих родителей в г. Карачеве, в то время Орловской губернии. Им было по неполным шестнадцати лет, за плечами семилетка и первый опыт работы. По маминим рассказам, много дней немецкие войска шли через город, не останавливаясь, вслед за отступающими частями советской армии.

К началу Великой Отечественной войны Карачев из типично мещанско-купеческого города превратился в город с новыми предприятиями, школами, клубами, жилыми домами. Гордостью была шпагатная фабрика имени Первого Мая, маслозавод по производству конопляного масла, фабрика N 26, обозный завод, предприятия местной промышленности. В 1939 году за достигнутые успехи в с/х производстве Карачевский район стал участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. В уезде насчитывалось 4 школы начальных, в них обучалось 3697 детей, учителей было 108. Перед войной в городе работали 4 средних, 3 семилетних и 2 начальные школы, педучилище, элеваторный и сельскохозяйственный техникумы, школа медсестер, школа ФЗО, межобластная колхозная школа, школа для глухонемых детей, работал драматический театр с постоянной труппой артистов.

Пятого октября 1941 года Карачев был оккупирован немецко-фашистскими войсками. За время почти двухлетней оккупации гитлеровцы сделали его своим важным стратегическим пунктом во всей системе немецкой обороны. Здесь были сосредоточены большие вражеские пехотные, механизированные и танковые войска. Более ста зенитных батарей и авиация прикрывали город с воздуха.

За 22 месяца оккупации немецко-фашистские бандиты расстреляли, повесили более 1000 человек.

Начиная с 5 августа 1943 года, фашисты приступили к уничтожению города. Все здания взрывались, что не успели взорвать - сжигали. Не осталось ни одного предприятия, учебного заведения, клуба, театра.

В боях за освобождение Карачева принимали участие войска 11-й гвардейской армии (командарм генерал Иван Христофорович Баграмян) и 11-й армии (командарм генерал Иван Иванович Федюнинский).

В результате успешного наступления в районе Орловско-курской дуги в начале августа 1943 года наши войска освободили Орел и устремились к Брянску. Около Карачева гитлеровцы пытались остановить наступление

советской армии, и здесь произошли тяжелые кровопролитные сражения.

Оставляя Карачев, гитлеровцы разрушили и сожгли город полностью. 15 августа 1943 года Карачев был освобожден, но города, как такового, не было, он существовал только в названии, да на военных картах. Некогда красивый и богатый город лежал в руинах.

Мой отец Кочергин Николай Николаевич был призван в армию. Он служил в полковой разведке. Войну закончил в Берлине.

Мама, Серкова Мария Андреевна оставалась в разрушенном городе. Уцелела их семейная швейная машинка «Зингер». С нею она и поступила в артель «Трудовой швейник». Работала на совесть, была награждена медалью «За доблестный труд».

Солдатами Великой Отечественной с 1941 года были два старших маминых брата, старший брат отца и мужья их сестёр. И мамина сестра, и сестра отца получили похоронки. Их мужья погибли.

Отец был награждён орденами и медалями за боевые заслуги.

В канун Победы

В канун Победы славим мы солдат.

И это – правильно! Всех вспомним поимённо!

Был комиссар, солдат или комбат,

Пред подвигом приспустим мы знамёна!

Но о тебе хочу сказать здесь, мама!

Одной из тех, кто горечи войны,

Хлебнули вдоволь, ложкой полной самой,

Немало потрудившись для страны.

Ещё девчонкой, полу сиротой

В большой семье, не евшей вдоволь хлеба,

Росла ты, наливаясь красотой,

Под синевой неласкового неба.

В колхоз с детьми не взяли мою бабу.

Вдова, больная, дети мал- мала.

На паперть впору бы, под ноги шапку,

Но гордость... Выживала - не жила!

Лишь огород спасал да труд тяжёлый.

Ты, мама, с братьями своими и сестрой,

Нелёгкой жизни проходила школу,

И с детских лет трудом вступила в строй.

Война нагрнула! Неполные шестнадцать,

Разбитые советские войска...

Жизнь тяжела в немецкой оккупации,

О братьях неизвестность и тоска.

А немцы заставляли рыть окопы,
Дороги снежные гоняли расчищать.
И хлеба нет, одна картошка, чтобы
От истощенья замертво не пасть!
Два года! Наконец, освобожденье!
Сквозь слёзы – радость. Едкий дым в глаза!
Всё немцем сожжено при отступленьи,
Над пепелищем – летняя гроза!

В войну осиротели. С младшим братом
Бездомные, скитались по углам.
Работала швейей, из медсанбата
Не раз на фронт просился брат твой сам.
Но инвалид без глаза – он вне строя,
И лет всего шестнадцать пацану...
Что ж, снова жизнь налаживать и строить
Тебе землянку-домик и ему...

Швейей трудилась, с фронта шли шинели,
С убитых. Распороть и перешить
Двум девушкам-подруженькам велели...
Работа на Победу! – Будем жить!!!
Но тиф вас подкосил без сожаленья,
В бреду, в жару, без толстых тёмных кос...
От жара, как от пули, нет спасенья,
И снова жизни, прямо под откос.

Как выжить удалось тебе, не знаю!
Подругу, как ни бились, не спасли!
Спасибо, что ты выжила, родная!
В любви и радости с тобою мы росли.
Медаль за труд, за беззаветный подвиг,
Тебе вручила щедрая страна,
Она воспела и ...забыла многих,
И ты в стране такая не одна!

И долгожданная Победа в сорок пятом!
Звенели радостью и души, и сердца...
Простились с мамой мы в 2005том
Её мы чтим, фронтовика-отца.
И помним подвиг трудовой и ратный,
Какой важней – не будем измерять!
Я в пояс поклонюсь им многократно.
Спасибо вам, мои отец и мать!

Кожущенко Диана Викторовна

Я родилась 27 апреля 1929 года в городе Сталинграде в семье служащего. Папа работал сначала на Сталинградском тракторном заводе, а затем на заводе «Красный Октябрь». Мама – учительница младших классов. Наша семья жила на поселке тракторного завода. Я ходила в детский сад, потом пошла в школу, но прoruчилась до начала войны. Очень хорошо помню реакцию взрослых в момент сообщения о начале войны. Уже через пару месяцев мы провожали папу и маминого брата на фронт. Через какое-то время над городом стали появляться немецкие самолеты, чтобы бомбить город. Во время налетов мы бегом спускались в подвал. Страшное это было зрелище: режут моторы самолетов, трещат зенитные орудия, визжат летящие бомбы, грохот от рвущихся снарядов, крики пострадавших людей. Налеты самолетов учащались. Мама приняла решение покинуть место нашего проживания и переехать к бабушке, в район железнодорожного вокзала. Идти пришлось пешком, а это около 10 километров. Открытой местностью идти было опасно, поэтому мы пробирались вдоль железнодорожного полотна, на котором стояли пустые вагоны, приготовленные для эвакуации заводов. Немцы тоже бомбили их, но нам удалось благополучно добраться до бабушки.

К осени 1942 года немецкие войска захватили значительную территорию, но к центру города им не удалось прорваться. На захваченной части города немцы разобрали заборы, дома, хозяйственные постройки жителей: это был район частных домов. Мама с бабушкой вырыли во дворе яму, устлали ее одеялами, тряпьем, и там мы стали жить. Немцы объявили, что оставшиеся в живых жители должны покинуть город. Жителей согнали и пешком погнали на Запад. Была осень, мы шли невзирая на дождь и грязь. Нас догнали до железной дороги, погрузили в открытые вагоны и повезли в сторону Запада. На станции «Белая Калитва» нас заставили покинуть вагоны и пешими погнали в поле, где стояли бараки без всяких удобств, с земляным полом, и загнали в них всех. Здесь умерла наша бабушка от дизентерии. Похоронили ее и других умерших в неглубокой лощине и еле присыпали землей. Нас снова погрузили в вагоны и повезли дальше.

Во время стоянки на станции Лихая девушка с мамой решили бежать, и это нам удалось. Спрятались в сторожке и некоторое время там жили. Мы с бабушкой ходили на хутора, где нам подавали, что могли

жители: в основном пшеницу и сухофрукты. Дедушка смастерил ручную мельничку, которую мы называли «рушолка», и с ее помощью получали крупу или муку.

Потом мы перебрались в город Каменск и расположились в каких-то дворовых помещениях во дворе двухэтажного дома. В Каменске убили нашего дедушку, а за что и почему узнать так не удалось. Его похоронили, едва присыпав землей. После освобождения Каменска нашими войсками, мы возвратились в Сталинград. Мама с бабушкой сколотили сараюшку, и в ней мы стали жить. Мама стала работать учителем в ремесленном училище при тракторном заводе, мы с сестрой продолжили учиться в школе. В начале 1945 года папу демобилизовали и направили на восстановление комбайнового завода в город Херсон. Там я поступила в Херсонский машиностроительный техникум, который с отличием закончила. В 1949 году поступила в Московский химико-технологический институт имени Д. Менделеева, закончила его в 1954 году по специальности химика-технолога, получила направление на работу на строящийся Загорский лакокрасочный завод. Работала там сначала секретарем, затем машинисткой, кассиром, начальником смены, старшим инженером технического отдела. В 1961 году перешла на работу в Научно-исследовательский институт (НИИТЛП) в Хотьково технологом лакокрасочных покрытий. После выхода на заслуженный отдых, по просьбе руководства НПО «Лакокраспокрытие», я была направлена заниматься организацией в городе Хотьково отдела пенсионного обеспечения под руководством М. Д. Сорк. В созданном отделе пенсионного обеспечения я проработала до 1995 года, потом перешла работать в больницу на должность регистратора. Общий стаж моей производственной деятельности составляет более 60 лет.

Козлова Нина Пантелеевна

Военная юность

Моя мама, Сысоева (Крюкова) Мария Сергеевна, родилась в мае 1924 года в с. Спас – Коркодино, Клинского района Московской области. Её мать – Крюкова Евдокия Ивановна – работала ткачихой на фабрике «Красный ткач», отец – Крюков Сергей Егорович – был счетоводом в колхозе «Дружба». В семье было четверо детей: три дочери, сын да бабушка – Екатерина.

После окончания семилетки мама поступила учиться в Ивантеевский текстильный техникум. В 1941 году 25 мая ей исполнилось 17 лет. Прекрасная пора юности, пора первых увлечений и влюбленности и, конечно,

мечтаний о том, что ждёт её впереди. В июне она была в своей семье, как вдруг началась война. Весь ритм жизни людей изменился. Молодых мужчин стали брать на фронт. Из её села тоже многим пришли повестки. Ушёл на фронт и её сосед, молодой парень Дмитрий Стрункин. Мужа старшей сестры Елены, которая, после окончания педагогического училища, работала в Малино, тоже взяли на фронт, и она одна осталась с годовалой дочкой на руках. Родители очень переживали, как будет жить Лена одна с маленьким ребёнком в такое тяжёлое время. И тогда в помощницы ей решили отправить сестру Марусю. Когда фронт подошёл к Москве, а с северо-запада к Клину, наше село было оккупировано немцами. Мамы в селе не было, она жила с сестрой Леной в Малино. А там немцев не было, но жизнь, как и во всей стране, была очень тяжёлой. Малютка Валечка, Ленина дочка, заболела воспалением лёгких и умерла. Лечить в то время, да ещё во время войны, такие серьёзные заболевания было нечем. Когда в 1942 году немцы были отброшены от Москвы, мама вернулась домой, к родным. Село она не узнала. Больше половины домов было сожжено, сторел родительский дом, и семья ютилась в уцелевшем доме бабушкиной племянницы. Вот там стала жить мама. Во время оккупации, не перенеся выпавших испытаний, умер дедушка Сергей – мамин отец. У него было слабое здоровье; ещё в гражданскую войну он был ранен, и ранение отразилось на его здоровье.

Вся жизнь односельчан была нацелена на помощь фронту. Те, кто работал на ткацкой фабрике, дни и ночи стояли у станков, вырабатывали медицинскую марлю на бинты, среди них была и моя бабушка. А мама вместе со своими подругами, Нюрой и Аней, как и всё работоспособное население, трудились на лесозаготовках. Лес тоже был нужен фронту. Ох, и тяжела была эта работа. Зимой по пояс в снегу пилила деревья, обрубали сучья и волоком тащили их к дороге. Голодные и замёрзшие возвращались они домой, но и дома еды особой не было. Какая-нибудь пустая похлёбка, пара картофелин, а хлебца, если и удавалось бабушке достать, – было большим счастьем. Как вспоминала она: «Иду с работу и знаю, что дома нет ни крошки. А всё равно, подойду к полке, откину занавеску и шарю среди посуды, не завалилась ли где корочка хлебушка».

И вот однажды, бригадир сказал, что в Клину есть медицинские курсы и приглашают на эти курсы девушек. После шестимесячного обучения, отправляют их медсестрами на фронт. Три подруги: мама, Нюра и Аня, посоветовавшись, решили пойти на эти курсы. Они думали так: «На фронте нас хоть кормить будут. А погибать, что здесь долго не протянем, что на фронте под пулей – всё равно, но, может, чьи-то жизни спасём». Пешком,

16 километров, шли они в Клин и были зачислены на курсы медицинских сестёр. А через шесть месяцев, получив квалификацию – медсестра и воинское звание «рядовая», они были отправлены на 2-ой Украинский фронт. Маме в то время было 19 лет. Здесь подружкам пришлось расстаться, каждая была направлена в своё подразделение. Мама была приписана в 16 механизированную ордена Суворова бригаду 25 танкового корпуса.

Маму коротко подстригли, выдали положенное военное имущество, и начались мамины фронтовые будни. Конечно, на курсах были получены первичные знания, но всему приходилось учиться в боевой обстановке. Свободного времени почти не было. Она обрабатывала раны, перевязывала бойцов, кого-то утешала словом, помогала хирургу при операции. Мама рассказывала, что порой весь медицинский персонал от усталости валялся с ног. Было, что она засыпала на ногах, очнётся, а шприц рядом валяется, а раненые всё поступали и поступали. Один хирург, которому ей приходилось помогать, иногда вкалывал себе морфий и только после этого мог оперировать дальше. Поначалу маме было очень страшно видеть, какие раны получали бойцы. Она задрожит, отшатнётся, а хирург, так строго посмотрит на неё, скажет: «Держи!» – и мама, собравшись с духом, держит ногу, которую хирургу приходится ампутировать. Но особенно было тяжело, когда шли тяжёлые бои. Сначала идёт артподготовка, потом всё стихает, и за дело берутся санитары, нужно поскорее помочь раненым, которые пострадали от артподготовки. Мама рассказывала: «Выберешься из укрытия, как глянешь, и мороз по коже: валяются оторванные части тел, даже на деревьях, порой висят чьи-то останки и кровь, кровь. Кто-то стонет, кто-то кричит, кто-то без сознания. Скорее до начала боя надо успеть вытащить раненых в безопасное место. А пули свистят над головой. Очень много санитаров погибло в это время. Санитаров на фронте всегда не хватало».

Но молодость – есть молодость. На фронте мама познакомилась с моим отцом, молодым офицером, который с 18-летнего возраста уже воевал. Он был командиром миномётного взвода. Редкие встречи, война, неизвестность будущего и, конечно, любовь, торопили их вступить в брак. И вот, сыграв фронтовую свадьбу, они стали мужем и женой. Теперь особенно хотелось жить и мечтать, скорей бы войне – конец. Как позже вспоминала мама фронтовая подруга тётя Нюра: «Они были очень красивой парой».

Вскоре мама поняла, что ждёт ребёнка. Этим ребёнком была я. Теперь мама думала не только о своей жизни, но и моей. Но война не считается с тем, носишь ли ты в себе новую жизнь или нет, а всё равно - выполняй тяжёлую фронтовую работу. Вот и мама, 20-летняя хрупкая женщина, продолжала выполнять свой долг медицинской сестры: и спасать, и помогать, и перевязывать. Иногда думаю, что и я косвенно являюсь участницей войны. Ведь это со мной под сердцем мама бежала по полю боя под свист пуль, со мной тащила раненых, помогала и утешала, и ей было страшно, а значит, и мне тоже было страшно, и я слышала звук взрывов и вой снарядов. Я, на-

верное, тогда внутри мамы сжималась в комочек и прятала голову в плечи. Но я была в ней, в маме, а мама всегда защитит.

В сентябре 1944 года мама в военной шинели, с вещмешком за плечами вернулась в родное село Спас-Коркодино, а в ноябре родилась я. Но это уже другая история.

Фотокарточка

Маме, Сысоевой Марии Сергеевне

В простенькой рамке под зеркалом старым
Висит фронтовая карточка мамы.
Девчонка в кудряшках, чуть набок пилотка,
И ладно сидит на ней гимнастёрка.
Смеётся девчонка, ведь ей скоро двадцать.
Бушует весна! - Ну, как не смеяться!

Весна постучалась, и так уж случилось,
Девчонка на фронте впервые влюбилась.
Глаза огоньками от счастья сияют,
А будут ли живы - об этом не знают.
Пусть воют снаряды, от пуль нет спасенья,
В глазах у девчонки любовь и смущенье.

Она - санитарка, а он - миномётчик,
И что им грядущий день напророчит?
Сейчас час затишья, бояться не надо,
Совсем далеко, далеко канонада.

А завтра... снаряды обрушатся гулко,
И будет нужна санитарная сумка.
И надо по страшному полю бежать
И надо помочь, и надо спасать,
Тащить, волочить, утешать, надрываться,
А где взять силёнок, ведь ей только двадцать.

Девчонка в кудряшках, чуть набок пилотка,
И ладно сидит на ней гимнастёрка,
И нежные руки, и хрупкие плечи...
Война не щадит, а бьёт и калечит.

.....
На карточке мама. Давно это было,
Хоть время прошло, ничего не забылось...

Комаров Анатолий Григорьевич

Родился я в 1937 году на Украине. Отец работал в колхозе трактористом, мама продавцом в сельпо, счетоводом. Отец в 1939 году был призван в Красную Армию. Когда началась война, мы уже жили в Кривом Роге, снимали домик, имели небольшое подсобное хозяйство. Из села уехали от нищеты и несправедливости. Все это я написал по воспоминаниям моей мамы.

Когда отец ушёл на войну, через несколько месяцев в Кривой Рог пришли немцы. Так как мама не работала, воспитывала троих детей, подсобное хозяйство быстро проели, и не на что стало жить. Мама решила возвращаться в родное село к родителям отца, все-таки в селе больше возможности прокормиться. Погрузила скраб и детей на санки и пешком пошла в дорогу. По дороге в село побиралась, чтобы сохранить детей. До села шли более 40 суток, остались жить у родителей отца. Немцы выгоняли взрослых на работы по уборке хлеба, ничего не платили, это была трудовая повинность. Поэтому все подворовывали зерно, толкли его в ступах и этим питались.

Комендантом в селе был немец, полиция местная, а воинская часть – румыны. Так как мама работала в сельпо, комендант поручил ей принимать у себя дома подать от селян – яйца. Помню большую плательную корзину для яиц, которая стояла у нас в комнате. Но селянам самим нечем было питаться, поэтому сбор яиц шёл плохо. Маму обвиняли в саботаже, и комендант распорядился её повесить, у церкви даже соорудили виселицу. Не знаю, по какой причине приказ был отменен, по-моему, ее отстояли односельчане, проведя экстренный сбор податей.

Когда освобождали село, была страшная бомбежка, мы с мамой, родителями отца сидели в огороде в яме, которую выкопал дедушка. Помню, что поле боя за селом охранялось от мародерства и ночью простреливалось. Мы с мамой ползком добирались до первой погибшей лошади, срезали мясо, потом варили его с каустической содой, получалось мыло, которое было в огромном дефиците и мы обменивали его в окружающих

селах на продукты, в основном яйца и зерно. Так и выживали.

После освобождения ходили в школу. Несмотря на тяжелейшее положение в послевоенной стране и разруху, правительство находило возможность подкармливать детей помимо иждивенческих карточек. В школе нам на перемене заносили поднос с крохотными кусочками хлеба, и мы их с удовольствием сосали, чтобы продлить удовольствие.

Было очень голодно, голодные ждали отца с работы, может, что-нибудь принесет. Чаще всего приносил кукурузу в початках, мы ее толкли в ступе, мама готовила мамалыгу. Иногда мы, мальчишки, собирались у магазина, зная, когда привозят хлеб. Привозили его на телеге, запряженной лошастью. Возница, он же экспедитор, надевал на обувь чехлы из ткани, в них залезал в поставленный на телегу фургон, куда загружали хлеб в поддонах. Пол фургона был оббит оцинкованным железом. За нашу помощь в выгрузке хлеба мы ладошками сгребали хлебные крошки и в рот. Необыкновенный вкус!

В 1947 году мама взяла ссуду в банке, и мы начали строить свой дом. Сами лепили лампачи (кирпичи из глины с соломой), смесь носили руками в форму, получался кирпич весом 20 кг. Дня два он подсыхал на солнце, мы его переворачивали, а когда высыхал, складывали в бурты по 10-12 штук. А ведь мы были маленькими детьми!

Так мы и жили в построенном доме, пока не выросли и не разлетелись в разные стороны. Я закончил 10 классов (следует сказать, что в то время было обязательным семиклассное образование, а 8-10 классы были платными и родители нашли средства, чтобы дети закончили 10 классов). В 1955 году поступил в Ташкентский институт инженеров железнодорожного транспорта. В 1996 году переехали с женой в Московскую область.

Я бесконечно благодарен моим родителям за то, что в такое тяжелое для страны время сумели сохранить всех своих четверых детей, дать образование и наделить крепким здоровьем.

Корнилова Раиса Васильевна

Со слов мамы

Раиса Васильевна родилась в Смоленской области, Темкинского района селе Васильевское. Там был молокозавод, на котором работала мама. Папа работал на племенном конезаводе. Они поженились, построили дом. Колхоз дал им тёлку. Жить бы да жить, но в 1941 году началась война. Папа ушёл на фронт. Через два месяца пришло извещение, что он погиб.

Немцы в нашем селе были 1 год 7 месяцев. Всех нас выгнали из домов, жили в землянках, спали на нарах.

Мама пришла жить к своей маме, хотя у бабушки было своих восемь детей и трое нас. Немцы издевались над населением. Яйца кур, поросят – всё тащили. Ребята, которым было 14-15 лет, ушли в партизаны, жили в лесах. Организовались партизанские отряды, нужны были прачки, девочки стирали, а ребята разводили костры и грели воду. Со слов мамы, её брат был на передовой и

дошёл до Берлина. Немцы пытались угонять лошадей по 50 штук. Две семьи сопровождали на пяти телегах, семьи были большие. Днём шли, а ночью кормили лошадей. Нас загоняли в болото. Шли с белым флагом. Подходя к Белоруссии, нас освободили партизаны и перевезли в Могилёв, где стоял госпиталь №3161 военнопленных.

Бабушка и её дети остались работать в госпитале. Встречали раненых, обрабатывали раны, лечили, а умерших сразу хоронили. Мы с братом были в детсаду, маму мы не видели. Госпиталь формировался до 1947 года.

В 1948 году нашли родню в Загорске. Приехали на Скобянку и жили у дяди Сергея. У него трое детей, да нас трое. Места хватало всем на полу. Жили в бараках. Брат устроился на Скобянку станочником-учеником. У бабушки была корова. Брат ел жидкую пшённую кашу. Он ест, а бабушка сидит и плачет. Военкомат не брал его в армию из-за дистрофии. Так он и не служил.

Королева Анна Николаевна

Мы с братом Федей были детьми, когда началась война. Отец, Потапов Николай из карельской деревни Салмагуба на берегу Онежского озера. Жизнь у нас была не сахар, с младенчества жили с мачехой, которая никогда не отличалась сердечностью. А в первые дни войны призвали на фронт отца, и мы почувствовали себя совсем чужими в опустевшем родительском доме. Но это было только начало череды испытаний, выпавших нам в военное время. Уже в октябре 1941 финские части, воевавшие на стороне фашистов, оккупировали всю онежскую округу, заняли Петрозаводск.

Финские захватчики массово выселяли жителей из деревень. Соседнее село полностью сожгли, деревня Салмагуба уцелела только благодаря своему стратегическому расположению: отсюда соседний город Медвежья

гора был в прицеле финских артиллеристов. Пришел день, когда женщин и детей согнали на берег Онежского озера и погрузили на баржу. Кудаплыли, никто из нас ещё не знал.

Даже мне, маленькой девочке, запомнилась атмосфера тревоги и неизвестности на барже, когда их посудина надолго остановилась вдали от берега. Потом, повзрослев, узнала, сколько таких, заполненных до отказа барж, фашисты пустили на дно вместе с пленниками. Как видно, нам была дарована жизнь. Дух мы перевели, когда баржа причалила к берегу. Оказалось, что везли женщин и детей в концентрационный лагерь в Петрозаводске. Бревенчатые бараки были до потолка заставлены нарами, людей в таких загонах было битком. Матерей каждый день увозили на работы, строптивых пленниц лагерные каратели убивали. В нечеловеческих условиях погибло много женщин и детей.

Я считаю счастливыми тех, кого в лагерях защищали матери. Многие маленькие узники выжили только благодаря этому. У нас с братом в финском концлагере такого крыла не было. У нас были все шансы умереть голодной смертью. Спас нас брат Федя. Он вместе с мальчишками какими-то убежал из лагеря и старался раздобыть кусочек хлеба. Так мы продержались самое голодное время финской оккупации. Знал бы отец, как выживают его ребята. Он с фронта слал письма тетке-почтальонше, чтобы узнать, куда угнали семью из родной деревни. Отец погиб на фронте в 1943 году, так и не узнав, что Петрозаводск как раз в это время был освобожден от оккупантов и, что родные выжили в концлагере.

Я ничего не знаю о трагической фронтовой судьбе отца. И после оккупации мы с братом Федором могли рассчитывать только друг на друга. Детский дом я вспоминаю с теплотой и благодарностью. И Петрозаводский, где мы с Федей снова были вместе, и другой – в Ладве, что в двух часах езды на поезде от города. После хронического голода в концлагере детдомовское меню с похлебкой, кашей и даже компотом из сухофруктов и с сахарином было абсолютным счастьем.

В детдоме сирот войны жалели. Не помню ни окрика, ни подзатыльника от воспитателей. Была у нас тогда своя «мамочка» - воспитательница атлетического сложения, с мужской стрижкой и вечно с папироской в зубах. Дети, суровую на вид, а на самом деле ласковую великаншу обожали, любовно называли за всегдашнюю папироску Табатыркой. Знали, что она своих ребят любит и защищает.

Детдом проявил гуманность и при выпуске повзрослевших воспитанников. Их определили на работу в совхоз и пристроили в семьи. Так работала и я в совхозной столовой, но заскучала по родным краям и вернулась. Устроилась станочницей на крупный судостроительный завод. Здесь был многотысячный коллектив, строили пароходы. Я в этом людском море не затерялась, была лучшим гайконарезателем судоверфи.

На заводе нашла свою вторую половинку. Сержант-танкист Борис привел на завод команду военных из соседней части. Я – миниатюрная, как игрушка, он – рослый красавец. Мы оба не сомневались, что созданы друг для друга. Борис родом из деревни Костромино Васильевской округи, так и оказались мы в Загорском районе. Я – молодая хозяйка, очаровала новую родню, когда обнаружилось, что и корову могу подоить, и на все руки мастер.

Мы с мужем работали на заводе, который теперь известен как «Хотьковский Автомост». Получили квартиру в посёлке Мостовик. У нас родились дочь и сын. Семейное счастье продолжалось почти двадцать лет, в 43 года любящего мужа не стало. Я всё взвалила на себя. Сейчас я горжусь тем, что никто не может сказать, что я не справилась. Особенно не просто было с сыном, но сегодня это уважаемый человек на заводе «Автомост».

Я считаю себя богатой: у меня четверо внуков и два правнука. Вся семья, в полном составе собирается, чтобы поздравить меня в день рождения. Цыганочку, как и прежде я уже не танцую, но в баню с подругами раз в неделю по льготному билету хожу обязательно.

У военного поколения есть одна общая черта, эти люди никогда не жалуются. Мы пережили войну, знаем, что такое беда и умеем ценить настоящие радости жизни. Что же ещё нужно для счастья?

Из газеты «Вперед» от 11.04.2015 г.

Автор Светлана Аникиенко. Фото Алексея Севастьянова

Королева Татьяна Васильевна

Столетие Татьяны Васильевны Королевой близкие отметили в родовом гнезде – в старом сельском доме в деревне Костромино. Юбилера поздравили родственники, односельчане, уважили именинницу сотрудники администрации Васильевского поселения и представители управления соцзащиты населения.

У героини деревни Костромино большая семья. У Татьяны Васильевны три дочери, четыре внука, два правнука и два праправнука. Судьба не обидела Татьяну Васильевну Королеву потомством. Но одно место на этом семейном портрете опустело 75 лет назад.

Из соседней деревни Царёвское Татьяна переехала в Костромино к своему суженому – Ивану Яковлевичу Королеву. У них уже росли маленькие девочки, когда пришла война и сломала их привычный мир.

Но если бы только тяжкий труд выпал им в военные годы. По всей стране семьи получали с фронта похоронки. Принесли такой конверт и к ним в дом. Семью известили, что красноармеец, Иван Королёв пропал без вести в тяжёлых боях под Москвой.

Их дочери Лидии, когда отца не стало, было всего несколько лет. Не сохранила детская память этот страшный для семьи момент. От матери знает, что отец был, как в деревне, так и на фронте – рядовой. Вот такие солдаты и приняли на себя самые страшные испытания первых лет войны. Ценой собственной жизни защитили последний рубеж у Москвы, страну, свой дом и деревню.

Сельские участники войны – удивительно скромные люди. Разговорить их на тему военных лет невероятно трудно. И Татьяна Васильевна из таких же немногословных очевидцев войны. У них всех одинаковый ответ: «Не обижайся. Не могу я этот ужас снова пережить. Слишком тяжело и больно вспоминать. Да и о чем говорить, я жила и работала, как все».

Надо было – они воевали и работали, как вся страна, воевавшая с беспощадным врагом. Такие они, наши незаметные сельские знаменитости. Только рассматривая их боевые и трудовые награды, понимаешь, что за каждым из них личный вклад в общую Великую Победу.

Из газеты «Вперед». Автор Светлана Аникиенко

Кругликова Лидия Сергеевна

Материнский героизм

В предвоенные годы мы жили в городе Краснозаводске в коммунальной квартире и занимали комнату 24 кв. м. В 100 метрах от нашего четырёхэтажного шлакоблочного дома родители построили небольшой сарайчик и огородили участок земли площадью около 2-х соток. В этом сарайчике держали 4 козы, а в огороде сажали овощи, которых хватало на всю зиму. К нашему сараю примыкали ещё несколько сараев, а в соседнем сарае одна из семей нашего дома держала корову. Так как наш огород примыкал к этому сараю, то соседи складывали навоз на нашем участке. В связи с тем, что соседи практически не убирали этот навоз, то постоянно наш участок удобрялся. На этой жирной почве у нас постоянно был отличный урожай. Особенно эту почву любил укроп. Укроп был везде, его никто не сажал и представлял определённую проблему по прополке. Мама работала в заводской столовой кассиром и охалками носила этот укроп в столовую. В то время наша семья жила в достатке. С рождением в 1939 году 4-го ребёнка мама была вынуждена уйти с работы.

22 июня 1941 года началась война с Германией. Наша семья состояла из шести человек: родители, отец Кругликов Сергей Иванович 1889 года рождения, мать, Кругликова Мария Николаевна 1901 года рождения, брат Сергей 19 лет, я - дочь Лидия 17 лет, брат — Виктор 12 лет и маленький бра-

тишка Валерий 2-х лет. Когда объявили по радио, что началась война, мне сделалось страшно, а мама начала шить вещевые мешки для папы и Сергея. Поскольку у папы была бронь, то были разговоры о эвакуации вместе с заводом на Урал. Пришлось резать коз и солить мясо. Мясо раскладывалось по корзинам, но я не помню куда в конце концов делось это мясо.

Вскоре пришла повестка брату Сергею, и мы проводили его на войну. Папа ещё работал, но и его время пришло. Формировалась 1-ая Ударная армия. Мы проводили и отца. Осталось нас четверо. Когда начали бомбить Краснозаводск, бабушка по маминой линии велела переехать нам в г. Загорск. Кроме нас четверых, приехали ещё две мамы сестры из Москвы с детьми, и получилась семья из 13 человек. Но долго жить там нам не пришлось. Катастрофически не хватало продуктов, и все

стали разъезжаться по домам. Но и дома ничего не было. Основной едой была лебеда, из которой мама и варила суп, и делала оладьи. Мне исполнилось 17 лет и я с мамой пошла в отдел кадров завода. Меня взяли работать в этот отдел инспектором. Работали практически без отдыха (сутками).

В начале декабря неожиданно на 1 час заехал отец. Его часть располагалась под г. Дмитров и он ехал за пополнением. Его шофёр, очень общительный человек, подарил мне бусы.

1941-42 годы были самыми трудными. У нас не было никаких продуктов (мы ждали эвакуации). Наступили холода, котельные не работали. Все неурядицы легли на мамы плечи. Каким-то чудом мама сделала печку в комнате. Не было дров, надо было также чем-то нас кормить и это тоже была её забота. Пришлось, как

многим матерям, ходить по деревням и менять наши вещи на картошку в холод, плохо одетой. Однажды она пошла в Нельм за 100 километров, там заболела. Хорошо, что я отдала маме свой подарок — бусы. Это было последнее, что у ней осталось и ей удалось обменять эти бусы на лекарства, которые спасли её от смерти. Не было сил идти, но она справилась, так как её ждали голодные рты. Все силы уходили на поиск пропитания. Кто-то сказал, в деревне Язвицы сто-

рел сарай, в котором была картошка и мама пошла туда. Картошка была наполовину обгорелая, да ещё замороженная. Мама сварила её. Вкус был отвратительный, но мы её съели мигом. Так в кошмаре прошла зима и началась работа на огороде, которая также легла на плечи мамы. Вырос укроп. Из него мама варила суп. Пошла ботва свеклы, из которого суп получался вкуснее, чем из крапивы.

Пришло письмо от Сергея, которое было невозможно прочитать. Но материнское чутьё подсказало, что сын в госпитале. Начались отчаянные поиски Сергея по Московским госпиталям. Ей много в этом помогала сестра, которая жила в Москве. Я помочь не могла, так как с работы уходить было нельзя. Но мне разрешили уходить домой с 12 ночи до 8-ми утра.

Маме было тяжело, как в военное время, так и после.

Разум приходит позже, сейчас я бы стала чаще приезжать к маме, стояла бы на коленях и просила бы прощения. К сожалению, сейчас уже поздно и можно говорить только словами молитвы: «Упокой, Господи, души усопших моих родителей, Марии, Сергея. Прости им прогрешения, вольные или невольные, и даруй им царствие небесное».

Крякин Владимир Григорьевич

Отец погиб, когда я ещё не родился, совсем недавно стало известно, что он погиб под Смоленском.

Мама умерла в 1999 году.

Защитницам России

Просторы Матушки-России,
Врагам всю жизнь мешали спать.
Враги нам беды приносили,
Мечтая всё у нас отнять.
Зверьё всех наций и обличий,
Собрав всю мощь свою в кулак,
С жестокостью сурово-бычьей,
Хотели затоптать наш флаг.

Но каждый раз народ России,
Встав в стройные ряды бойцов,
Сплотившись и собрав все силы,
Врага сметал с земель отцов.
Мужчины, не жалея жизни,
С одной винтовкой на троих,
Храня любовь к родной Отчизне,
Дрались за жизнь своих родных.
Весь тыл на женщинах держался,
Честь и хвала вовеки им!
У каждой где-то муж сражался,
Чтоб светлый мир вернуть своим!
Солдат мечтал домой вернуться,
Прогнав врага с земли своей.
В любовь и счастье окунуться,
Увидеть мать, жену, детей!
Когда б не женщин труд бесценный,
Не их стремленье жить, любить,
Надежный мир вернуть вселенной,
Мы б не сумели победить!

Дети войны

Грохотала война, беспощадная драка,
Наши деды, отцы все ушли на войну.
Кто в России тогда не стонал и не плакал,
Чья душа не болела тогда за страну?
Жили мы, пацаны, настороженно, тихо
И как это ни странно, не дрались почти.
Знали, как матерям было тяжело и лихо,
И старались от них боль отвести.
Хоть и редко, но всё-таки стычки бывали,
А иначе мальчишкам жить просто нельзя.
Мы недолго сердились, тот час забывали,
Чтоб не происходило, мы были друзья.
Но когда похоронки с войны приходили,
Вниз глаза опустив, почтальон их вручал,
Не стесняясь тогда, громко женщины выли,
Да и каждый из нас слезы с глаз вытирал.
Худо ль бедно росли, а война грохотала,
Но однажды Победа в дома к нам пришла,
Приходили отцы, возвратилось их мало,
Многие не вернулись – война забрала.

Клянёмся!!!

Сколько в битвах погибло бойцов,
За Россию – Отчизну сражаясь.
Дедов, прадедов, братьев, отцов,
Шли они, пред врагом не сгибаясь.
Бились на смерть за Родину-мать,
За счастливые детские лица.
Жаль, что всех их нельзя сосчитать,
Невозможно им всем поклониться.
Каждый год День Победы мы чтим,
Вспоминаем солдат в битвах павших.
Мы, как предки, страну не сдадим,
Помним всех их Россию спасавших!
Не забудет пусть павший Рейхстаг
Наше знамя над ним в День Победы.
Было, есть и всегда будет так,
Мы Вам клятву даём, наши деды!
Не допустим мы слёз матерей,
Слёз всех женщин России великой.
Есть у нас средства против зверей,
Есть, чем пасть порвать шворе дикой!

Главный праздник страны!

Сегодня праздник – День Победы,
На Красной площади парад.
Сегодня папы, мамы, деды
На площадь поведут ребят.
Они сегодня там увидят
Всю мощь своей родной Страны.
Войну пускай возненавидят,
Хоть и не видели войны.
В году далёком сорок первом
Пришёл в Россию мерзкий враг.
Но нам хватило сил и нервов
Воздвигнуть над Рейхстагом флаг.
Фашистам дать свинца отведасть,
Навеки выгнать из Страны.
В войне сражались наши деды,
Чтоб больше не было войны.
Свободу отстоять старались
Великой Родины своей.
С ордой фашистов насмерть дрались,
Чтоб мы не знали горьких дней.

Кудинова Нина Александровна

История моей жизни похожа на миллионы других историй, которые пришлось пережить людям, чьё детство выпало на страшные военные годы. Этих людей так и называют: «Дети войны».

Наша семья проживала в деревне Сущёво, Александровского района Владимирской области. Деревня эта была небольшая, люди жили дружно. Хозяйство в семье было крепкое. Мой отец - Александр Фёдорович Матвеев, был первым председателем колхоза, мама освоила профессию ветеринара.

Начало войны помню очень хорошо: после окончания посевной люди отдыхали. День был солнечный, дети собирали на поле одуванчики. Вдруг все увидели пастуха, который бежал и кричал: «Война, война!». Люди закричали и заплакали. Всех мужчин в деревне забрали на фронт, отца оставили руководить уборкой урожая. Для фронта нужен был хлеб. После уборки урожая ушёл на фронт и он.

Место мужа заняла мама - Александра Ксенофоновна, став председателем колхоза и взвалив на свои женские плечи всю ответственность. В семье было шестеро детей, старшему Алексею исполнилось 12 лет.

Детям приходилось тоже очень трудно, они учились (занятия начались с 1 октября) и работали наравне со взрослыми на полях. За каждым был закреплён свой участок земли, который весной нужно было засадить, обработать, а осенью убрать урожай свеклы, моркови, картошки. Помогали и на покосе: женщины косили, а дети до 12 лет валы били, ворошили сено, убирали. Старшекласников посылали на лесоразработки, многие пошли на завод делать бутылки для зажигательной смеси.

Урожай распределяли по трудодням, помогало выжить и личное подсобное хозяйство, успевали не только колхозный, но и свой огород обрабатывать. У каждого из детей были свои обязанности в семье: я была экономкой, главной на хозяйстве.

Маму свою мы видели очень мало: она, как председатель, сутками пропадала на работе. Люди отдавали все свои силы для фронта, для победы. Впрягались вместо лошадей, потому что их просто не было и пахали землю. Все жили одной надеждой, что война скоро закончится. Героический труд женщин и матерей в годы войны достоин того,

что им нужно поставить памятник.

С фронта стали в деревню Сущёво приходиться похоронки. Дядя мой получил три похоронки, у него погибли все три сына, младший из которых - 18-летний, погиб под Прохоровкой.

Свою маму я вспоминаю с большим уважением. Она обладала твёрдым характером, все её любили, просили совета и помощи даже жители других колхозов. Всем помогала эта женщина, работала на износ, отдыхала минут 20 и снова работать.

Самой трудной для детей была обработка и уборка льна. Обрабатывали его вручную: теребили, колотили головки, мочили, высушивали, трепали. Затем колхоз приобрёл станок для обработки льна. Продолжали работу до самых холодов, собирали картошку под первым снегом.

Помимо работы дети продолжали учиться. Дрова для обогрева школы зимой заготавливали сами, пилили, кололи, уставали, но школу не бросали. Дисциплина была для детей строгой, гулять разрешалось до 23.00, после ходил по деревне сторож с колотушкой.

Фашисты подходили к Москве, в деревне даже было видно зарево над столицей, ждали, когда начнётся бомбёжка. Мимо Сущёвки в течение двух дней шли сибирские дивизии в Дмитров, на защиту Москвы. Провожали бойцов всем народом.

Известие о победе пришло в деревню в шесть часов утра, прозвучал длинный гудок. Все люди выбежали на улицу и побежали на завод, на торжественный митинг. Отмечали долгожданный праздник всем миром - резали баранов, собирались на гулянья всей деревней.

Мужчины стали возвращаться с фронта, а отец мой всё не приходил. Только в ноябре 1945 пришла телеграмма, что он жив. Домой отец вернулся ночью, шёл пешком из Загорска. Все в доме спали, мама своим глазам не поверила. Радовались его возвращению не только в семье, но и во всей деревне.

Александр Фёдорович вновь стал председателем совхоза, а мама - заведующей фермой. Самым тяжёлым после войны был 1947 год. Голодали, продавали вещи, чтобы прокормиться.

Родители наши прожили вместе 55 лет, папа умер в возрасте 77 лет, мама дожила до 87. Они воспитали шестерых детей, дали им образование. Всю свою жизнь они служили своей Родине.

Я закончила педагогический институт, проработала в школе 40 лет. Родила и воспитала 2 детей. До сих пор меня навещают ученики, уважают и любят жители посёлка.

Кузнецова Людмила Николаевна

Родилась в 1937 году в деревне Стройково Загорского района. Моя мама, Коновалова Домна Ивановна, родилась в 1902 году, после потери от простуды первого мужа, с сыном Владимиром переехала в деревню Стройково и здесь вышла замуж за моего отца, Кузнецова Николая Матвеевича. Они переехали на хутор Калабино.

У мамы родилось четверо детей, и с нами жила бабушка, ее мама. Когда началась война, отец ушел на фронт. Бабушка ослепла и умерла.

Жили тяжело. Мама работала в колхозе на свинарнике, потом дояркой на ферме в деревне Стройково. Старший брат Владимир, 1923 года рождения, окончил семь классов и работал на Загорском заводе ЗОМЗ, потом его забрали на фронт, и в 1943 году он погиб. Мы, дети, боялись оставаться дома и поэтому ходили на скотный двор помогать взрослым, а с младшим братом Сергеем, 1941 года рождения, сидела дома бабушка, пока была жива.

Помню, что между деревнями Стройково и Шапилово рубили просеку и создавали завалы. Сестра Нина пилила лес, работала в колхозе. Еще помню, когда подтянулись войска из Сибири, солдат расселяли по домам. Морозы стояли сильные. Что мы ели? Летом конский щавель, лебеду, покупали жмых, собирали дудки. Весной копали гнилую картошку, пекли лепешки с добавлением отрубей. В колхозе давали на трудодни пшеницу, и мы мололи ее на жерновах у нашего соседа Михаила. Получалась крупная мука, из нее варили кашу. Хорошо, что у нас были куры, овцы, корова. Молоко возили продавать в Москву.

После войны до 1950 года не было электричества. Учились мы в школе деревни Кудрино. Одежды не было нормальной. Я начала помогать маме возить в Москву молоко, и она за это покупала мне мороженое.

Запомнила, что когда пришли с фронта бывшие солдаты им выдали лошадей и, когда они вспахали поля, то их дети ходили и собирали остатки картошки, и только потом уже мы.

Я закончила семь классов, хотела пойти работать на Горбуновскую фабрику, но председатель не дал справку, говорил, что надо работать в колхозе. Но потом я все-таки устроилась ткачихой на фабрику, а с 1957 года стала работать на заводе «Электроизолит» намотчицей электроизоляционных материалов. В 1962 году вышла замуж и родила двоих детей, выучила их.

Все дети получили высшее образование.

Кузнецова Татьяна Егоровна

Моя мама, Александра Филипповна Илюхина, родилась в 1898 году в деревне Чашниково, Солнечногорского района. В 1919 году вышла замуж

за Кузнецова Егора Алексеевича 1893 г/р. Родом из деревни Берсеневка Химского района, где он жил вместе с родителями и тремя малолетними детьми. Он был вдовец.

Я родилась в 1937 году. У моей бабушки с дедушкой было большое хозяйство и для поднятия колхоза ими было передано в колхоз две коровы и лошадь. С утра до вечера все трудились в колхозе за трудодни.

В 1933 году тяжело заболел отец, его парализовало. На руках у мамы осталось 9 детей и хозяйство, состоящее из овец, свиней, коров, кур, гусей.

В 1938 году старший брат Иван ушел служить в армию на 3 года.

В 1941 году, когда началась война должен был вернуться брат с армии, но домой он не вернулся, ушел сразу на фронт. Мне уже было 4 года, брату Виктору 10 лет, сестре Катерине 7 лет, сестре Вере 16 лет, сестре Марии 22 года, брат Николай и сестра Наташа от болезней умерли.

Наша деревня опустела, остались только женщины, дети, старики; мужчины ушли на фронт. С утра до позднего вечера мама и сестры работали на трудовом фронте. Валили деревья, рыли окопы. К нашей деревне приближался фронт. Кругом грохотало. Взрывались бомбы. Летали низко немецкие самолеты.

Партизаны сообщили жителям, что немцы на подходе к деревне. Жители запасались продуктами, пряча их. Пришлось зарезать несколько овец и закопать их в глубокую яму в огороде.

Через день немцы оккупировали деревню. Начался полный ужас. Кругом слышалась немецкая речь, плач, крики детей, автоматные очереди, рёв мотоциклов. Немцы поджигали дома. Соседнюю деревню Танковку сожгли дотла.

Немцы выгнали из домов нас и всех жителей, выстроили в ряд и стали выбирать подростков для отправки в Германию. На месте расстреливали детей, если плакали или кричали и подростков, которые отказывались подчиняться. Потом нас отпустили, но домой мы уже не вернулись, в нашем доме хозяйничали немцы, среди них были и финны. Больной отец остался дома на печи, его не тронули. Мы стали жить в землянке. Там было сыро, холодно и темно. Спали на 2-х ярусных нарах, построенных из брёвен. В землянке запрещалось разжигать огонь и печь. Каждое утро и вечер всех жителей выгоняли на построение, искали партизан.

Маме приходилось ходить в дом, кормить больного отца, и каждый раз немцы давали разные приказы (мыть, постирать на них, убрать и т.д.). Но каким-то образом мама ухитрилась не выполнять их приказы, ведь могли расстрелять в любой момент за невыполнение. Однажды заставили маму говорить «Гитлер хороший», а в ответ услышали «Сталин хороший, Гитлер

плохой». Немец схватился за автомат, но он был разряжен, так как сам его чистил в этот момент.

Брата Виктора (10 лет), поймали на улице и приказали принести ведро воды из колодца. Он принёс воды из пруда и убежал, немец не успел в него выстрелить.

Меня, голодную, немец угощал конфеткой, но я её не взяла. Ругался на меня. Много таких опасных моментов для жизни были во время оккупации. Жили надеждой на скорую победу и не хотели покоряться фашистам.

Наши войска стояли насмерть, не пропускали врага к Москве, до неё оставалось 40 км. Шли ожесточённые бои. Всё небо было в огненном зареве от сражений.

Немцы почувствовали скорое отступление. Стали ещё злее. Грабили деревню. Увозили награбленное в грузовиках. Нас обчистили полностью, забрали даже ёлочные игрушки. Корову угнали, поросят, овец, кур и гусей порезали и увезли.

Советские войска перешли в наступление и освободили деревню. Я от радости бежала и кричала: «Наши пришли, наши пришли!!!»

После освобождения, все жители пошли на работу в колхоз. И я тоже, чем могла, тем и помогала. Работали вручную. Еды у нас не было. Спасались травой (крапивой, одуванчиками, лебедой, щавелем), варили щи. Я ходила в лес за ягодами, грибами, орехами. Собирали мёрзлую картошку, промывали и пекли на буржуйке лепёшки. С братом ловили рыбу в пруду.

В деревню пришло сообщение, что недалеко от г. Солнечногорска, наши войска отбили у немцев стадо коров. Мама в надежде, что наша корова жива, пошла пешком за 25 км. искать корову. Какое было счастье, что в загоне одной из деревень у г. Солнечногорска, мама увидела нашу корову, корова тоже узнала свою хозяйку и с рёвом «Му» бежала навстречу.

Через сутки уставшая, но счастливая мама с коровой вернулась домой.

Молоко, яйца сдавали на фронт, пункт сбора был в соседней деревне Липуниха. Весь собранный урожай отправлялся на фронт. От грубой пищи у меня тяжело заболел живот, всё скручивало от боли. Мама выделила мне кружку парного молока в день, пока мне не стало лучше. Боли прошли, но до сих пор иногда дают о себе знать.

В 1944 пришло извещение, что брат Иван пропал без вести. Мы все горько плакали. Вскоре, осенью, умер отец. Так мы осиротели. Выживать стало тяжелее.

В школу я пошла в 9 лет, потому что одежды на всех не хватало. Наша школа находилась в 2-х км. от дома в д. Радумли. В школу ходили гурьбой со всеми детьми из деревни. Учебников в школе на всех не хватало, выделяли один учебник на 3-х учеников, уроки учили по очереди. В школу на обед брали по 1 штуки моркови или картошки. Пионервожатая нашей школы организовывала поездки в Москву в театр, музеи, выставки. Были в цирке.

Даже были в Большом театре. Учиться было интересно. Помню свою первую учительницу, Зинаиду Ивановну.

После занятий у меня было много обязанностей. Убраться в доме, накормить животных, принести дрова из леса, ворошить сено, перенести его в сарай, прополоть грядки, принести воды и многое другое. Приходилось и в колхозе помогать убирать урожай, собирать колоски и тд. Играть было некогда.

Мама целыми днями работала в колхозе за трудовни. В свободный день ходила за 4 км. до станции, чтобы доехать до г. Химки, нагруженная овощами и флягами с молоком, чтобы продать и на вырученные деньги купить хлеб и сахар. Когда мама заболела, мне на тот момент было 13 лет, пришлось сменить её и я на детских плечах носила эти тяжёлые сумки и продавала молоко, картофель, ягоды, грибы и щавель.

Закончив 9 классов, я пошла работать на фабрику швей в г. Москву, шили для лётчиков-полярников одежду. Сестра Вера тоже работала в г. Москве библиотекарем в библиотеке имени В. И. Ленина. Сестра Катерина и Мария работали в г. Солнечногорске на ткацкой фабрике. Они шили парашюты для лётчиков. Брат Виктор закончил техникум, и стал работать товароведом в г. Москве.

В 1958 году я вышла замуж за Никитина Ивана Никитовича, родила дочь Галину, нам выделили комнату в деревянном бараке.

В 1963 году переехала с семьёй в г. Загорск, моему мужу выдали ордер на однокомнатную квартиру. Через два года родился сын Юрий. Поступила на производство в г. Загорске. В 2013 году мне исполнилось 75 лет. Имею двух внуков Дмитрия и Алексея.

За долголетний добросовестный труд была награждена медалью «Ветеран труда», знаками «Победителя Социалистического Соревнования», имею «Почётные грамоты» и благодарности.

Мы прожили тяжёлое детство. Сейчас вспоминаешь с ужасом то время. Пусть никогда не будет войны.

Куксова Римма Петровна

Родилась в 1936 году в селе Гладышево Токаревского района Тамбовской области. О начале войны воспоминаний не осталось. Только помню, когда папа, Петр Сергеевич, уходил на войну и прощался с нами, то все плакали. До войны он работал бригадиром в нашем колхозе, поэтому уходил рано утром и приходил поздно вечером. Все заботы по дому были на маме, Зое Андреевне.

После ухода отца на фронт, мы питались тем, что выращивали на своем огороде, который был размером в 50 соток. Весь огород обрабатывала

мама лопатой. На огороде она сажала пшеницу, ячмень, рожь, просо, картофель, огурцы, помидоры. Были яблони, груши, вишни. Помимо огорода надо было заботиться о топливе. Мама вставала в 4 часа утра и с другими женщинами шла за дровами. Дома готовила нам еду бабушка Ксения Сергеевна- мама моего отца.

Помимо отца на фронт ушел и его брат Павел.

Конечно, мы все ждали писем от наших фронтовиков. У меня сохранились два письма от папы.

Вот, что он писал в письме от 27.10.1941года: «Мы сейчас находимся от Москвы в 25 км. Разбита наша

часть, но мы остались живые и сейчас едем снова на формирование. Как сформируемся, так опять поедem в бой. Все это надоело. Теперь хотя бы повидаться с вами один час. Очень я по вас соскучился.»

Письмо от 5.03.1942года: «Я пока жив, здоровье мое пока ничего. Что будет в дальнейшем, я не знаю, только скучаю по вам по всех. Может такая моя доля выпадет, то останусь живым, но не предвидится. Тогда увидится, как победим Гитлера. Хочется с вами повидаться один час. Целую вас всех. Ваш муж, отец, сын, брат.» На письмах штамп: «Проверено военной цензурой».

Каждое письмо-это наша радость, слезы. А потом пришло похоронное извещение, что Куксов Петр Сергеевич, был ранен и умер от ран 6.01.1943 года в эвакогоспитале и захоронен в Рязани.

Мама осталась вдовой в 32 года с тремя детьми на руках. Она теперь работала еще и в колхозе, а в своем хозяйстве содержала еще и козу.

Брат отца, Павел, прислал с фронта 2 письма, потом пришло извещение, что он пропал без вести. Бабушка до своей смерти, до 1975 года, верила, что он жив и ждала. А в 2012 году меня уведили, что ученики и учителя школы №7 г. Мичуринска Тамбовской области установили, что на кладбище Херстен, в Германии, покоятся 50 тысяч наших военнопленных и расстреляны списки тех, кто умер в концлагере Берген-Бельзен от мук, болезней, непосильного труда и издевательств. В этом списке и мой дядя Павел Сергеевич, умерший 10.01.1942 года. Его лагерный номер X1018162 Шталаг X. После моего обращения в военный Комиссариат Тамбовской области в книгу Памяти Тамбовской области было внесено изменение и имя сержанта Куксова П. С. Было занесено на мемориальную плиту Обелиска воинам, погибшим в годы Великой Отечественной войны в 1941-1945гг.

Я пошла в школу в 1943 году в неполные 7 лет. Детей было много, поэтому мы учились в третью смену. Вместо портфеля мама сшила мне сумку, чернильницу- непроливайку носила в отдельном мешочке. Мне запомнился праздник, когда закончилась война, все обнимались, плакали, особенно одна женщина, у которой было много сыновей, и они все погибли.

После окончания 7 классов было решено, что я пойду учиться в 8 класс в школу, которая была расположена далеко от дома, поэтому мне снимали угол у пожилой женщины, дом которой был недалеко от школы. После выходного я шла из дома с продуктами на неделю. Осенью привозили дрова для печки. Одевались мы бедно, одежда была рукодельная.

В 1953 году я закончила школу и поступила в педагогический институт г. Воронежа. Жили с сокурсницами сначала на частной квартире, а потом в общежитии после его постройки. Жила я на стипендию, денег из дома не присылали. В 1958 году окончила институт и получила распределение на Алтай в Рубцовский район. Преподавала химию, биологию, географию, физкультуру и иностранный язык. Поскольку быт был не устроен, через год я сбежала оттуда, вернулась в Воронеж и меня направили в Верхне-Хавский район, село Пляса. В 1960 году меня перевели в Нижне-Байгоровскую восьмилетнюю школу заведующей учебной частью. В 1965 году вернулась в Тамбовскую область по семейным обстоятельствам, а в 1975 году приехала в Хотьково и стала работать в ПО «Электроизолит» в отделе технической информации, а затем меня перевели в партийный комитет.

В 1989 году тяжело заболела, после многих операций здоровье улучшилось, и я стала работать в Обществе инвалидов, где проработала до 2009 года. Сейчас я – член общественной благотворительной организации «Союз пенсионеров Подмоскoвья». За общественную работу неоднократно награждалась Почетными грамотами.

Ларина Галина Викторовна

Моя бабушка, Борисова Евдокия Филипповна, родилась в Талдомском районе 14 марта 1899 года. Бабушка со своим супругом, моим дедушкой, Борисовым Афанасием Ивановичем приехала в 1920 году в город Сергиев Московской губернии и жила здесь до конца своей жизни.

У бабушки было восемь детей, двое из них, мои дяди, были участниками Великой Отечественной Войны.

Старший сын Алексей, 1920 года рождения, был призван в ряды Красной Армии в 1940 году. Он прошел всю войну до самой Победы. Его брату Николаю на момент войны было всего 14 лет. Но в начале 1945 года Николай тоже был призван в ряды красной Армии. Вернулся Николай только в 1948 году.

Муж бабушки, Афанасий Иванович, был призван также в 1941 году в ряды Красной Армии. В 1943 году бабушка получила известие о том, что её

муж пропал без вести. Евдокия Борисовна очень любила своего мужа. Она не создала новой семьи и всю жизнь ждала возвращения своего Афанасия.

Старшая дочь моей бабушки Анна в 1940 году вышла замуж, но осталась помощницей моей бабушке.

Бабушка осталась со своими несовершеннолетними детьми совсем одна. Николай – 14 лет, Вера, моя мама – 12 лет, Надежда – 9 лет, Анатолий – 4 года. Дочь Люба 16 лет уехала с эвакуированным ЗОМЗом в Вятские Поляны Кировской области, она была многостаночницей и передовиком производства. Бабушка в 1941 году была беременной и родила в октябре дочь Татьяну.

Средств к существованию не было совсем. Для того, чтобы не умереть с голода дети - Анна, Николай и маленькая Вера ездили в деревню работать в колхозе. За трудную работу они получали пайки, которые помогли выжить в это нелегкое время.

Моя мама Вера рассказывала, что это было голодное и страшное время. С детьми они собирали крапиву и траву, сушили и запасали впрок. Для растопки печки приходилось искать в глухом лесу сухие ветки, больше оглодавшим детям не донести.

Бабушка сумела в такое время воспитать мою маму и её братьев и сестер честными и ответственными людьми, любящими и заботившимися друг о друге.

8 ноября 1972 года моя бабушка, Евдокия Филипповна, после длительной болезни, умерла. Бабушка была светлым, отзывчивым человеком. Прожив очень тяжелую жизнь, никогда не жаловалась. Всегда была готова помочь и поддержать в трудную минуту.

Лебедев Владимир Иванович

Сегодня звучала тема о детях войны, а раньше говорили о ветеранах войны и тружениках тыла, которые обеспечили победу в этой Великой и страшной войне. Сейчас говорят о детях войны, родившихся в тридцатые годы и пережившие военное лихолетье. Как они переживали это неслыханное бедствие? Наверное, все по-разному.

Я, Лебедев Владимир Иванович, родился в 1944 году за год до Победы. Мои родители: отец-Иван Александрович, русский, член партии, 1911 года рождения; мать, русская, но с цыганским душком (прапрадед был цыганом-кузнецом в таборе), тоже 1911 года рождения. Они родом из Ивана-Вознесенска. Поженились в 1931 году, в 1932 году родился мой брат Владик, в 1939 году – второй мой брат Валерий.

Отец работал до войны некоторое время в НКВД, но был уволен, когда

выяснилось, что его отец держал в царское время трактир, и тогда все владельцы трактиров служили в полиции. Отец поступил в ФЗУ и, после его окончания, поступил в Индустриальный техникум. В конце тридцатых годов родители переехали в Загорск. Отец поступил на Загорский оптико-механический завод, где проработал всю свою жизнь на разных должностях, в сорок девять лет он закончил институт. Мать, после окончания торговых курсов, работала в торговле.

В 1941 году, когда началась война, семья вместе с заводом уехала в Томск, в эвакуацию. Вернулись в 1944 году, но из-за отсутствия жилья, поселились в Хотьково в комнате на 2-ой Рабочей улице в частном доме, где родители сняли жилье. Здесь я родился. К весне переехали в Загорск, в 17-ти метровую комнату, которую получил отец. Мое раннее детство помню плохо, но запомнилась очередь в баню, в которой мы просиживали по три часа со своими тазами.

В возрасте двенадцати лет умер брат Владик. У него было большое сердце. Семья жила скромно, с нами сидела бабушка, которую вспоминаю с большой теплотой. Отец работал на оптико-механическом заводе, где трудились 12 тысяч человек. Вокруг завода строился поселок из деревянных, шлакоблочных и кирпичных домов. Начальство получало жилье, как правило, в кирпичных домах.

Я пошел в школу №11 в 1952 году и хорошо помню мою первую учительницу Татьяну Алексеевну. Обучение начиналось с палочек и крючечков. В школу ходили самостоятельно и пешком. В середине пятидесятых годов наша семья отвоевала вторую 8-ми метровую комнату, и у нас появилась отдельная маленькая квартира, которая отапливалась дровами, потом, после установки газгольдера во дворе, провели газ. Перестали ходить в баню. В 1956 году, после окончания четырех классов, перешел в школу №19 на Рабочем поселке, которую построил завод.

Здесь появились друзья, дружбу с ними сохраняю до сих пор. Это Цывкин Владимир, известный в Сергиево-Посаде музыкант и человек. Он с супругой учат детей музыке. Второй друг – Николай Владимирович Класен – сейчас доктор наук, работал в Институте твердого тела в Черноголовке заместителем директора по науке. Третий мой друг, Юрий Васильевич Романов, уже ушел из жизни, работал начальником цеха в ЗОМЗе. Вместе перешли в школу №3 и закончили ее. Мы решили попробовать поступить в МИФИ, поскольку там экзамены начинались рано в июле, но попытка не удалась. После этого Николай подал документы в Физико-технический институт и поступил. Я подал документы в Бауманский институт и не добрал всего один балл, что было очень обидно. Пришлось идти работать на

завод, в лабораторию и начал готовиться с преподавателями к поступлению в институт.

В 1963 году поступил в Энергетический институт, после его окончания в 1969 году по специальности инженера - теплофизика, работал в Москве, в Ховрино, на магнитно - гидродинамической станции. Этот проект такой станции оказался бле-

фом. В 1974 году я понял, что надо искать другую работу поближе к дому. Через знакомых я оказался на приеме в Загорском горкоме партии у Владимира Михайловича Тишкина, заведующего промышленно-транспортным отделом, он обещал помочь с трудоустройством и помог. Так я оказался на работе в ПО «Электроизолит», где был назначен на должность главного энергетика.

К этому времени я уже имел свою семью. Мы с женой поженились на третьем курсе института в 1965 году, и наши родители были не против этого. Брак оказался удачным и мы вместе более 50 лет. Нам хорошо помогали родители моей жены. В 1967 году появилась на свет наша дочь Маша.

Производственным объединением «Электроизолит» руководил Павел Иванович Григорьев, хороший знакомый моего отца. Они вместе работали на Загорском оптико-механическом заводе.

Надо сказать, что Павел Иванович очень сомневался в моем назначении на должность главного энергетика. Я попросил отца поговорить с ним. Отец сказал Павлу Ивановичу, чтобы он испытал меня на этой должности, а, если не получится, то может меня выгнать.

В начале работы было очень тяжело. Большое спасибо моему заместителю Леониду Михайловичу Шувалову, который потихоньку вводил меня в такую тяжелую и нервную работу. Хорошо, что коллектив на предприятии был дружный. Я сблизился с начальником производства Швецом Василием Ивановичем, бывшим фронтовиком, дошедшим до Берлина и награжденным многими орденами и медалями.

Моей семье предоставили квартиру в Хотькове в шаговой доступности от завода, поскольку моя работа требовала моего присутствия в любых нестандартных ситуациях на предприятии в любое время. В 1982 году после ухода на заслуженных отдых Павла Ивановича, директором был назначен Попов Борис Дмитриевич, до этого работавший коммерческим директором.

В 1983 году меня перевели на должность заместителя Главного инженера по эксплуатации, поскольку я справлялся со своими обязанностями, и претензий со стороны руководства ко мне не было.

В этом же году на заводе началась большая стройка малотоннажного

производства. Практически возводили новый завод в заводе по производству малотоннажных лаков. Вместе с заместителем директора по капитальному строительству мне приходилось принимать участие в этой огромной работе. Строительство шло тяжело, коллегия Министерства контролировала работу, директору приходилось постоянно отчитываться там. Руководители предприятия понимали, что объект этот для завода нужен, поскольку это его будущее. В 1985 году я был направлен во Францию, в командировку, так как строительство велось по проекту французов и курировалось его специалистами.

В 1987 году за невыполнения плана по производству продукции в обкоме КПСС директора резко критиковали за провал, и он написал заявление об уходе с должности генерального директора.

Встал вопрос, кто возглавит предприятие. В парткоме рассматривалось несколько кандидатур, но потом меня пригласили к Главному инженеру Бобылеву Олегу Васильевичу и предложили возглавить завод и дали время подумать. После совета с женой, я согласился. Моя кандидатура обсуждалась в парткоме завода, в райкоме и обкоме партии, затем в Министерстве. Приказ о моем назначении я получил 8 мая. Коллектив предприятия встретил мое назначение с одобрением. Надо сказать, если бы не доброе отношение профсоюзной организации, возглавляемой Людмилой Ивановной Маргулис, а затем Натальей Геннадьевной Макаровой мне было бы очень тяжело.

Удалось создать команду единомышленников, которая удержала во время развала страны на плаву завод. Достроили производство Малотоннажных лаков, построили новый цех по производству слоистых пластиков, построили 6 новых домов для работников предприятия.

С помощью коллектива пережили лихие девяностые годы, когда вместо денег заработную плату выплачивали товарами. Выкупили завод у государства в 1991 году, а позже и земельный участок, на котором расположено предприятие. Ближайшие мои коллеги: Попов Борис Дмитриевич, Козлов Борис Николаевич, Кимарский Борис Викторович, Маргулис Людмила Ивановна - это тоже дети войны, пережившие ее и много работавшие на восстановление страны после войны.

В 2000 году Указом Президента меня наградили орденом Почета, а коллектив из пяти человек (заводских работников трое - Лебедев В.И., Попов Б.Д., Биржина А.П.) получил Премию Правительства РФ за освоение и выпуск малотоннажных лаков на новом комплексе малотоннажных лаков.

Мы тратили прибыль не на личное обогащение, а на развитие производства. Я поддерживаю отношения со всеми моими сверстниками, каких подарила мне судьба, и хочу сказать, что все они прожили и проживают достойную жизнь, и я уверен, что свою честь мы никогда не роняли и не уроним

Лебедева Лариса Ивановна

Про себя

Поэма

Так было давно это, когда шла война.
Несчастной была вся наша страна.
В сорок четвертом умерла у нас мать,
Маленькими были, некому обнять.
В школу не ходили - нечего носить,
Голые, голодные, как нам было жить?
Но соседи добрые жили в тот тяжелый час.
В трудную минуту поддерживали нас.
Семеро детей нас, сиротами жили,
Никогда не ссорились, крепко мы дружили.
Все мы вышли в люди, добрыми росли,
Но за это счастье себе не обрели.
Всегда было весело в доме у нас.
И частенько думаю об этом я сейчас.
Какие тогда были верные друзья.
Всех нас обласкали горе и беда,
Все у нас люди были добрыми тогда.
Брат Николай у нас был, все стихи писал,
По вечерам всем детям сказки сочинял.
Дети шли гурьбой к нам, мы их не просили,
И в кармане все нам кушать приносили.
Кто картошку, кто свеклу, а кто корку хлеба.
«Как же выживали мы?» - никто не спросит нас.
Какими были трудными послевоенные годы,
На жизнь нам обижаться не было и моды.
И однажды в детстве, отец спросил:
- Доченька, родная, сколько у тебя сил?
Я ему ответила: - Папочка, ты мой,
Лучше ты не спрашивай, родной.
Вот тогда же слезы хлынули все враз,
Три дня я не пела, не смыкала глаз.
Было мне обидно, но не за себя.
Жизнь нашу нелегкую вспоминала я.
Из дому ушла ровно в десять лет,
А сейчас объездила почти весь белый свет.
Люди у нас добрые везде живут,
Расскажешь - и помогут, иногда поймут.

Были и такие, кто посмел обидеть.
Это просто нужно все самим увидеть.
Хотя и сами они несчастливо жили,
Но всю жизнь свою подлюками были.
В сорок девять первый раз пишу стихи,
А ты, дочь моя любимая, мне немножко помоги.
Двадцать два года в Белоруссии жила,
И до девятнадцати в няньках была.
У чужих людей жила, многому училась.
И что заставляли - делать не ленилась.
А в колхозе жили все тогда бедно,
За бесплатно работать было обидно.
Женщины косили, серпами хлеба жали,
Что росло на полях, вручную убирали.
Почему колхозный пропал у всех стаж:
И так сказать можно - это саботаж!
И тогда с заводов людей не присылали,
А своими силами вручную убирали.
И тогда в колхозах очень дружно жили,
И скажу вам честно - петь очень любили.
На работу шли, песни запевали,
И с работы тоже рты не закрывали.
И хотя все очень плохо жили,
Но какие дети послушными были.
Чтоб мать не сказала, чтобы не велела,
Все по дому править - было наше дело,
Никто не спорил со своей мамой,
И, пожалуй, не было детей упрямых.
Вечерами песни распевали,
Как же мы тогда весело гуляли!
А в престольный праздник все тогда гуляли,
Но хлеба убрать вовремя успевали.
Ночью мне приснился очень добрый сон.
Дом родной явился в облике своем.
Домик не большой был - ветхая хатинка,
Но росло там десять добрых детинок.
Было очень трудно тогда нам,
Но вставали рано все мы по утрам.
Кто сажал картошку, кто варил обед,
Много мы видели в то время бед.
Сестра моя Таня совсем в школу не ходила,
Но зато она работать любила.

Можно сказать, была она мамой нам.
Всегда будила всех по утрам.
Была всего лишь на два года старше,
Но взрослою стала намного меня раньше.
Если мне нужно спросить какого-то совета,
То лучше подскажет мне сестричка эта.
Всех нас разбросала судьба по свету,
И плохих родных у нас совершенно нету.
С Белоруссии уехала в двадцать два рода.
В Казахстане жила немного больше года.
В командировку тогда молодежь посылали,
Чтобы на элеваторах хлеба сохраняли.
Много молодежи в Казахстане было,
На элеваторах работать любили.
Работали в три смены, весело и дружно,
Такой урожай большой сохранить весь нужно.
Двадцать два года стукнуло, замуж вышла я.
Не любила я его, своего супруга,
И жизнь у нас с ним была, как злая вьюга.
И всю жизнь свою он пил водочку проклятую.
Из-за этого вся жизнь была, как бумажка мятая.
На первом году жизни родился сын у нас,
Двадцать седьмой год ему, на Байконуре он сейчас.
Дочь у нас родилась, почти ей восемнадцать лет,
Но жаль, что профессии у неё никакой нет.
Восемь классов проучилась, и все время дома.
А массовая школа в пяти шагах от дома.
Может, и ходила б в школу моя дочь,
Но директор школы не хотела нам помочь.
Работала она честно, хвастаться не буду:
На заводе в столовой мыла посуду.
Не пьет, не курит, плохим не увлекается,
А придет домой – вязаньем занимается.

Левина Вера Максимовна

Моя мама, Богомоллова Татьяна Степановна, участница трудового фронта, ветеран труда. Родилась 16 февраля 1918 года в Тамбовской области. Жили тяжело, семья была большая, пятеро детей. Отец умер рано, мама в пятнадцать лет уже работала в колхозе на тракторе, помогала сажать картошку. В один весенний день мама, работая на тракторе, услышала:

- Танька, тебя выдали замуж!- кричали подружки. Мама парня не знала,

не встречалась с ним. Не было ни любви, ни взаимопонимания, но родилась я в 1940 году. Брак распался.

В 1934 году семья переехала в Краснозаводск, братья ушли в армию, а затем и на фронт. Жили они в бараке. Барак был длинный, в нём было очень много семей. Перегородки были картонные. Тяжело жили: холод, голод, но выжили. В 1936 году

маму принесли на работу работницей на завод №4, позднее в этот цех пришла её сестра, Семёнова Анна Степановна. Мама отработала 40 лет на заводе, эти годы были неимоверно тяжелые: война, нелёгкие послевоенные годы, разруха, есть было нечего. Во время войны мама сутками не приходила домой, так как работала на заводе. Я оставалась с бабушкой. Я вспоминаю, какими, особенно тяжёлыми, были зимние вечера. Света нет, горит где-то свечка в каком-то углу, крысы бегают из угла в угол, то в одном углу что-то грызут, то в другом. А мне-то всего 5-6 лет. Было очень страшно.

За свой самоотверженный труд во время войны и послевоенные годы мама награждена указом Президиума Верховного Совета СССР в 1945 году - медалью «За оборону Москвы», в 1950 году – медалью «За трудовую доблесть», в 1952 году - орденом Трудового Красного Знамени». Были отправлены документы на получение Ордена Ленина, но по каким-то причинам этого не произошло.

Сейчас я вспоминаю свои годы войны, до сих пор слышу мамин крик, плач... Она потеряла продуктовые карточки. Она так сильно плакала: «Мы все умрём, нам нечего будет есть». Но выжили, помогли все: подружки, соседи, рабочие цеха...

Голодное было время, сильно голодали. Собирали крапиву, лебеду, сныть, прошлогодний картофель, из которого пекли лепёшки. Помню такой случай. На горе росла картошка, даже ещё не цвела, а нас голодных детей было 5-6 человек. Мы весь чужой участок перерыли, искали картошку. За это нам всем попало...

В 1946 году мама выходит замуж за фронтовика. Папа воспитывался в детском доме в городе Пушкино. 15 июня был призван на действительную службу. В боях под Москвой был тяжело ранен, долго лечился и по ранению был демобилизован в запас. От этого брака было трое детей. Из барака нас переселили в деревянный дом с канализацией и холодной водой.

На кухне семь семей (около 30 человек). Мама вставала очень рано. Готовила на большую семью (на 11 человек) Сестра с семьёй жила рядом, питались вместе. Папа всё время болел, у него не было двух рёбер. Мама несла всю ношу одна: четверо детей, бабушка пенсию не получала, папа почти не работал. Денег нет. Помощи нет. Мамочке было очень тяжело, но она была доброй. Всех любила.

Лешкова Нина Борисовна

О маме

Моя мама, Курова Евгения Васильевна, родилась 7 января 1896 года, в селе Бутурлиновке Воронежского уезда, старшей в семье, где было 14 человек детей.

Её отец, Панарьин Василий Романович, жил с братом, Иваном Романовичем, у которого тоже было 14 детей.

Семья была очень работающая. 14 детей надо было накормить, одеть, обуть, дать образование. Держали лошадей, коров, овец, птицу и считались зажиточными крестьянами.

Курова Евгения Васильевна, после учёбы в гимназии, преподавала в церковно-приходской школе. Затем, после окончания сельскохозяйственного института, была доцентом на кафедре кормления в Ветеринарном институте в Воронеже. Куров Борис Иванович, мой отец, был главным зоотехником на Глебовской Птицефабрике. В 1942 году его призвали на фронт.

Когда немцы подходили к Воронежу, мы с мамой отправились в Борисоглебск, а затем сели в товарный поезд и поехали в Куйбышевскую область, Меликесского района, село Рязаново к месту эвакуации Воронежского ветеринарного института. Брат Игорь приехал к нам, а в 1942 году он был призван на фронт.

Весной, вдвоём с мамой, мы разработали целину и посадили тыкву, морковь и другие овощи, но урожай нам собрать не удалось, так как папа вызвал нас к себе. Его демобилизовали и отправили в Загорск для организации лаборатории и производства препаратов для фронта. Штаб Дивизии решил, что в таком качестве профессор Борис Иванович Куров, принесёт больше пользы, чем служа штабным писарем.

Шёл 1943 год, не имея ничего, кроме карточек на хлеб и столовской похлёбки, наша семья голодала. Мама, помогая папе организовывать лабораторию, одновременно работала бригадиром цеха клеточной курицы-несушки. Ей платили 600 рублей в месяц, при стоимости буханки хлеба на рынке 200 рублей. В магазине по карточкам не выдавали ничего, кроме хлеба. Чтобы прокормиться, весной

мы разработали 6 огородов. Папа запрягался в борону и после вскапывания, боронил землю под картошку. Мы собирали очистки, которые выкидывали из госпиталя и сажали их.

Американцы присылали одежду, тушёнку, но всё это отдавали рабочим, а служащим, к которым относилась наша семья, ничего не доставалось.

Голод не прошёл даром для мамы, у неё открылась язва желудка и после операции от него осталась одна четвёртая часть. Начался полиартрит, глаукома, обнаружили порок нейтрального клапана. Ей дали инвалидность второй группы. Основная работа по уходу за огородами легла на нас с папой.

Летом мы бегали босые, и только в школе мне купили первые резиновые сапоги. С удивлением и восторгом я сообщала: «Мам, а у меня ноги сухие!». Мама сама сшила мне пальто из синего одеяла, бурки, тапки из брезента.

Когда у нас появилась корова, мама морозила в мисках молоко и отправляла на фронт. Во время войны она собирала отходы инкубации – недовылупившихся живых цыплят, утят и выхаживала их.

Мама прекрасно знала биохимию, умела проводить целый ряд анализов, проверяя корма в лаборатории на качество. На лабораторном опытном участке были посажены сорта крапивы, различных злаковых растений, и мама проводила их химический анализ, давая заключение на пригодность их использования в корме птицы. Доверие к ней было настолько высоко, что её выводы никогда не перепроверялись.

Моя мама была честной и требовательной. Как-то раз я принесла из детского сада кубик. Мама спросила: «Откуда?» И узнав, заставила отнести назад и обязательно сказать воспитательнице, что я забирала его домой. Это послужило мне наукой на всю жизнь. Моего брата Игоря, вернувшегося с фронта после ранения, мама убедила учиться в Ветеринарном техникуме в Лопасне, который он окончил с отличием, а затем поступил в институт мясомолочной промышленности в Москве. Ещё мама учила быть нас благодарными и экономными.

Тяготы войны сплавивали людей. Нужда их объединяла. Все были равны и жили одинаково. Сочувствовали друг другу и приходили на помощь в любую минуту.

Лобачева Зинаида Александровна

О маме

Наша мама имела шестерых детей, которые выросли и нашли скромный, но правильный жизненный и честный путь.

Мама, Надежда Александровна, в девичестве Устругова и Федорова

после замужества, в молодости хотела быть учителем. Занималась с безграмотными людьми. В её семье было трое детей, которые в детстве остались без отца.

В 19 лет она вышла замуж.

До войны, имея четырёх детей, работала на заводе ЗОМЗ в качестве контролёра оптического цеха.

Началась война.

Муж ушёл на фронт. Слышались канонады оружейных залпов со стороны г. Дмитрова, где шли бои. Было очень тревожно. Взрослые жители ждали, что вот-вот

немцы придут и к нам, ведь жили мы в 70-ти километрах от Москвы в г. Загорске.

С каждым днём напряжённость возрастала. Завод ЗОМЗ собирался в эвакуацию. Уже были собраны вещи для отъезда в г. Томск, но вдруг бабушка объявила, что не советует уезжать из родных мест, так как эшелоны в дороге бомбят, люди погибают и она никуда не поедет.

Мама слёзно уговаривала бабушку ехать, так как ей с четырьмя детьми там не справиться, но бабушка была неуклонна. Пришлось остаться в г. Загорске. Началась голодная жизнь и бомбежка. Бомба упала напротив нашего дома, обрешетив крышу осколками.

Маме, чтоб прокормить семью, приходилось уезжать в сельские районы менять пожитки на продукты питания. Она, в тяжёлых условиях, иногда на крыше поезда, в товарниках, уезжала от детей.

Основной едой был кисель, приготовленный из овса. На огороде очистками сажали картошку. Зима была очень холодной. Ели мороженую свёклу.

И так мама прожила с детьми четыре тяжёлых года войны. После войны отец вернулся после 2-х ранений. Родились ещё 2-е детей. Прожила мама до 93-х лет.

Спасибо родная за то, что растила,
За то, что взамен ничего не просила,
И горе и радость дала пополам,
Во всём лучшей доли желала ты нам.

Лукашина Любовь Викторовна

Моя прабабушка, Анна Терентьевна Степанова, мать четверых детей - Маруси, Шуры, Нины и Коли, родом со Смоленщины.

Первой на Подмосковную землю переехала её старшая дочь - Мария, выйдя замуж. Следом за ней, ещё до войны, в Загорск (ныне - Сергиев Посад) перебрались сёстры - Нина и Александра - и брат Николай.

В войну Анна Терентьевна оказалась в оккупации в родной деревне Гаврилово Тумановского района Смоленской области.

После снятия оккупации, дочери перевезли её в Загорск. Здесь она и скончалась в 1953 году, так и не дождавшись домой своего младшего - Николая, пропавшего без вести. До последней минуты

жизни она продолжала ждать сына. Кажется, будто песня на стихи Андрея Дементьева «Баллада о матери» была написана о ней:

Постарела мать за много лет,
А вестей от сына нет и нет.
Но она всё продолжает ждать,
Потому что верит, потому что мать.
И на что надеется она?
Много лет, как кончилась война.
Много лет, как все пришли назад,
Кроме мёртвых, что в земле лежат.
Сколько их в то дальнее село,
Мальчиков безусых, не пришло.

Одному Богу известно, что чувствовала Анна Терентьевна, как винила себя и каялась в том, что в голодные 30-е «приписала» младшим детям по два года, чтобы их пораньше взяли работать в колхоз. Последние два года войны, те самые два года, Коля прошагал в солдатских сапогах. Сохранилась фотография 1943 года, подписанная бабушкиной рукой - Нина тогда навещала брата в госпитале. А в феврале 1945-го он пропал без вести. На памятнике воинам Великой Отечественной войны, уходившим на фронт с завода №6, есть дорогое для нашей семьи имя: сержант Степанов Николай Иванович.

В последние годы жизни Анне Терентьевне «отказали ноги», она всё смотрела в окно и после каждого стука или звонка в дверь говорила: «Коля пришёл»...

Утешение Анна Терентьевна находила в дочерях и единственной внучке – моей маме. Когда Анна Терентьевна умерла, маме было три года.

Моя бабушка, Нина Ивановна Смирнова (Степанова), третья дочь Анны Терентьевны, с началом войны была вынуждена прервать обучение в художественном училище по специальности декоративно-прикладное искусство. Прежде она училась расписывать шкатулки – теперь пришлось научиться делать снаряды. Бабушкины сёстры, Мария и Александра, в годы войны тоже жили в Загорске, трудились в тылу. Работала бабушка на заводе №6, и была награждена медалями «За доблестный труд в ВОВ» и «За оборону Москвы».

КОЛЕЧКО

Расписную шкатулку с волнением открою.
Кружевная салфеточка в ней, по старинке –
Белый лён укрывает кольцо золотое,
Разделенное – странно – на две половинки...

По Смоленщине немцы хозяйски шагали.
Не скрипели – стонали в домах половицы,
Прогибаясь под грязными их сапогами,
Только Анна ворчала: «Рогатые, фрицы!»

Ведь от них приходилось ей прятать колечко,
Да сниматься оно все никак не хотело,
Ведь когда-то связало их с мужем навечно...
Лишь напильник сумел довершить это дело.

«Ты прости уж, Иван», - всё она повторяла,
Как живому, хотя уж давно овдовела, -
«Там, под яблоней, что ты сажал, закопала», -
И сквозь слёзы на бледное фото глядела.

Сын – на фронте. А дочери – все в Подмосковье.
И не знают, как мать. И не знают, жива ли.
Но колечко земля приютила с любовью,
И цветения томные яблони ждали...

Дождались.
Был салют, были слёзы и встречи,
И у Анны свидание с дочками было.
Только сын не вернулся. И это колечко
Разделила война. Навсегда разделила.

* * *

Где-то далеко грохочет битва.
Мать перед иконой слёзы льёт.
Верит, материнская молитва
Даже со дна моря достает.

Молится Георгию Святому
О сыночке, что покинул дом...
- Враг уже ползёт к селу родному,
Сын! Пронзи поганого копьём!

Ты вернёшься, я увижу внуков –
За тебя Марусю отдадим...
Он – Георгий, командир твой, Жуков,
Значит, непременно, победим!

ОЖИДАНИЕ

«Нешто скрипнула дверь? Не слышать.
Нина, дочка, не видно ли брата?» —
Это Анна Терентьевна, мать,
Из Берлина ждёт сына-солдата.

Вот уж стайка берёз подросла
На растерзанном бомбами поле.
Годы шли, ну а мать — все ждала
С той войны сына младшего — Колю.

И до смертного дня каждый стук
Поднимал, даже хворую, сразу.
Я не знала её. Только вдруг
Будто слышу прабабки рассказы.

«Нина, помнишь ли, как до войны
По два года я вам приписала? —
Ведь работать вы были должны.
Так от голода вас я спасала.

Про войну знать тогда не могла.
Стал наш Коля до срока солдатом.
Подвела я его, подвела...
А призвали б его в сорок пятом!

Он в последнем письме написал:
«Приближаемся к логову зверя!», —
Только без вести вскоре пропал.
Но он жив, он вернется, я верю!»

И — молчание. Что тут сказать?
Нет для русских иного закона:
Если движется чёрная рать,
Стар и млад встанут в строй под знамена.

И, не взяв ничего для себя,
Верят в то, что для всех счастье будет...
Ради наших погибших ребят
Я прошу: будьте счастливы, люди!

Лукина Екатерина Алексеевна

Повесть о маме

Мама, мамочка родная! Кто может быть ближе, дороже. Чей светлый образ всегда перед глазами, в памяти до последней минуты жизни. Моя мама, Барескова (урожденная Мальшева) Анастасия Ивановна родилась в далеком 1909 году, в деревне Акулово Константиновского уезда, что в 20 километрах от теперешнего Сергиева Посада. Её

детство и молодость проходили в сельском единоличном хозяйстве. Жили тем, что посеяли и вырастили. Отец её жил отдельно от семьи, в Талдоме работал в хлебопекарне, а всем хозяйством управляла мамина мать, Татьяна, которая никак не хотела жить в городе. Все дети с ранних лет были приучены к труду, имели свои обязанности по дому. Мама в 9 лет уже умела пахать, идя за плугом, впряженным в лошадь. И однажды не справилась с плугом, он застрял глубоко в борозде. Вытаскивая его, непосильного ей, она надорвалась, и вся её шея покрылась чирьями. Она одна, без сопровождения взрослых, самостоятельно пошла к врачу в село Константиново. Это, конечно, не очень далеко от их деревни, но девочке не было и 10 лет. И когда врач выяснил: «Где ты так надорвалась?», - не поверил, рассмеялся и обозвал выдумщицей. Мама была маленького роста до 16 лет, её звали «конопушка». Сейчас сказали бы: трудное детство было у

неё, но так тогда жили все. Мама в семье была вторым ребенком. Первым был брат Иван, старше её на 4 года. Он был постарше, имел обязанности посерьёзнее. А ребятня, как мама, выполняли работы разного характера. Гоняли лошадей в ночное, в поле. И мальчишки и девчонки без шалашей в поле ночевали, на травке. А днём хлопоты по дому: принести дров для печи, натаскать воды, доить корову. Днём чтобы подоить коров надо было далеко ходить. Брали с собой яблоки в ведрах и почти все их съедали. А на обратном пути, чтобы полегче было нести надоенное молочко, отливали из ведёрка. Так далеко было пастбище. А дома ещё двое младших. Сестрёнка Аня, братик Алёша. И всегда старший брат Иван напоминал ребятишкам: «Берегите мамку, старайтесь, ей помогайте». И мама помнила строгий голос брата, который как будто больше их любил и жалел маму. И никто не мог его послушаться не из-за страха, а просто понимали заботы и тяжести жизни. Погибли оба братика в первый год войны. У старшего осталось пять голубоглазых пацанов. А младший не успел познать женской любви. В 17 лет ушёл «фрица бить». Несколько писем, а потом тяжёлая весточка: без вести пропавший.

Все сезонные работы в единоличном сельском хозяйстве были очень тяжелыми. Весенний день – год кормит. Одна работа сменялась другой. Вспахали – надо успеть посеять. Сеяли зерновые: рожь, пшеницу, овес и для себя, и как корм домашним животным. Лен сеяли на масло и как тканый материал для одежды и домашнего обихода. Сажали картошку, капусту, брюкву, буму. На морковь, свеклу, лук и огурцы тоже надо найти время. Погода подстегивает и, хоть длинны весенние дни, но горячи. Надо все успеть: посеять, посадить. А каждодневная работа - уход за домашней живностью. Натаскать из колодца воды, чтобы всех напоить и сварить еды. Чугуны в печь сажали огромные. Коровы, теленок, поросенок. Всех надо накормить, когда зерном, а когда и варево какое-нибудь. Посеяли, посадили. Пришло время навозницы. Это накопившийся за зиму навоз надо вывести на поля, под озимые. Ох, и тяжела была эта работа! На этот период и на покос оставляли (берегли) съестные запасы мяса, сала. А время поджидает, уже и покос близится. Тоже работа не из легких. Подъем ни свет, ни заря: пока трава в росе, цепочкой друг за другом идут косари. И не отставай от впереди идущего, и не дай себе воли выпрямить спину или смахнуть пот с лица. Сзади идущий махнет косой по пяткам. И так в один мах, пока солнце не начнет нещадно припекать, косить прекращают. Но ведь надо эти валы травы разбить, потом проворошить не один раз, собрать в копны, перевезти, поставить в стога или в специальные сараи, перебросать, у кого были эти сеновалы. Заготовка сена тоже зависит от погоды, и на это уходит не одна неделя. И везде мама работала наряду с мужчинами, любила горячую работу и любила видеть плоды своего труда. Жатва – обмолот зерна цепями – это уже ближе к зиме, осенне-зимние работы, трепали лен, ткали полотна, шили одежду, вышивали. Это зимними вечерами, на поси-

делках не только семечки лузгали. Это занятие для ребят, которые присматривали себе невест. А девушки и тут время зря не проводили. Сколькими видами мастерства надо было овладеть, чтобы выжить и не рухнуть под тяжестью непосильных работ. А мужички высматривали ловких, проворных, со смекалкой подходивших к любой работе. Мама очень ловкая была. В детстве, когда мне было около 14 лет, я ходила с родителями на спил леса, на заготовку дров. Как размерены были её движения, как всё рассчитано. Спилить, обрубить сучья, распилить на удобно грузимые, а дома распилить ещё короче, а уже потом колоть топором и укласть в поленницу. Лес. Как мама любила лес. С малого детства и до старости не боялась ходить одна. Везде лес ей был родным. В детстве - только бы отпустили – уйдёт далеко от дома за орехами. Наберёт столько, что тяжело нести, - отсыпает. За грибами ходила как на базар – вернётся быстро с отборными грибочками, и так же с ягодами – малина и черника. Соседи говорили – у неё свои места. У неё просто чутьё другое. Приехала к внучке на дачу в первый раз – ушла в лес и через час вернулась с лукошком беленьких грибов!

Революция. Коллективизация.

Мама вспоминала, как местные нерадивые хозяйственники радовались беспорядку. Воспользовавшись ситуацией, нацепив кобуру и размахивая наганями, кричали «Конец царю-кровопийце», брали власть в свои руки, а потом, в страшные годы коллективизации сами стали настоящими кровопийцами. Непривыкшие работать, незнающие забот о завтрашнем дне, без разбору людей – трудяг объявляли кулаками, вершили судьбы трудовых людей. Как в хозяйстве без лошади, коровы? Трудились от темна до темна, недосыпая. Чуть позажиточнее – кулак. И выселяли, упиваясь властью. И люди гибли не за что, не зная соевей вины. И мама однажды, случайно, уже после войны, встретилась с выселенными односельчанами-«кулаками». И те рассказали о своих мытарствах. А ведь это была крепкая трудолюбивая семья, от которой осталось двое из двенадцати. Праздники, престольные отмечались строго. Оставляя все работы, даже в горячую пору, шли друг к другу в гости, дабы не потерять родства. Мы не пойдём, так и к нам не придут. Так и оборвется родная ниточка. Это недопустимо.

В колхозе жизнь пошла по-другому. Все общее и все ничейное. Не работать в колхозе нельзя, а работать за пустые палочки-трудодни кому же захочется? И как же старалась мама, не хитрила, работала наравне с мужчинами, не искала легкой работы. И лес зимой валила, не имея теплой одежды. И рожала обеих дочерей на рабочем месте. Одну в поле во время жатвы в сентябре, другую на гумне, где шел обмолот зерна цепями. Помашите целый день по снопам, чтобы выколотить зерно, да не прутиком, а металлическими тяжелыми цепями. Хотелось побольше трудодней заработать, а не отлеживаться дома. А осенью, когда приходило время расплачиваться с колхозниками, оказывалось, что платить людям нечем, и не важно, сколько

у тебя этих палочек-трудодней. Всё забирала продразверстка. Город надо было чем-то кормить. Вот и оборвали колхозникам руки. Дома работать некогда, а в колхозе не за что. За шесть лет работы в колхозе маме выдали зарплату только два раза. Четвертную (2,5 л) бутылку масла в один год, а в другой - кусок красного кумача – не всё извели на флаги. И сшила мама сама – на все руки мастер – детям платица. И радовались этому безмерно, неизвестно кто больше: мама или её девочки. А потом папку посылают в Краснозаводск учиться на курсы шофёра-тракториста. Мама правдами и неправдами добилась себе паспорта и за отцом, в город. Жить негде. Сняли уголок в деревне Семеново, у многодетной семьи Макиных. Мама до конца своей жизни с большой теплотой вспоминала эту добрую семью и была очень им благодарна. Этой семье и самой-то было тесно жить, а они приютили ещё и моих родителей с двумя детьми. А позже и мамина сестра приехала к ним жить и папкин брат. Тесно – не то слово, но как мирно и дружно уживались... Мама устроилась на работу в первый цех, детей оставляла одних. Девчонки семи и четырех лет были смиреннькие, в своём уголке весь день. А душа у мамы всё равно болела, не очень-то велики девочки. Бабушка- хозяйка иногда за ними присматривала, и мама была всю жизнь благодарна за эту чуткость. Работая на заводе, мама удивлялась, что за такую лёгкую работу платят деньги. В колхоз они уже не вернулись. Хватило ума и смелости. Папка начал работать в заводском гараже. Руководство предложило своим шоферам построить для себя коммунальный дом. И когда указали место будущего дома – мама ужаснулась: болото по колено. Но дом всё же построили. Деревянный, двухэтажный, двух подъездный, на 32 семьи. И пусть дом отапливали самостоятельно своими дровами, за водой ходили с вёдрами на уличную колонку, удобства – общий туалет на весь дом, один женский, один мужской, и никаких вам сидений, всё на корточках – тоже на улице, летом и зимой. Городскую баню открыли только в 50-м году, а до этого... мылись летом в речке, зимой в корыте как придется.

Родителям предложили комнату на выбор. И выбрали, как потом над собой посмеивались: два чудака, светлую угловую комнату в два окна, одно из которых – на северную сторону. Ох, как же трудно было зимовать. Какой расход дров. А ведь их надо было купить. Лесник выделял делянку. Зимой пилили лес, вывозили и уже дома доводили до поленницы. В морозные дни, пока не затопишь печь, шляпки гвоздей в стене покрывались инеем, вода в вёдрах - корочкой льда (такой ледяной и умывались), а окна – сказочными узорами. Мороз так разукрашивал стёкла, что детская фантазия находила там и героев книг, и диковинные растения и чудесные кружева. И это порой не таяло даже когда мама протапливала печь. Быстро выстывала эта светлица с окном на север. Однажды вечером мама, как всегда, растапливала печь, а я при своём любимом занятии – ладошками вытапливала окошечко, чтобы увидеть улицу. И увидела: к нам идёт папкин друг. Я говорю маме:

«дядя Ваня несёт папкино пальто». Мама недоумённо вскинула глаза, как бы спрашивая, где он сам... Дядя Ваня принёс горькую весть. Это была зима 48-49 года. Война кончилась, но на заводе проходили плановые военные учения – ездили на стрельбище. Папка пошёл выставять мишени и не успел отойти, как товарищ Н выстрелил и попал отцу в голову. Его срочно увезли в Москву, прооперировали, спасли. Но дробинки в голове остались – опасно было их удалять. И я помню, как прощупывала их пальцами. Но мама!!! Спокойно, без слёз, без истерики выяснила всё у дяди Вани, а на утро поехала в Москву. Как стойко принимала она все удары судьбы, как умела всегда держать себя в руках и нас учила владеть собой, не паниковать, не распускать нервы. Именно это ей помогло выжить в войну одной с тремя детьми. Папку взяли на фронт в апреле 1943 года, через месяц после моего рождения. Вернулся осенью 1946. Завод эвакуирован, мама без дров, без запасов, - как выживать? Старшей чуть больше одиннадцати, средней восемь ну и месячная я. Откуда возьмётся грудное молоко, если мама голодна. Денег нет, заработать нигде. Чем жить? Только что-то обменять. А что менять-то? В комнате только пустой сундук, стол, кровать и комод, тоже, разумеется, пустой. В таком более чем скромном виде наше жильё оставалось долго, до 58-го года. Но пока страшный 43-й год. Татьяна, моя старшая сестра вспоминает: ей 9 лет, мама сидит за столом, обхватив голову руками, а плечи её дрожат. Таня подошла к маме, заглянула к ней, а мама рыдает, никак не справится с собой. Врач велел давать мне, грудному дитя рыбий жир. А где его взять? Мамина тётя дала ей шаль. А мама где-то обменяла её на драгоценный пузырёчек. Вспоминала этот случай, пример доброты человеческой. Возвращается домой, радуется, пузырёк в кармане. А рядом попутчица глядит на неё измождённую и обессиленную. И даёт ей булочку. Боже мой! Булочка! И как её съесть, если дома голодные девочки?! А женщина настаивает: не съешь – не доедешь, на кого оставишь деток? Мама щипнёт кусочек, а на следующий рука не поднимается - дочки перед глазами. А женщина не отстаёт. Но всё-таки мама довезла остаток булочки, хоть та и была совсем маленькой... И ещё пример. Мне года четыре. Друзья родителей Игнатьевы, где отец семейства дед Николай работал в хлебопекарне, иногда присылали нам булочку. А ведь у них на тот момент было четверо детей, и хлебушек у самих не засох бы, мягко говоря. Но они делились. Как же люди были добры... У родителей было много друзей. Были очень радушными, добрыми, отзывчивыми сами – и друзья такие же. Да и вообще, случаев проявления доброты и человечности в те далёкие времена было множество, хотя тогда это казалось обыденным, так и должно было быть. Теперь это, наверное, не понятно современным, молодёжи. Люди, имея закрома богатства не знают родства, не испытывают радости от встреч. Огораживаются глухими, высокими заборами, не зная соседей. А раньше – нет забора- нет раздора. Заходи любой, замков не было.

Однажды, мне шесть-семь лет, родители собрались навестить бабушку. Это не очень далеко, километров 20. Но общественного транспорта просто не было. Зима. Наш путь, км 6-7 пешком из Краснозаводска до теперешнего Реммаша. Ну а дальше как получится, если повезёт, можно было поймать какую-нибудь грузовую попутку. Когда выходили из дома, метель была не сильная, но потом начала становиться всё сердитее. Но родители непогоды не испугались. И вперёд! Но когда мы прошли последнее село Григорьево, метель разыгралась не на шутку – темно, дороги не видно, а идти лесом. Решили переночевать в деревне Шубино. Но в деревне ни родных, ни постоянных дворов нет. И тут отец вспоминает, что в этой деревне живут Горбачёвы, родители Анны Павельевой, что живет по соседству в одном доме с нами. А в доме 32 семьи и Анна не подруга маме и моложе её лет на двадцать! Ну и что? Мы живём в одном доме! Мы – родня!!! И когда мы, разыскав Горбачёвых, вошли к ним в дом, были встречены в высшей степени радушно. Кипящий самовар на стол, в самоваре сварены яйца, чугунок картошки. Где нас уложили спать, я не помню, а на утро метель стихла и мы продолжили путь.

Война позади, жизнь потихоньку стала выравниваться. По чуть-чуть обзаводились живностью: куры, гуси, поросёнок на мясо. Огороды – распахивай сколько можешь. И мама распахивала. То под бухму, то под капусту, не говоря о картошке, которая была основным продуктом питания. Больше, чем у мамы, огородов у соседей не было. Работала на заводе в три смены: первая с 7 утра до 17, вторая с 17 до полуночи, а третья с 12 ночи и до утра – самая любимая мамина смена. Сколько за день дел переделаешь! А ведь ночь работала и надо бы хоть сколько-то проспать. Нет, никогда мама не позволяла себе днём лечь отдохнуть. Белым днём отдыхать – неслыханная трата времени, а его она ценила. Всегда чем-то занята, трудилась до последних дней, прожив 96 лет и 5 месяцев. При памяти, разуме и огромном радушии. И до последних дней сохранила острый, пытливый ум. И жизнелюбие её, несмотря на нездоровье, было огромно. «Все подружки давно умерли, некому будет и провожать-то меня, а жить всё равно хочется» - говорила она. Очень общительная, мудрая, она никогда не была одинока, всех возрастов были у неё собеседники. Читать научилась будучи уже на пенсии. И как же досадовала, что прошла жизнь неучем. Но потом она наверстала упущенное и с большим удовольствием читала про жизнь замечательных людей. По телевизору сериалы не смотрела, любила передачи познавательные. В предвыборные дебаты у крыльца с женщинами не вступала. «Работать надо и жить по совести», - вот её жизненная позиция. С детства мама ходила в церковь и жила по божьим законам, оставив о себе добрую, тёплую память. И послал ей Бог долгую жизнь.

Майорова (Потапова) Алевтина Михайловна

Наше детство опалила война

Я родилась 15 ноября 1934 года в г. Ярославле. Мой отец - Потапов Михаил Иванович, мать - Ольга Александровна и мои сёстры: Валентина 1926 года рождения и Людмила 1928 года рождения жили дружной семьёй.

Страшное известие о начале войны услышали по радио, где выступал министр иностранных дел В.М.Молотов. Свою речь он закончил словами: «На Советский Союз вероломно, без объявления войны напала Германия. Мы ведём справедливую войну, враг будет разбит, победа будет за нами».

И.В. Сталин, обращаясь по радио к народу, призвал не поддаваться панике, сосредоточить свои силы на уничтожение врага, оставшимся людям в деревнях не допускать наличия необработанных полей, стараться выращивать высокие урожаи сельскохозяйственных культур, голода в стране не должно быть.

С первых дней войны отца отправили на фронт. Воевал он связистом, имел правительственные награды, был тяжело ранен, вернулся с фронта в 1944 году без ноги, инвалидом второй группы. Мама работала на лесопилке.

Наш дом находился вблизи аэродрома, который очень часто бомбили немцы. Рядом с домом мы выкопали окоп и каждый раз, когда зловещий звук сирены сообщал о вражеском налёте, мы бежали туда, меня накрывали подушками - защита в окопе была ненадёжной. Бомбы разрывались рядом. Казалось, что стены окопа могут разрушиться, и мы будем заживо похоронены. Страх был неопиcуемый, от него я начала заикаться и только после окончания войны, в результате длительного лечения, удалось победить этот недуг.

Моя старшая сестра Валентина работала на аэродроме помощницей медсестры. Там она познакомилась с лётчиком Виктором Козловым и вышла за него замуж. При каждом налёте на Ярославль он, рискуя жизнью, поднимался на истребителе навстречу фашистам и в составе эскадрильи других истребителей вёл бой. Мы очень переживали за него и радовались его возвращению. Нередко посадка была аварийной. После одного сложного ночного боя Виктора наградили именными часами.

После демобилизации в 1946 году их семья начала жить в Москве, воспитывали двоих детей: сына Сашу и дочь Ларису. Однако случилась беда: в городском туалете на Виктора напала группа грабителей. Он, имея прекрасную физическую форму, пытался сопротивляться, но силы были

неравны. Его сильно избили, отобрали деньги и именные часы. Скорая помощь доставила Виктора в больницу, но спасти его не удалось.

Во время войны сестра Люда с 13 лет начала работать токарем на машиностроительном заводе. После войны стала работать бухгалтером в ЖКО города Загорска, получила комнату в коммуналке. Мы всей семьёй переехали к ней, кровати ставить было некуда, все спали на полу. Через некоторое время мы приобрели маленький старый домик на Рыбной улице.

Отец работал извозчиком по доставке товаров в магазины, до конца жизни ходил на костылях. Протез не могли заказать, не было средств. Мать работала в прачечной. Я начала работать в торговле, затем на оптико-механическом заводе, через несколько лет стала работать на Звёздочке (ныне НИИПХ), где трудилась лаборантом до ухода на заслуженный отдых.

Я очень благодарна своим родителям, что приучили нас с детства к любому труду. В Ярославле по своей инициативе мы убрали территорию аэродрома, помогали раненым солдатам в госпитале, писали под диктовку письма их родственникам.

Весной перебрались за Волгу искать на полях мороженную картошку, она казалась очень вкусной. Было очень голодно, а дома - холодно. Электроэнергию часто отключали. Свет шёл от фитиля или керосиновой лампы, когда удавалось приобрести керосин.

На протяжении всей трудовой деятельности я относилась к работе добросовестно, ни разу не нарушила трудовой дисциплины, получала благодарности и грамоты. В НИИПХ была награждена медалью «За доблестный труд».

Медаль вручали в Кремле, от радости я была, как говорится, «на седьмом небе». Мой честный труд не остался незамеченным. В Советском Союзе людей старались вдохновлять на труд и заслуженно поощрять. Имею медаль «Ветеран труда».

Маларёва Анна Ивановна

В 1939 году в Орловской области, где я родилась в 1934 году, была сильная засуха, и нашей семье пришлось переехать в г.Краснозаводск к брату моего отца. Наша семья состояла: отец, мать и шестеро детей. Отец работал на 11-том заводе, а жить определились в барак на летнем поселке.

В 1941 году ушел на фронт в танковую часть брат, Андреев Василий Иванович, 1922 года рождения. С войны вернулся живым.

В 1942 году взяли на фронт отца, до этого у него была бронь. В этом же году получили от него одно

единственное письмо, в котором он сообщал, что идут в наступление в Карельской народной республике. Больше писем не было. И только в 1944 году получили извещение, что отец умер от тяжелых ран в госпитале.

Мать, Андреева Евдокия Александровна, 1898 года рождения, носила звание мать-героиня. Была больна. При ней остались два моих брата и три сестры (от 2 до 10 лет). Жили бедно и голодно. Летом занимались сбором грибов и сдавали на заготовку, получали деньги, чтобы что-то купить. Рвали крапиву, лебеду, подорожник, из них нам варили суп. Вместе с матерью ходили по деревням, выкапывали мелкую, мороженую картошку из гуртов. Мама выменивала последние вещи на хлеб и продукты. Отопление в бараке было печное. Чтоб было чем топить, ходили в лес, корчевали пеньки, собирали сучья.

В поселке «Возрождение» выдавали по буханке хлеба на каждого, чтобы её получить стояли часами в очереди.

В начале войны над нами пролетел вражеский самолет и сбросил бомбы. Мы думали, что это листовки, а с самолета открыли стрельбу. Мы спрятались в лесу, за хлебозаводом.

По окончании войны братья и сестры разъехались кто куда.

Тяжелая жизнь подорвала здоровье матери, она умерла в 1960 году в возрасте 62 лет.

Малофеева Галина Николаевна

Когда началась война, мне было двенадцать лет, я перешла в пятый класс. Мы жили под Дмитровом в совхозе «Буденовец». Мама работала дояркой, а отчим-скотником. У нас было свое подсобное хозяйство: корова, поросенок, гуси, куры, огород. Жилье – совхозное.

На второй день войны отчима призвали на фронт, а следом за ним и старшего брата. Мы с мамой оста-

лись вдвоем, мама часто болела.

Когда немцы подошли к Москве, мы слышали гром канонады, а вечером и ночью полыхало зарево от бомбежек и пожаров. Было очень страшно, а особенно, когда узнали, что немцы дошли до канала Яхромы и Дмитрова.

Для организации контрнаступления под Москвой нашим командованием были подтянуты из Сибири солдаты-сибиряки. Их размещали по жилым домам, и в нашем доме несколько дней жили солдаты. Прощаясь с

мамой, командир просил, чтобы мы молились за них, так как понимал, что сражение будет грозное. О том сражении у меня осталось воспоминание, как горел черным дымом в небе самолет, сбитый немцами.

Весной 1942 года мы переехали в деревню Велюшки Васильевского сельсовета, там у нас был дом, и мама стала работать дояркой в колхозе имени Ленина (затем переименованный в совхоз «Смычка»). На посевной мы работали за взрослых, за зерном ходили на зерносклад в Хотьково. Для этого нас снимали с уроков, и мы шли восемнадцать километров туда и обратно, неся мешочки по пять, а то и по восемь килограммов на плечах.

Из мужчин в деревне осталось два старика, которые научили нас косить, делать скирды, жать, молотить цепями, запрягать лошадь, ходить за плугом.

Жили трудно. Из лебеды, головок клевера и гнилой картошки пекли лепешки. Они были зеленые и неприятные, но мы их ели. Весной выкапывали картошку, которая осталась с осени в бороздах. У нас ее называли «пупятки». Кормилицей в семье была корова. Мы продавали молоко на рынках Москвы и Загорска (ныне Сергиев-Посад). На вырученные деньги покупали обувь, одежду, соль и мыло. И все-таки в минуты отдыха на работе женщины садились в кружок и пели песни.

В школе у нас была неутомная учительница Мария Васильевна Волчук. Она организовала у нас художественную самодеятельность. Мы выступали в Загорске, Москве и даже получили премию: по отрезку ситца на платье.

Конец войны запомнился на всю жизнь. В этот день мы из леса таскали колышки для колхозного огорода. Приехал нарочный из сельсовета. Собрали всех жителей деревни и объявили, что война окончилась. Радость была неопишуемая. За это время мы уже стали взрослыми детьми. Нам было пятнадцать-шестнадцать лет.

Когда вспомнишь это время - щемит сердце.

Мельников Сергей Владимирович

Родился 10 ноября 1943 год на хуторе близ села Милевичи, Ленинского района Минской области БССР. Эта территория контролировалась партизанским отрядом, где воевали мои отец и мать.

Мою мать, а затем и меня приютила семья Линкевичей- Павлина и Герасим. У них была маленькая дочь Ольга, что и позволило мне выжить, так как мать сильно болела и у нее не было молока, а выкормила меня Павлина, которую я и навещаю каждый год до сих пор.

Моя мать - Мельникова Лидия Федоровна 1923 года рождения, после окончания техникума в 1941 году поступила в Горьковскую школу радистов. В мае 1942 года окончила ее и была сброшена с парашютом в партизанский отряд Линькова (Батя). Ходила на задания по подрыву

поездов, принимала участие в уничтожении 7 немецких эшелонов.

Из немногих эпизодов войны, рассказанных матерью (известно, что настоящие фронтовики неохотно рассказывают о войне), это взрыв эшелона с живой силой противника, когда было уничтожено семьсот тридцать вражеских солдат(по количеству крестов на могилах). За этот и другие подвиги Лидия Федоровна награждена боевыми наградами – Красной звезды и Отечественной войны.

В отряде моя мама познакомилась с отцом – Семенняковым Василием Федоровичем. Он родился в 1923 году в Ставропольском крае в казачьей семье. Окончил Ставропольский педагогический институт, затем разведкурсы. Прекрасно владел немецким языком, постоянно ходил в разведку в расположение немецких войск, имел свою агентуру. В августе 1943 года был предан одним из агентов и был убит по дороге в расположение отряда.

За время нахождения в отряде участвовал в 17 взрывах эшелонов противника. Награжден орденом Ленина, орденами Отечественной войны и Красного знамени.

В 2011 году я посетил место стоянки партизанского отряда, где воевали мои родители. Власти выделяют средства на поддержание порядка в этих местах, где есть небольшой мемориал, аэродром, на котором принимали самолеты с Большой земли и отправляли раненых. С этого аэродрома вывели и меня с мамой – сначала в Киев, а затем в Москву.

Детство мое прошло в деревне Ахтырка, а затем мы жили в Хотьково. Окончил 7 классов, Краснозаводский техникум, служил с 1962 года по 1965 год в армии. После армии поступил в МВТУ им. Баумана, по окончании которого работал в должности инженера, ведущего инженера, начальника отдела ЦНИИСМ до 1993 года. В 1984 году защитил кандидатскую диссертацию.

С 1993года работал в частном бизнесе. Являюсь совладельцем ЗАО «Теплоогнезащита». Работал в должности Генерального директора ЗАО «Дмитровская Теплоизоляция» в 2005-2008годах.

Имею трех сыновей и шесть внуков.

Митрофанова Лилия Садреевна

У войны не женское лицо

*«Прославим женщину-мать,
чьей грудью вскормлен весь мир»
М. Горький*

Поскольку в этой книге разговор пойдет о героизме, мне хотелось бы дать определение и моё понимание об этом слове. Героизм понятие многоёмкое и многогранное и определяется тем, где, когда и как он проявля-

ется, какова его суть и масштабы. Героизм – это поступок, который кто-то совершил, руководствуясь своей культурой, моралью и нравственностью, причем совершаться он может как в мирное время, так и во время войны. Тогда более конкретно виден человек, его суть, во имя чего он так или иначе поступил.

Война – это страшное слово. Видимо, пока существует человечество, будут вестись войны, будут новые герои, будут новые примеры для следующих поколений. И конечно всегда можно говорить, что среди героев всегда будут женщины. Недаром в начале войны был плакат с изображением женщины с надписью: «Родина-мать зовёт!»

Тысячи женщин встали в один строй с мужчинами – это снайперы, разведчицы, врачи, медсестры, санитары, летчицы и т.д. В тылу женщины почти полностью заменили мужчин. Надо было кормить армию, одевать, обувать, производить боеприпасы и боевую технику. В колхозах выращивали продовольствие и для тыла и для армии. На долю женщин того тяжелого времени легло много трудностей и одной из них была нехватка пищи. Вспомним хотя бы блокадный Ленинград. Существовали продовольственные карточки, потеря которых приравнивалась к смерти.

В связи с этим хотелось рассказать о своей маме, Сулеймановой Зегре. В декабре 1941г. нас из г. Краснозаводска эвакуировали вместе с заводом в г. Чебоксары. Добирались долго в вагонах-теплушках (без отопления, воды, туалета). Много грудных детей умерло, так как у матерей пропало молоко. Каково было матерям, когда детей хоронили в лесу. Когда добрались до места, жили в бараке, старшие дети смотрели за младшими братьями и сестрами. Мне было 6 лет, помню, что всегда хотелось кушать.

В один из зимних дней мама шла на работу и нашла у обочины дороги сверток, в нем оказались продовольственные карточки (одна взрослая и 4 детских). Первой мыслью мамы было: «Четверо детей, которым грозит без карточек голодная смерть». Мама начала искать владелицу карточек, но безуспешно. Но в какой-то момент она обратила внимание на то, что в свертке было несколько деревянных опилок, значит это работник лесопилки. И мама пошла туда, нашла женщину-чувашку, у которой муж был на фронте, а на руках четыре малыша. Когда мама встретилась с этой женщиной, та встала перед мамой на колени и кричала: «Ты наша спасительница, возьми себе любую карточку». Но разве мама могла отнять у детей последний кусок? Каждый раз, вспоминая этот случай, мама плакала и мы вместе с ней. Вот такая была у меня мама, я горжусь ею и думаю, что её поступок героический.

Все годы войны мама и две сестры работали на оборонном заводе, порой даже ночевали на работе. Трудно было во всем, но выжили, выдержали и

всё благодаря нашей маме. Она всегда вселяла в нас надежду и веру, что всё будет хорошо.

Хочется сказать несколько слов о моей первой учительнице, Куликовой Прасковье Лукиничне. В первый класс я пошла в 1943 году. В школе не было отопления, мы сидели одетые, у нас не было ни учебников, ни тетрадей, ни карандашей. Нам давали по маленькому кусочку хлеба с песком. Пока мы его ели она стояла у окна, не подгоняла нас, не торопила и, конечно, она тоже была голодная. Она учила нас добру, милосердию, скрашивала нашу нелегкую детскую жизнь. Я думаю, что такая любовь к профессии учителя, желание отдать свои знания ученикам, - тоже героизм.

Помню первые годы после войны, я пошла учиться в Краснозаводский техникум. Это были одни из лучших лет в моей жизни. С благодарностью вспоминаю всех женщин - преподавателей. Они учили нас не только специальности, но прививали такие качества, как любовь к профессии, своей стране, к труду, чести и достоинству. Примеров можно приводить много. Годы войны - это огромное испытание для всех и в первую очередь для женщин. Женщины - это богатство страны, это смысл жизни на Земле. Пока на планете будет хоть одна женщина - будет жизнь, будут новые поколения, будут новые герои и подвиги. А женщины будут всегда!!!

*Бывший преподаватель химико-технологического колледжа
и Московского экономического университета им. Витте*

Никишин Алексей Иванович

Полковник в отставке, ветеран подразделений особого риска

С любовью

На жизни моей мамы очень сильно отразились вполюхи молодых лет и Великой Отечественной войны.

Она родилась в 1913 году в слободе вблизи г. Карачева Орловской области.

По реформе Столыпина дедушка Федор, отец моей мамы, со своим братом и семьями переехали из слободы на новые земли в сторону Орла и основали там поселок Долгий. Поселок был основан в десяти километрах от Карачева.

У дедушки было шестеро детей и от мала до велика все работали, а дети ещё и учились в школе.

Он считался одним из богачеев. Наступила коллективизация. Пошли слухи, что самых богатых будут выселять на Соловки. Дедушку же отправили в г. Брянск, на фосфоритный завод. Перед отправкой он выдал дочь Олю, мою будущую маму, за бедняка из соседней деревни, живущего без

родителей с братом и сестрой. Мама любила парня из своего поселка, но судьба распорядилась по-другому.

В Брянске дедушка должен как следует поработать и перевоспитаться. Через год «принудиловки» в опасных для здоровья условиях, дедушка вернулся домой больным. Через несколько месяцев он, вслед за ним бабушка и старший сын Василий, работавший бухгалтером в колхозе, умирают. В естественных смертях матери и брата 1909 года рождения (только что женившегося) моя мама сомневалась всю жизнь. Бухгалтером колхоза становится следующий сын Петр 1917 года рождения. С ним в доме после смерти родителей проживали сестра Маруся и брат Ваня.

В 1937 году дядю Петра отправляют в тюрьму на 10 лет. Жена дяди Петра с двумя детками вернулась в деревню к своим родителям. В 1941 году весной в поле на сельхозработах при загадочных обстоятельствах умирает 14-летний Ваня. Тоска по рано ушедшим из жизни родителям, двум братьям и третьему, осужденному ни за что, резко подкашивают её здоровье.

Природа щедро наградила маму голосом и умением танцевать, читать стихи и рассказы отечественных поэтов и писателей, при этом у неё было умение и хватка на работах в поле и дома. У неё была подаренная дедушкой на свадьбу швейная кабинетная универсальная машинка «Зингер». Многим в деревне старым, молодым и детям шила мама всякую одежду. Особое внимание к жителям деревни у мамы проявилось после войны, когда она стала инвалидом, швейная машина работала днем и ночью.

Многое из жизни своей мамы я узнал, став офицером. Вероятно, она побаивалась делиться с людьми своими сокровенными секретами, чтобы не испортить мне молодость и саму жизнь. Отец часто мне говорил одному о маме, называя её «нашей Крупской». Мама очень хотела, чтобы я получил образование и добивался в жизни всего трудом. В деревне из своих сверстниц мама была самая образованная женщина.

С юных лет мама просила меня, чтобы я не приучался курить, играть в карты, не употреблять спиртное. А когда стал взрослым, мама просила меня не тратить попусту время и жениться только на Родине. Все желания мамы я исполнил. Давно нет мамы, нет отца, а я все езжу ежегодно, более 60 лет туда, где я родился, где родились мои три брата и сестра, где жили мама с отцом, где до сих пор стоит наш дом и где, наконец, похоронены мои родители и братья.

До войны у нас родилось четверо детей: 3 сына и дочь, после войны родился ещё один сын. Из пятерых детей трое умерли.

До войны у нас родилось четверо детей: 3 сына и дочь, после войны родился ещё один сын. Из пятерых детей трое умерли.

В нашей семье после смерти родителей отца жили брат отца дядя Афоня и тетя Дуся – сестра отца. Отец с 1931 по 1939 годы служил в Красной Армии, в дивизии будущего маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского. А мама, которой было всего 18 лет, воспитывала брата и сестру отца. Дядя Афоня, став взрослым и отслужив в Красной Армии, уехал в Ленинград. Маме и отцу он помог купить хороший дом. Как он говорил: «Это за то, что брат с женой не отправили нас с сестрой в детский дом». Дядя Афоня в 26 лет погиб в 1941 году под Ленинградом. Тетя Дуся в войну работала проводником на железной дороге.

Не успели, как говорила мама, пожить в новом доме, как подобралась война. Мне было почти 6 лет. Помню, провожали отцов, братьев, мужей жителей нашей деревни. Провожали кого пешком, кого на лошадях. Отец, вернувшись из Львова, устроился завхозом в колхозный детский ясли-сад. Ему дали лошадь, звали её «Лисанка». Она помогла проводить отца на войну, нам выжить во время эвакуации. Немцы её не взяли из-за малого роста и слабой силы.

Когда подошел поезд на Орел, мама увидела отца с каким-то чемоданом в руках и своей сумкой. За ним вплотную следовал командир. Отец с командиром втиснулись в вагон и больше мама их не видела. Как потом, уже после войны рассказал отец, события разворачивались молниеносно. При подходе поезда на перроне из толпы солдат вышел офицер и выкрикнул: «Кто тут остался из Карачевских?» Увидев отца с поднятой рукой, офицер отдал свой чемодан ему, поставил впереди себя, а потом помог отцу забраться в вагон. Так они доехали почти до Тулы. Недалеко от Тулы формировалась 254 пехотная дивизия, в которой отец и тот офицер, а теперь близкий земляк, провоевали всю войну, дошли до Германии, освобождали Чехословакию и похоронены недалеко друг от друга в Карачеве. Звали командира отдельного батальона связи дивизии Леонов Алексей Никифорович.

Немцы пришли в нашу деревню в начале октября. Наши матери в этот день находились в поле и на лугах. Каждая старалась собрать для себя сено, картошку, зерно. Колхоз был распущен ещё летом. Лошадей, пригодных для армии, коров и других животных колхоза угнали на Восток. Остальных животных колхоза раздали по семьям.

Помню, как немецкие солдаты ехали на машинах и мотоциклах по деревне, а дети бежали из своих хат к матерям. Это зрелище с плачем детей без содрогания не вспомнить. Немцы сразу занимали хаты.

На следующий день женщины понесли яйца и сало на сборный пункт. Мама каждый день подолгу топила печь, стирала и сушила для немцев белье. Вместе с мамой под вечер мыли сапоги целого немецкого взвода, а рано утром смазывали дегтем коричневого цвета. Каждое утро я носил горячую воду немцам для бритья, убирал окурки около крыльца, потрошил их и отдавал табак нашим деревенским дедам. Так делали все пацаны.

Разных национальностей прибывали солдаты. Помню французов, мы приносили им светло-коричневых лягушек с лугового озера. Были словаки, наиболее добрые к детям. Были злые финны, румыны и венгры. Мы их остерегались.

Очень тяжело было многодетным семьям и всем деревенским в зимнее время. Зимой женщины, старики, мальчишки и девчонки лет 14-16 чистили деревенскую дорогу и часть полевой до следующей деревни. Часто в сопровождении солдат с темными лицами всех взрослых деревенских отправляли на очистку снега шоссейной дороги. Когда не было немцев в деревне, мы с мамой ходили на поселок Долгий, где жила она до замужества. Там же жила её замужняя сестра Марфа и младшая сестра Мария. Мы знали, что шоссейную дорогу всегда чистили наши солдаты – военнопленные. Поэтому каждый раз мама собирала кое-что из продуктов и вещей для наших солдат. Передавал солдатам в основном я. Однажды мама не заметила темнолицего охранника, а он увидел и кнутом бил маму.

Однажды весной 1943-го по деревне пошла молва: нас будут выгонять на лошадях в Германию. У нас в хате в это время находились словаки и усиленно тренировались далеко на лугу. Оставшийся в хате словак солдат-радист с автомобильной радиостанции подтвердил молву. Мама начала некоторые вещи закапывать в саду, другие опускать в погреб. Находясь в погребе, она услышала «матка» и увидела в горловине погреба словака. Солдат, держа в руках вещевой мешок, говорит маме: «Забери, завтра мы уходим отсюда, больше не вернемся» и бросил мешок в погреб. Мама сначала испугалась, не брала, боялась - расстреляют, а потом успокоилась и решила: «Пусть, что будет». Взяла мама мешок с 30-ю солдатскими шерстяными полуверами и закопала в саду. Они нас спасли от голода после освобождения. Мама меняла их на зерно и картошку.

После ухода немцев прибыли эсэсовцы с темнолицыми охранниками и приказали в течение дня собраться в обоз и отправиться под командой сопровождающих на Запад.

Ехали полями, перелесками, пересекая дороги и встречные пустые деревни. Отдых только ночью. Варили пищу, где попадались дрова, кустарники и оставленные жителями дома и погреба. До преклонного

возраста я часто вспоминаю эту эвакуацию.

Заиздевательство, бессмысленные действия и жестокость при обращении с мирным населением, Германия выплачивала эвакуированным какую-то сумму. Только поздно схватились. Многие ушли из жизни, другие не могли предъявить паспорта, подтверждающие место рождения. Я, например, родился в 1935 году в Орловской области, а в 1951 году мне выдали паспорт, что я родился в Брянской области. Хотя известно, что Брянская область образована в 1944 г. В таком же положении оказались мои родственники и многие «дети войны» из соседних деревень.

Вернулись мы из эвакуации в конце октября 1943 года, всего в пути мы находились около 6 месяцев.

Приехали на пустое место. Все хаты сожжены, погреба взорваны, деревья в садах поискарены. Потянулись месяцы на выживание. Помню многое из той жизни. Люди восстанавливали свои погреба. Мы, две семьи: нас трое и сестра отца Алена с 3-я детьми. Огонь добывали высеканием двух кремниевых камней с железной дороги. Для дров использовали деревья нашего сада, большого вишневого и березового полисадника. Колхозный сад был спилен и вырублен до единого дерева. Мама с двоюродным 15-летним братом и я были главными добытчиками дров. Пищу готовила тетя Алена. Ходили за километр воровать маленькие деревца к железной дороге. Погреб был без деревянных стен. В нем было холодно, темно, сыро. Завелось много крыс, мышей, вшей, блох и клопов. Мама с тетей Аленой по очереди не спали ночами, отгоняли крыс от ног детей. Крысы кусали за ноги наподобие укола шилом. Мама каждое утро спальные тряпки и одеяла выбрасывала на снег. К вечеру места расстилок спальных вещей были усеяны клопами. Вшей не искали в рубашках, а сгребали ногтями, тут же их сжигали. Было очень голодно. Хлеба не было. Одна картошка, которую выкопали до морозов, спасала людей. В деревне стали болеть тифом и малярией. Когда отец узнал из нашего письма, что мы вернулись, прислал все свои военные деньги. В это время я болел тифом. Морожеными яблоками, купленными за деньги отца и обмененными на полуверы, что отдал словак, я вылечился и к весне вылезал на улицу. Тогда много умерло ребятшек, семьи поредел. Страдали от отсутствия соли. В Карачеве не было соли на обмен, а поезд из Брянска на Орел уже ходил. Районное начальство прибыло в деревню весной, когда подсохла земля. А до этого, вероятно, не знали, что мы вернулись осенью 43-го из эвакуации.

Помню, как тетя Савина с двумя дочерьми волокли по выпавшему снегу большой кусок от туши лошади. А лица их от бессонья распухли как стеклянный пузырь. Отец их с фронта не вернулся.

Зимой из ребят никто не гулял по улице. Сидели в погребах.

Весной 44-го, когда потеплело и подсохло, пришли к нам сестра отца из соседней деревни. Их деревню, расположенную близко к лесу, немцы посещали редко, боялись партизан и при отступлении не сожгли. Мама

попросила тетю Шуру взять меня на лето к себе, так как после тифа долго поправлялся. Мама в это время уходила далеко на восток Орловской области для обмена полуверов на стаканы ржи, пшеницы, проса, ячменя. Когда я окреп - часто приходил домой, приносил маме с сестрой молоко, хлеб, картошку и ещё что-нибудь из подаренного тетей Шурой.

Женщины в деревне ранней весной ходили по полям и лугам и поправляли могилы наших солдат, собирали оружие. Бывали случаи, когда находили тела наших погибших и хоронили их. Много было трупов немецких солдат. Их собирали в воронки от бомб, снарядов, мин и закапывали.

Обуви надлежащей у женщин не было. Некоторые потом, в том числе и моя мама, стали инвалидами. Мама была сильной и ответственной женщиной. Когда вновь восстанавливался колхоз, её избрали председателем, но поработала она из-за болезни ног недолго.

В конце лета я покинул тетю Шуру и вернулся домой. Который раз, провожая меня обратно к тете Шуре летом, мама плакала, молила Бога остаться отцу живым, а меня провожала и говорила, что я ухожу последний раз. Мама с сестрой очень скучали без меня.

Находясь у тети Шуры, я выучил все буквы, научился считать, писать. Стихов я знал много. Учил нас по первому классу парень по имени Сережа, живший рядом с тетей Шурой. Я его часто потом вспоминал.

С лета 1944 года в нашей деревне был воссоздан колхоз. Летом 1945 года приехал в отпуск отец и привез на машине военкомата партизанский домик-избушку 3x4 без окон и двери. Это было первое жилое строение в деревне.

Послевоенные годы были невероятно трудными и легли они в основном на плечи женщин, так как немногие мужчины вернулись с фронта. Женщины косили, пахали, строили фермы, помогали мужчинам строить временки-мазанки, чтобы выбраться из погребов. Многие годы после войны убогие хатенки-клоповники, холодные и сырые от глины, вызывали жалость. Изнуренные трудом дома и в колхозе, бледнолицые, в фуфайках, в резиновых ботах и сапогах в весеннее, летнее и осеннее время виделись наши матери. Совершенно неустроенная повседневная жизнь: ни дров, ни бани, ни одежды, ни отдыха, бедность, неоплачиваемый труд в колхозе, пустота в магазине продовольственном и вещевом, никакого медицинского лечения приводили к болезням, особенно женщин. Мама ушла из жизни в 63 года.

Заканчивая короткое посвящение моей маме, хочу сказать великое спасибо всем женщинам, девушкам и парням деревни, которые восстанавливали нашу Родину после фашистских варваров.

Николаичев Зосим Васильевич

О маме

Малая родина

Родина моих родителей село НОВОЕ Бурмакинское поселения Некрасовского района (село Большие Соли) Ярославской области. Мама родилась 04.08.1895 года. Село Новое имеет четыре посада: основной с церковью, два Красных и Заречный. Между первыми тремя расположена церковь с кладбищем. Вокруг храма кирпичный забор с металлической

оградой, сейчас забор сильно разрушен. Церковь сейчас находится в запустении.

Религиозные росписи на стенах отклеились и висят как лохмотья. Сборы верующих и их пожертвования недостаточны для восстановления храма.

Служба в церкви шла всю войну. Колокола в 1941 году были сняты, разбиты на части и медь с оловом ушли на военные нужды. Колокол при падении ушёл на полметра в землю. Разбивал на земле колокол кувалдой человек без ушных раковин. Все верующие считали, что его покарал Господь. В довоенное время нас воспитывали атеистами. Но попа, отца Дмитрия, все жители уважали, относились к нему и к его семье почтительно. Он был потомственным священнослужителем. Его брат - священник в храме села Бурмакино. Отец Дмитрий закончил духовную семинарию. Его жена дворянского происхождения. Их дети отличались от нас культурой поведения и воспитания.

Напротив церкви, через дорогу, расположена сельская Начальная школа, построенная ещё в царское время. Вход в одноэтажное здание школы находится прямо напротив входа в Церковь. ЦПШ (церковно-приходскую школу) закончили мои родители. В школе преподавался Закон Божий и все ученики привлекались к церковной службе, участвовали в церковном хоре. Моя мама и её брат Сергей участвовали в служебном пении хора до конца своей жизни. В моей памяти церковный хор состоял из пожилых людей. Регентом хора был и мой дядя Сергей. Иногда руководил хором временно живущий в селе цыган.

Православные души

Родители мамы: крестьяне-землепашцы. Глубоко религиозная семья. Мой дед Лобаков Александр Иванович и бабушка Августа. В зимнее время работали в основном в кузнице. В кузнице ковали сельскохозяйственный инвентарь. Кустари-кузнецы в военное время изготавливали и военные заказы. Вели сварку колец якорных цепей. Что требовало специальных навыков и способов. Сварку вели с использованием речного белого песка, который намывался на речных стремнинах.

Самые приятные, радостные, а также переживательные воспоминания из детства связаны с памятью о маме. Мама хотела нас воспитать верующими в Бога. Шли годы неверия, времена, дающие воспитание детей против желания родителей. Маму называли «святой» за глубокие познания в толковании вероисповедания и Евангелия. Она обладала хорошей памятью, и, если что я и помню из детства, то только по её рассказам: о предках, о селе Новом, о Боге, Христе и Божьей Матери, о молитвах. Все, бывшие в доме иконы, книги, иллюстрации находятся сейчас у братьев. Мной были унаследованы две книги, которые находятся у моих детей.

Мама испытала с детства тяжёлый крестьянский труд. На вид полная и больная домохозяйка родила шесть детей. С её слов первенцы - двойня умерли. Был от испуга выкидыш, спасти детей не удалось. Так она отвечала на мои любознательные вопросы.

Фамильное кладбище моих предков Николаичевых с восточной стороны церкви. Данный вид с южной стороны на фамильное кладбище Лобаковых, предков мамы, где и похоронена она в 1980 году.

Мама прожила 84 года и умирала одна, рядом детей не было. Глаза ей закрывала соседка Фаина Платонова. Я стараюсь ежегодно побывать на могилах родителей, почтить память о предках, подумать о бренности и суетности нашей жизни. Захожу в храм, помолюсь, поставлю свечи за упокой перед иконами. Родители и предки были святыми людьми, достойными примера в совместной жизни и в отношениях с людьми.

Честно, глубоко порядочно прожили жизнь. Что могли, они делали и не щадили своей жизни. С благодарностью, вечная им память!

Мама хозяйка

В доме мне нравились чистые белые, отскобленные косарём доски пола, покрытые сверху

лёгкими половичками в узорах. В тишине ныл еле слышно самовар, который одогревался тлеющими углями, дым от которых уходил через съёмную трубу во вьюшку печной трубы. Скоро будет кипяток. Отец сядет у печки с сигаркой, покуривает и пускает дым во вьюшку.

Мама большая рукодельница. Закупала нитки «мулине». Все простыни, накидки, наволочки, шторы на окнах были с подвязками из кружев. Вышивались и рушники и платочки крестом. В запасе всегда были рулончики из цветной бумаги. Из цветной бумаги изготавливала искусственные цветы, даже на заказ. Особенно вспоминаются дни венчаний в церкви. В зимнее время из других деревень приезжали свадебные к нам в дом и наряжали невесту. Около дома собирались зеваки, заглядывали в окна, рассматривали, как идёт процесс наряжания невесты в подвенечное платье, украшенное цветами. Наряжала невесту мама. Для этого заранее готовились цветы. Мне приходилось помогать ей. Я крутил проволоочки для крепежа листиков цветной бумаги для изготовления цветов. Когда было всё готово, счастливая невеста в подвенечном платье, накинув шубу или пальто, бежала в туфельках по снежной тропинке в церковь.

Во время войны

Мама с большой благодарностью относилась к своим сёстрам. Вероятно за то, что они всегда помогали ей материально. Поэтому, когда умерла её сестра Александра, мама заняла тысячу триста рублей для поминания её в церкви в течение года. В то время это была большая сумма. При приезде в отпуск мне приходилось расплачиваться за её долги, хотя у самого лишних денег не было.

Во время войны и после мама работала в доме инвалидов войны. Приносила нам добавочно кусочки хлеба и сахара. Вероятно, пожертвования инвалидов. Работала нянечкой по уходу за больными. Была очень сердобольной к людям, старалась всем помочь в меру своих возможностей.

Семья переживала дважды голод. В начале 30-х годов в Поволжье погибло от голода много людей. Мы выжили. Одежды для нас не хватало. Носили одну и ту же одежду, которая передавалась от старшего брата к младшему. Фактически, жили на подаяния. Боже! Как же нас четверых было трудно накормить в голодовку, обути, одеть.

Материнские слёзы

Вероятно, ей было невыносимо видеть нас голодных оборванцев с выпуклыми на худом теле животами, глаза которых смотрят на неё и просят спрашивают. А дать нечего и неизвестно, что будет завтра.

Домашний лекарь

Мама была больной женщиной. Помню, что ей вырезали паховую кисту. Её мучили приступы сердечных болей. Причиной сердечных болей, с её слов, был «порок» сердца.

Фактически, лекарств никаких не было. Раны, цыпки на ногах и ушибы лечили керосином, солидолом. Помню, что была касторка и аспирин в порошках. Лечились чисто местными народными средствами. Мама разбиралась в лечебных травах. Делала настои из трав и ягод. Я собирал вдоль речки на берега травы, которые сушились и пучками сохранялись в сенах и на чердаке дома. Многие жители села приходили и благодарили аму за оказанную помощь.

Она меня научила выкапывать корни лечебной травы калгана. Настои из него останавливали кровотечения. В стране был запрет на проведение абортов у женщин. Женщины приходили к ней при кровотечениях. При родах в селе она выполняла роль повитухи.

Материнская боль

Мне снятся похожие картинки родного дома, в котором я родился и вырос и из которого в 19 лет уехал навсегда в 1950 году, после окончания Ярославского химико-механического техникума. Когда были живы родители в доме бывал ежегодно.

Если идёшь по улице из дальнего конца села, то дом видишь от церкви. Видится крыльцо и два окна правой стороны дома. На ступеньках крыльца вижу всегда маму, провожающую меня и мою семью при отъезде из дома. Стоит она со скорбным лицом и слезами на глазах. Она всегда провожала с такой печалью на лице, как будто провожает навсегда, то есть прощается. Провожала мама без пальто, в обычной домашней одежде. Волосы на её голове поблекшего белого цвета, выступавшие прядями из—под платка. Может быть мне всегда нравятся русские женщины с платками на головах? Мама говорила, что ей всегда жарко, а не холодно стоять на крыльце во время проводов. А я всегда кричал ей, оборачиваясь и уходя, чтоб она шла в дом, чтобы, не дай Бог, не простудилась.

Долги наши

Мы, дети своих родителей, будучи молодыми, всё мерили своими мерками. Успокаивали родителей, что все болезни - это временное явление, что всё пройдёт, только надо немного перетерпеть. А родители уже были

очень больные люди. Скрывали от нас свои болезни, радовались, что мы приезжали к ним. Хотели во всём угодить нам, и делали так, чтоб мы не переживали за их состояние здоровья.

Мы, дети, не смогли создать родителям необходимых условий и помощи в их последних годах жизни. Военные исполняли приказы руководства страны по защите рубежей Родины, находились всегда вдалеке от родителей. Проблемы семей военнослужащих.

Только сейчас, когда самих замучили болезни и их всё увеличивающееся количество, стали осознавать, как же тяжело было родителям в свои последние годы жизни. У всех свои семьи, заботы и проблемы со здоровьем, питанием и материальным обеспечением. А ведь могли бы помочь! Но все разъехались, разбежались по всей России, в основном все в далёких краях, но не рядом с родителями, они чувствовали своё одиночество и заброшенность. Как я всё понимаю это сейчас. Поговорить бы с мамой, послушать папу, что-то рассказать им и получить жизненные наставления.

Родной дом

Мы себя считаем хорошими детьми. Но получается, что детям вольно или невольно нельзя бросать родителей. Они сделали своё дело, родили и вырастили нас. Дали нам жизнь. Будем же достойными людьми в жизни. Своё благополучие и счастье надо ковать самим и всегда не забывать родителей : МАМУ и ПАПУ.

«Что есть долг? Пока у нас нет другого ответа, кроме следующего: совершать правое и заботиться о собственном благе и о благе во всеобщем определении, о благе других».

Гегель.

Память.

Ясно, что без прошлого не может быть будущего, то есть без знаний в жизни прошлых событий нельзя построить своё собственное будущее. Предки нам завещали помнить достойное прошлое.

Память - есть связь прошлого с будущим.

«Люди с короткой памятью обладают показной чистотой своей совести.»

Л. Толстой.

«Неправда, что жизнь мрачна, неправда, что в ней только язвы, да стоны, горе и слёзы! В ней не только пошлое, но и героическое, не только грязное, но и светлое, чарующее, красивое. В ней есть всё, что захочет найти человек, а в нём — есть сила создать то, чего нет в НЕЙ! Этой силы мало сегодня, она — разовьется ЗАВТРА!»

Жизнь прекрасна, жизнь — величественное, неукротимое движение ко всему счастью и радости.»

М. Горький

Носырева Антонина Андреевна

Живем и помним

Давно уже нет той тропинки, по которой мы с сестрой Лидой ходили в наше родное Новиково, где после войны оставались бабушка и дедушка. Нет давно и той деревни Сысово, в конце которой росла самая сладкая и крупная черемуха, а перед нашей деревней было голубое поле льна.

Всю войну мы жили там. Мама работала на ферме. Отец воевал. Женщин посылали на лесозаготовки, на покос. Все было на их плечах: сажать, сеять, убирать урожай. Помню – идут они с граблями, вилами, косами с работы. Я бегу к маме, и она дает мне в руки пучок земляники.

Мы, маленькие дети, были плохими помощниками. Кормил нас огород и лес. Места грибные, ореховые до сих пор помню: «Дубакино», «Ширяево», «Бутыниха», «Ермаки». Ели дудки, пестики, щавель.

Было у нас несколько овец, корова Белянка, которая давала мало молока. Душка Афанасий держал пасеку, примерно ульев 10. Было в деревне всё равно весело. Летом – лапта, прятки «штандер». Зимой – у кого были валенки - катались на лыжах, на коньках (гаги, снегурки). Пруд был посреди деревни. Звон коньков был слышен везде.

Кончилась страшная война. Отец был награжден медалью «За боевые заслуги». В 1946г. Он, как вольнонаемный, уехал с нами в Польшу. Жили мы в военном гарнизоне «Заган» – в западной Силезии.

В доме офицеров бывали концерты, на одном из которых был маршал Рокоссовский.

Пел Виноградов: «Где ж вы, где ж вы очи карие», «Летят перелетные птицы»... Маршал Рокоссовский потом беседовал с солдатами.

Вольнонаемных, случалось, убивали, вечером, ночью.

Отца направляли в Данциг (Гданьск), а пришлось вернуться на Родину. Надо было покрыть дом новой крышей – из «дранки». Соломенная сопрела.

В 1948г. родилась младшая сестра Галя, мы уже жили в Константиново. Отец работал управляющим Госбанка. Поучал 1600руб. Мама шила «на дому», работала в охотхозяйстве оператором на инкубаторе (выращивали фазанов).

Опять было голодно. Навещали бабушку с дедушкой, носили с сестрой Лидой им «гостинец» - 2 буханки хлеба. Дед занимался с пчелами, работал в кузнице до 85 лет. Ульи обокрали дочиста воры – приехали погостить в деревню к родным, из Москвы. Пчелы погибли. Вскоре умер и дедушка. Бабушку взяли в Константиново.

Брат закончил 22-е ФЗУ в Загорске и работал на ЗОМЗе, заодно учился в техникуме. Мы с сестрой после школы окончили Краснозаводский химико-технологический техникум, работали на Скобянке. Потом я перешла на «Звездочку. А мама все продолжала шить на своем «Зингере». Она была

замечательной портнихой и главное – была рядом с детьми.

В 1963г умер отец. Он успел перевезти дом из деревни в Семхоз, вероятно подорвал здоровье и умер.

Брат был хорошим резчиком по дереву. Сейчас у нас главная проблема – как, где найдут работу наши внуки. Мы с мужем живем в с.Шеметово. Так хочется, чтобы наши потомки никогда не узнали, что такое война.

Орехова Татьяна Борисовна

Труд детей в годы войны

В тылу трудились даже дети
Терпели голод, холода,
В их памяти моменты эти
Засели раз и навсегда.

Ворчал смущённо шеф Бессонов
Когда увидел у станков,
Как лез на ящик для патронов
Дитя тринадцати годов.

Она была совсем малюткой,
Не доставала до станка,
Точить патроны – вам не шутка,
Ей доверяла жизнь страна.

«Для фронта всё и для победы» -
Таков был Сталина приказ.
Превозмогая боль и беды,
Все жаждали Победы час!

Бесценный груз – дети войны

Тревожно устремляя взоры,
Устало с ног валилась мать.
Под звуки вражеских моторов,
Детей укладывая спать.

Войны лишения и невзгоды
На плечи женские легли,
Эвакуация заводов,
Бомбёжки – все перенесли,

Сон в эшелонах под станками,
Побег от ужасов войны,
Детей спасали наши мамы –
Бесценный груз родной страны.

Ведь им в дальнейшем предстояло
Войны руины разбирать
И строить мирное начало,
И в космос первыми летать.

О защитниках России

Ходил на Русь поляк и немец,
Француз хотел нашей земли,
Но силу рук и крепость веры
Враги осилить не смогли.

И сколько раз в подобных битвах
Нам Преподобный помогал,
Он время проводя в молитвах,
На ратный бой благословлял.

Господь же сим молитвам внимля,
Победы русским даровал,
Но воинам в пылу сраженья,
На поле брани оставлял.

И, соблюдая стражей бденье,
Идут по жизни не ропща -
Беречь страну от нападения
Им Преподобный завещал.

Пусть разум Божий непременно
В умы правителей войдёт.
И Сергия завет нетленный
На души воинов сойдет.

Островская Ирина Константиновна

Святая память

Великая Победа над фашизмом в мае 1945 года навечно останется в памяти нашего народа. Ветеранов все меньше, но живут их дети, внуки и правнуки, которые несли и будут нести портреты родных в этот праздник – в День Великой нашей Победы!

Вот и мы с внучкой Полиной разбирали наш домашний архив, рассматривали фотографии тех

лет, читали письма-треугольники моего отца Константина Маринчика с фронта для жены Татьяны, троим сыновьям и мне.

В 1936 году отец с семьей жил и работал директором школы в с. Большая Андроновка в Скадовском районе в Крыму. Здесь застала нас война. На рассвете всех разбудил стук в окно объездчик и сообщил о начале войны. Отец бросился в сельсовет, где ему приказали собрать семью с минимумом одежды и еды и вывезти подводой в сторону г.Скадовска. Отец собрал семью, тогда было ещё только два сына: Костику 10 лет, а младшему Вячеславу – 3 года. С ними поехали ещё две семьи учителей. Отец нас отправил в г. Скадовск, а сам ушёл в ополчение.

До Армянска добирались очень трудно, но люди помогали друг другу. По дороге ночью потерялся Костик. Они с мамой по очереди сидели на подводе с маленьким Славой, у которого был жар, он простыл. Костик ночью шёл, держась за подводу. Ночь была темная, подводы шли в несколько рядов. Он, видимо, задремал и отпустил свою подводу. Потом в темноте ухватился за чужую. На рассвете понял, что идет с незнакомыми людьми и сильно испугался. «Я потерял маму!», - стучало в висках. Стал бегать от подводы к подводе и вдруг услышал отчаянный материнский крик: «Костя, Костик, где же ты?» Он побежал навстречу этому крику и далеко впереди между подводами увидел маму. Мама на ходу прижала его к себе и шептала: «Слава тебе, Господи! Ты вернул мне моего сына!» Где-то позади слышны были взрывы, немец шёл по пятам. Пришло сообщение, что все учителя, партийные работники, комсомольцы, их семьи, оставшиеся в Скадовске, повешены и расстреляны. Не пощадили ни детей, ни стариков. Фашисты лютовали. И ненависть к врагу росла с огромной силой. Бои были жестокими. Из ополчения отца приняли в 31-й саперный полк под городом Мелитополь. А семья с большим трудом вместе с другими беженцами двигалась в сторону Астрахани. И только через месяц измученные и голодные добрались туда.

Здесь беженцев уже ждали с подводами местные жители и разбирали по семьям в свои дома. Вот где была истинная любовь людей и сострадание к ближнему. Наша мама с детьми попала в Булхутинский район. Ночевали у казахов в юрте. Для них даже забили лошонка, чтобы повкуснее накормить и дать с собой в дорогу. Казахи помогли маме проехать дальше мимо озера Эльтон, где добывали соль. Тут и задержалась она до весны. Костик пошёл пасти овец и ягнят, чтобы что-то заработать и помочь маме. Мама работала в детсаду. Костик пошёл в школу и присматривал за младшим братом. Из совхоза дети ходили в школу пешком в Булхуту. Однажды зимой в пургу Костик с другими детьми пошёл в школу и отстал, стал замерзать, сидя под деревом. Дети поняли, что потеряли его. Они дошли до школы и вернулись со взрослыми. Костика откопали и принесли в школу, растерли, спасли ему жизнь.

По весне мама засобиравалась ехать дальше, в сторону Сталинграда. Им помогли доехать до станции и погрузили в товарные вагоны. По дороге тоже натерпелись. На кратких остановках в степи мама на двух камешках разжигала хворост, который собирал Костик, и в котелке варила похлебку из муки – «затирку», чтобы накормить детей и помочь соседям по теплушке. На станциях в то время стояли столы, на которых проезжающие оставляли открытки, письма, треугольники в надежде найти таким образом родных или знакомых. И все из эшелона бежали к этим заветным столам. Так мама под Сталинградом нашла треугольник отца, он сообщал, что находится в госпитале в городе Петропавловске. И она решила добираться туда, чтобы увидеться с мужем. На Петропавловск шли только эшелоны с ранеными, гражданских не брали. У мамы закончилась мука, узел с детской одеждой украли ночью. Мама была в отчаянии: что делать? Глубокой ночью прибыл ещё один эшелон. Мама кидалась с детьми то к одному вагону, то к другому, умоляя взять её с детьми, но ... безуспешно. Мама села у поезда с детьми вся в слезах: «Господи, если так надо, то пусть мы здесь и погибнем! Идти дальше некуда! Ни еды, ни денег, ни одежды детям, ни сил!» И вдруг из вагона, оттолкнув проводника, выпрыгнул седой офицер с перевязанной головой. Он бросился к детям со словами: «Может и моя жена вот так скитается по дорогам и молит о помощи!» Он подхватил на руки Славика, Костика за руку и почти на ходу посадил их с мамой в тамбур. Мама ещё не знала, куда они едут, но всё равно куда, лишь бы подальше от этого лиха! Оказалось, что этот поезд и шёл в Петропавловск. Это ли не чудо Божие?! Вышли в Петропавловске, нашли госпиталь и отца. Так, милостью свыше, состоялась их встреча. Радости не было предела. Начальник госпиталя помог устроиться на квартире на несколько дней. Отец уже был лейтенантом, выхлопотал маме справку, что она жена офицера для пайка на детей, и отправил дальше в Сибирь, в Омскую область. Мама работала снова в школе, Костик учился, а Славе уже было 6 лет. Здесь, в Сибири, и родились двойняшки Володя и Ирина.

Шёл уже 1944 год. Украину освобождали наши войска. Мама с четырьмя детьми выезжает на малую родину отца в г.Ичню, что в Черниговской области. Тут тоже было всё разорено, но хоть была крыша над головой. Её приютили старший брат мужа Гавриил и его жена Наташа, у которых было трое детей. Работали в колхозе в поле, возле дома выращивали картофель, зелень, овощи. Но случилось горе, двойняшки заболели воспалением легких, им было по полтора года. Нужных лекарств практически не было, лечили, чем могли. Володя умер, а Ирина была на волоске от смерти. Судьба сжалилась над мамой в тот день: девочка осталась жива. Горе и радость обрушились на маму одновременно. Она плакала, а в волосах появилась седина, было ей тогда всего 34 года. После освобождения г.Одессы мама смогла списаться со своими родителями и через некоторое время за ней и детьми приехал её отец с сестрой Зинаидой.

Отец после освобождения Украины прошёл со своей частью Польшу, а в 1945 году был на р. Одер в Германии. Война для него закончилась на р. Эльбе. Победу встретил в Берлине. В конце 1946 года он приехал в Одессу и забрал семью в Германию. Тогда командование разрешило офицерскому составу взять семьи к себе по месту службы. В 1948 году он уволился из рядов Советской Армии и выехал с семьей по назначению на восстановление Бессарабии (Молдавия) в г. Тирасполь. Родители работали в школе.

Послевоенные годы были очень трудные для народного образования. Но прошли годы. Всё вынес наш народ, жизнь постепенно наладилась. Родители проработали в народном образовании по 40 лет. Мы получили все хорошее образование.

Наша многострадальная Отчизна пережила много войн и невзгод. Наш народ хранит память о наших отцах и матерях, которые не щадя себя, отстаивали независимость и свободу Родины как на фронтах Великой Отечественной войны, так и в тылу.

Попова Зоя Ивановна

г.Сергиев Посад

Моя семья

Поговори со мной, сестренка,
О чем-нибудь поговори.
Просить тебя совсем неловко
Из детства сказки повтори.

Как быстро годы пролетели.
Остались мы с тобой вдвоем.
И в доме стены опустели,
Как будто высох водоём.

Да! Жизнь проходит без возврата,
Оставив радость и печаль.
Какая нам дана расплата?
Но все, что пройдено, не жаль.

А наша дружная семья...
Там много горя и добра.
Поскребышем звалась в ней я,
Вы опекали все меня.

Мы пережили все невзгоды,
Познали отзвуки войны,
Мы испытали страх и голод,
Но в этом нашей нет вины.

Наш папа, надо понимать,
Был сильно поглощен работой:
Ведь надо дочек поднимать
И окружать своей заботой.

А мы ходили по лугам,
Ромашки, дудки собирали.
Дудки съедали в поле – там,
Ну, а ромашки - продавали.

Мы ели лебеду, крапиву.
Грибы, орехи – продавали.
И в ту военную годину
На них одежду покупали.

Немало слез досталось маме,
Когда погибли сыновья.
Ей даже внуков не оставив,
И не сложилась их семья

По правде жили мы всегда.
Нас упрекнуть никто не сможет.
И где не справится одна,
Другая ей сестра поможет.

Потомки нас не подведут,
Пусть никогда им не придется,
Но не дай Бог, враги придут.
Средь них защитники найдутся.

Но, а сейчас я не о том...
Все лучшее потомки взяли!
Спасибо матери с отцом,
Что нам любовь свою отдали.

Наша жизнь

Вот здесь - наша землянка,
Фашисты дом сожгли.
И мы сидим с сестрёнкой
В землянке у печи.
Недавно бомбы здесь летели,
Но не бомбят уже твой дом.
Зато поют здесь свиристели,
И волки бродят за окном.

А мы с сестрой уроки учим,
Ведь в школу завтра нам идти.
Идти-то лесом, волки воют,
А школа километрах в десяти.
Проклятые, конечно, нас пугают,
А в школу нас никто не провожает.
Наш папа, весь измученный войной,
Ушёл, как говорится, в мир иной.

У мамы нету время провожать
Ей лесозаготовки надо посещать.
А мне всего пятнадцать лет,
Чтоб заменить – времени нет.
Но, мамочка, прости родная!
Я в школу не пойду, ты отдохни.
Ты вся измучена, больная,
И ты меня за это не брани.

Тебе же надо Машу провожать,
А мне и в школе, и в лесу трудиться,
Чтоб как-то жить и выживать,
Чтоб как-то прокормиться.
Вот так и шли жестокие года.
Казалось, невозможно с этим сжиться.
Будь проклята! Будь проклята война!
Пусть больше никогда не повторится!

Стихотворение «Наша жизнь» посвящено памяти Александры Алексеевны Хрисанфовой. Она воспитала двух дочерей - Тамару Григорьевну и Марию Григорьевну, о них тоже упоминается в моих сборниках. Это была необыкновенно честная, умная, добрая женщина, на долю которой выпало немало трудностей и испытаний.

Мария Григорьевна Хрисанфова, родилась 22 февраля 1936 г. Во время войны ей было 5-7 лет. Несмотря на трудную жизнь, она окончила пединститут и работала учителем русского языка и литературы в 19-ой школе Сергиева Посада. Она умерла. Это была необыкновенно честная, умная, добрая женщина.

Попова Зоя Ивановна

г.Хотьково

Родилась я в 1930 г. в селе Ахтырке. Детство было тяжелым, мне было 11 лет, когда началась Великая Отечественная война. Враг подошел совсем близко к Москве. Бои шли под Дмитровом. Через наши деревни Кудрино и Ахтырку была дорога, по которой шли военные на фронт. Останавливались на отдых, на ночлег. В этот год уродилось много картошки, и мама варила ее для солдат, стирала им белье. Помню: она постирала, а утром рано их всех подняли дальше идти. Вот и пришлось им надевать мокрое белье, а на улице было холодно, зима. С фронта ехали машины с ранеными в госпиталь (санаторий «Абрамцево») и тоже останавливались в нашей деревне. Раненых перевязывали, давали носки и варежки, которые мама вязала, чтобы как-то помочь фронту. С детства врезалось в память, как ползком пробирались до школы, прячась от бомбежек, когда

немцы хотели разбомбить наш железнодорожный мост. Училась в школе сначала в дер. Жучки, а потом в школе №2, которую уже снесли. Летом работали вместе с родителями в колхозе: сажали капусту и поливали ее. Воду брали в реке и в пруду. Жили впроголодь, семья была многодетная: четыре брата и три сестры. Почти все уже умерли, один брат Константин погиб на войне в 1943 году, а другой брат Борис дошел до Берлина, расписался на Рейхстаге. Освобождал Будапешт и Прагу. И вернулся домой живым.

В 21 год вышла замуж за Сергея Попова, родился он в Москве, а вот корни его, Стрельцовы, самые Ахтырские: его прадед Михаил Васильевич родился в 1817 г. в с. Ахтырке. Потом у нас родилась дочь Алевтина, через 12 лет вторая дочь Вера, есть две внучки, правнучка и два правнука.

Работать пошла в 1947 году в мебельную артель статистиком, нормировщиком, плановиком. Через 9 лет, набравшись опыта, перешла в косте-резную артель плановиком, а затем стала начальником планового отдела. Составляла калькуляции на цены, сама ездила утверждать в Москву и так еще 9 лет, пока не родилась Вера. Перешла работать на хлебозавод просто счетоводом, вскоре уговорили перейти в КТБ (ЦНИИСМ) бухгалтером, где и работала до пенсии. В 1985 году вышла на пенсию, два месяца «на скамейке посидела», а потом пришла Шура Соколова – выручайте, говорит, поработайте. И уговорила. Пришла обратно и еще 15 лет проработала. Участница трудового фронта, ветеран труда, есть юбилейные медали и грамоты.

Сытой жизни не помню. Всю жизнь впроголодь, недопивали-недоедали, с мужем начали строить дом в 1957 году, все экономили, не знали, что такое масло, только детям чуть-чуть покупали. Вспоминаю добрым словом своего начальника – Веру Васильевну Ченцову и начальника первого цеха Людмилу Сергеевну Зубареву. Они себя отдавали работе и нас держали в ежовых рукавицах, а сейчас молодежь совсем по-другому к работе относится...

Прокофьева Татьяна Алексеевна

Воспоминания детства

Про своё любимое Константиново я могу говорить часами. Большое и красивое село было во времена моего детства. Работал свой молокозавод, на котором делали так любимое детьми мороженое.

В селе были: своя больница, почта, две швейные мастерские, аптека, детский сад и ясли, клуб, библиотека, баня, милиция, школы – начальная и средняя. А какие учителя учили нас! Воронина Т.П., Ченцова А.М., слава Богу, они живы и здоровы. А многих уже нет: Сазоновой В.М., Мироновой Н.В., Саянова В.А., Майковой В.С. и многих других. Спасибо им за всё, пусть земля будет им пухом.

А какие люди жили в селе! Теперь некоторые поменили место жительства, но характер и доброта сердца, что подарило родное село, с ними навсегда. Да хранит Вас Господь, родные мои друзья!

Очень хочется вспомнить своих родителей, поклониться им низко, низко, до самой земли. Маме – Прасковье Ниловне – солнышку моему ненаглядному, и отцу – Алексею Васильевичу. До войны они работали в Москве и жили на Красносельской. Мама работала на фабрике кондитером, а отец – на шарикоподшипниковом заводе. Началась проклятая война, отец ушёл на фронт, а маме пришлось переехать в Константиново, она была беременна моим братом Валентином. После родов, несмотря на то, что она кормящая мать, ребёнку не было ещё и месяца, её с другими женщинами села отправили на заготовку дров в Талдом. Отправляли на неделю, а отработали они там два месяца в голоде и холоде. Еле живые, вдвоём с подругой, на свой страх и риск, обмотав ноги тряпками (сапоги развалились), в галошах, зимой, чуть ли не на коленях ползком, добрались до дома. От непосильной работы у неё пропало молоко, и отказали ноги. Три года она передвигалась по дому с помощью костылей. Лечилась долго. Слава Богу, болезнь отступила.

Потом мама работала в бригаде овощеводов, на парниках, выращивала рассаду. Когда дояркам стали давать землю, перешла на ферму. Мама всегда была на первом месте по надоям молока. Её коровы были ухожены, под ними всегда было чисто. Я помогала маме мыть коров и пол, где они стояли. Молоко было вкусное, жирное. Оно шло в детский сад, ясли, больницу и магазин. Мама не получила за свою работу ни званий, ни медалей, но всегда работала на совесть.

После дойки доярки шли косить траву, заготавливать корм на зиму для совхозных коров. Все домашние дела легли на наши плечи, плечи детей.

Отец воевал, не раз был ранен и контужен, выходил из окружения. Дошёл до Берлина и расписался на Рейхстаге. После войны работал мастером-наладчиком по машинам на хлебокомбинате, а дома делал шкафы и табуретки. Вам, родные мои, светлая память.

Родители были на работе, а мы, сделав дела по лому, бежали гулять на нашу любимую Макаровку. Летом играли в разные игры, а зимой катались на санках и лыжах. Сколько же травы мы перепробовали, но ни у кого животы не болели.

Много лет прошло с тех пор. Как хочется снова навестить нашу родную Макаровку. По рассказам нашей бабушки Евдокии, Макаровка названа в честь святого Макария. Как-то шёл он по нашей земле, любовался её просторами, заливаемыми лугами, захотелось ему пить. Но поблизости

ничего не было, чтобы утолить жажду. Он взмахнул посохом и ударил о землю. В том месте от удара и появился ключ. Макарий напился, благословил то место и отправился дальше. Кто-то из жителей поставил у родника кадочку, получился колодец. К нему стали приходить люди, веря в чудотворную силу воды. Если кто-то из детей заболит, возьмут водички, а взамен повесят шапочку или распашонку, вымоют ребёнка, дадут попить, и малыш пошёл на поправку. Я часто с мамой ходила туда. Умывает мама меня, даст попить, помолимся иконе, которая висела над колодцем, и легче становилось. Став старше, я ходила к колодцу одна. Иконы и детских вещей на ветках ивы уже не было, но родничок поднимался из кадочки, предлагая свою прохладу. Вода была вкусная, лёгкая и очень холодная.

Вот бы снова возродить этот родник, попить водицы, благословлённой Святым Макарием. Константиново, какое ты теперь? Не слышно песен под гитару и гармошку. Сколько же молодёжи из других деревень приходило на танцы в Константиново! А как весело отмечали праздники: 1 Мая, Октябрьскую, Новый год – одни воспоминания.

Малая моя родина, которая начиналась с порога родительского дома родного села, там, где зорька, искупавшись в розовых лепестках шиповника, рождала новый день. Дождь, собрав росу с трав, которые росли на святом Макаровом лугу, поливал наши огороды и сады. Радуга, искупавшись в разноцветье трав, дарила нам свою красоту. Родное Константиново, ты навсегда в моём сердце.

Маме

*Посвящаю своей дорогой
и любимой мамочке*

Еду знакомой дорогой,
Проезжаю поля и леса.
В мыслях я давно уже дома,
Но никто не встречает меня.

Сыплет белая пороша под ноги,
Засыпая всё на пути.
Кусты, словно в саван одетые,
Шепчут мне: «Не спеши, не спеши».

Свет в окне не зажжётся больше,
Не согреет меня чайком,
Не обнимет она у порога
И «полтинник» не сунет тайком.

Мы при жизни мало ценим,
Потерявши, жалеем всегда.
Я сейчас бы тебя, родная,
Не пустила бы от себя.

Посадила бы в мягкое кресло
И укутала б теплым платком,
Мы бы песню с тобою спели
Про черемуху под окном.

Ты любовью своею и нежностью
Охраняла меня от забот,
Если что-то не так я делала,
Защищала всегда от хлопот.

Жизнь сложилась не так, как хотела,
Что же делать, наверно судьба.
Ты добро всегда людям делала,
На навет отвечала, шутя.

Годы быстро летят – не догонишь,
Я надеюсь, ты будешь встречать.
Жди меня, как всегда, у входа,
Ну, а двери, не нам выбирать.

Пчеленкова Людмила Георгиевна

Дерюзино, Бобошино, Путятино
И Слотино, а вот и Гагино село.
Сии места мне все родные -
Здесь жили предки многие века
Семья моя жила когда-то
Здесь вечным сном почили
Прадеды, родня.
Вдали от городов, от шума и дорог,
Среди дубов и лип,
Среди лугов и нив расположилась
Небольшая деревенька - Путятино.

В прошлом – Старостино, в которой, в те времена и было- то 5 домов, в одном из которых жил староста с детьми – Ульяна и Трофим, Андриан... И пошли с тех времен фамилии – Андриановы, Ульяновы, Трофимовы (мои предки). Пра-прадед мой – Трофимов Трофим Егорыч. И пошли от него Игнаты и Егоры.

У деда моего – Игнатия Егорыча было 5 детей и все сыновья, среди которых старшим был мой отец – Трофимов Егор Игнатьевич, 1892 года рождения. Папа был старшим в семье и как старшему ему досталось воспитание детей. Он умел всё: пахать, сеять, и строить, и лечить, и стричь. При этом он был отличным портным. (Все мы были такими трудолюбивыми). Папа закончил церковно-приходскую школу. По словам моей старшей сестры, дети любили папу больше, чем маму (за исключением меня). Я просто боготворила маму и до последних её дней безумно любила.

Уж много лет тебя со мною нет,
Но голос твой я слышу до сих пор
И песни, что тобою не допеты
И вкрадчивый, неторопливый разговор.

Тятя, так называли дети отца, был необыкновенно добрым человеком, в то же время стоило им разбаловаться и маме сказать :” Отец едет” - сразу тишина и покой.

В семье моей было 7 человек, из которых двое умерли в младенчестве. Отец был единственным кормильцем, всех лечил, всех обшивал и всех любил. В 1920 году отец отстроил свой дом. К этому времени и младшие братья создали свои семьи и в деревне стояло 6 домов Трофимовых (2 дома двоюродных). Все были очень дружны и помогали друг другу. Эту любовь передали и нам.

Я осталась из большой семьи одна, но все племянники до сих пор вокруг меня, конечно же дети и внуки. В 1938 году папа переезжает в город работать. Надо было определять детей учиться. В городе были дальние родственники. Они нашли папе работу. Двух старших детей папа определяет учиться в ФЗО при кустарной фабрике. На выходные все приезжали в деревню. В 1940 году старшего брата забрали в армию, а вернулся он, когда мне было 6 лет. Мама всех нас растила одна.

Не думала она, что останется без мужа
С большой семьей совсем одна,
Но ты не растерялась
В этом вихре стужи
И всех детей на ноги подняла.
В этом же 1940 году мы переезжаем на Ферму.

Далёкий 41 год!
Как много для меня он значит!
Зимой на Божий свет явилась я.
А летним утром ордой фашисткой,
Марш в Россию начат.
Со всей страной ушел и мой отец
Громить врага.
Я несмышлёнышем была тогда
Отца не помнила, не знала,
Да и не могла его я знать.
— Мне месяцев всего то- было пять.
Мы от отца единственно одно
Письмо из под Смоленска получили
Да похоронку матери вручили.

74 года назад в июле 1941 года защищать свою страну отправились те, кому не присылал повесток военкомат - это были ополченцы, совсем молодые и пожилые люди. Загорские ополченцы попали в 9 дивизию и все они служили в 1300 стрелковом полку. Собрали всех в Черниговском скиту и затем отправили на вокзал.

Моя сестра говорила, что им даже не дали проститься и они с другими детьми через Рыбную улицу побежали на вокзал. Из вагонов им махали кепками отъезжающие. Ополченцев отправили в Москву, а затем ночью 10 июля они прошли по Садовому кольцу на Калужское шоссе и затем вышли на село Ново-Архангельское.

Целых 3 месяца 9 дивизия была в резерве (строили укрепления, изучали военное дело).

В конце сентября дивизия вышла на Ельню, где 3 октября 1941 года отец попал в плен. 12 декабря 41 года он умер от тяжёлых ран и был похоронен в немецком городе Эрбке.

Да будь ты проклята война!
Все силы выпиты до дна
Не смог отец с войны
Живым в Россию возвратиться!
Ушли года...
Ушли в потусторонний мир мои родные
Но память об отце и о родных не умерла поныне.

Спасибо всем, кто помог мне вновь обрести отца и испытать настоящее дочернее чувство, поскольку отца заменял всю мою жизнь Трофимов Михаил Георгиевич, которому в годы войны было 16, 17 лет. Он закончил ФЗО

при ЗОМЗе. Он был электриком и в 18 лет восстанавливал ДОНБАСС. Старшая сестра и обе мои снохи (жёны братьев) служили в М.П.В.О. Средняя сестра всю жизнь проработала в библиотеке. Я самая младшая пошла по стопам отца и, закончив швейное училище, проработала портнихой.

Ромашова Татьяна Николаевна О бабушке

Я хочу рассказать о маме моей мамы, то есть о своей бабушке Ольге Ивановне Ильинской (в девичестве Никулиной). Родилась Ольга Ивановна 24 июля 1894 года.

Мой прадед, Ильинский Алексей Павлович, переезжает из родительского дома, который находился на Переславской улице, на Красюковку. Земли им было куплено немного, но прадед построил большой двухэтажный дом в Карбушинском переулке. Жена, Екатерина, была домохозяйка и присматривала за детьми: Верой (1890гг), Анной (1893 гг), Василием (1895 гг),

Сергеем (1897 гг), Натальей, Клавдией, Михаилом, Анастасией и Николаем (1909 гг). Прадед сословия был мещанского. Он шил на заказ военную форму для офицеров и научил шить старшего сына Василия.

На улице Вифанской (ранее Александровской), совсем рядом от Карбушинского переулка, жила девушка Оля – Ольга Ивановна Никулина. Она родилась в семье портного Никулина Ивана Сергеевича и домохозяйки Татьяны. В семье был сын Александр и пять дочек Ольга (1894 г.р.), Мария (1897 г.р.), Анна (1903 г.р.), Клавдия, Екатерина. Жили дружно.

Встретились однажды Василий и Ольга (так Василий называл свою Олю) и полюбили друг друга. Решили создать свою семью, но родители жениха благословения на этот брак не дали: девушка Оля хоть и была очень красивая, но из бедной семьи.

Василий родителей не послушался и 31 марта 1918 года родился первенец - мальчик Виктор, крещенный 3 апреля в Христорождественской церкви Сергиева посада. Его родители мещанин Василий Алексеев и законная жена его Ольга Иванова, оба православного исповедания. Священник П. Милославин. Псаломщик А. Лебедев. Восприемники Сергиева посада мещанин Сергей Алексеев Ильинский и того же посада мещанская де-

вица Вера Алексеева Ильинская. Молодые родители были счастливы.

Первенец умирает в младенчестве.

В 1921 году родился сын Сергей, а в 1924 – сын Алексей.

16 июля 1924 года Василий Алексеевич и Ольга Ивановна Ильинские венчаются все в той же Христорождественской церкви.

В 1926 году родилась дочь Ирина и родители решают построить свой дом.

Василий Алексеевич был хорошим портным, шил он на ножной швейной машинке фирмы «Зингер». Головка машинки располагалась на столешнице с красивыми витиеватыми чугунными ножками и без переналадки шила стеганные лоскутные (ватные) одеяла и шелковые кофты. Заказы приносили со всей Красюковки. Кому - то сошьет рубашку, кому-то брюки, а Ольга Ивановна ему помогает – погладить, пришить пуговицы и отнести готовый заказ поручалось ей.

Накопили денег на постройку дома, купили земли в Карбушинском переулке и начали строить. Денег на строительство нехватало и Ольга Ивановна заложила свои сережки, но нужной суммы все равно не набрали. Землю продают и покупают меньший участок на Карбушинской набережной, рядом с домом родителей Василия Алексеевича.

13 июня 1927 года дом был построен на берегу речки Корбуха (Корбуга) и семья переезжает в него. Дом построили одноэтажный, теплый и светлый. В доме была всего одна комната, но большая в три окна. В центре красовалась русская печь с подтопком. В печи мылись, а подтопком пользовались когда всю печь топить не надо было. Печка от подтопка нагревалась и тепло распространялось по всему дому. За печью стоял большой обеденный стол, а на нем самовар. Это была кухня. В 2014 году дом сломали, а в земле до сих пор находим большие и маленькие чугунки. В них в свое время Ольга Ивановна варила еду на всю большую семью. К основному дому была пристроена терраса, где было «Итальянское» окно из трех частей. К дому были пристроены сени, где жили две козы. У одной козы шерсть была розового цвета и звали ее Муська. На шесте и на чердаке жили куры. Им в гнезда подкладывали деревянные яйца, чтобы они больше несли своих яиц (одно такое яйцо нашли, когда сломали дом). Дом охранял верный пес Трезор.

Жизнь налаживалась. Ольга Ивановна вела хозяйство и воспитывала детей, а Василий Алексеевич приносил в дом продукты. Сошьёт что-нибудь и повезет на базар – продаст и привезет на телеге картошки, яблок, да не килограммами, а ведрами. Сходит на рыбалку – несет рыбу или раков, а на охоту уйдет в Черниговский лес, то без дичи никогда не возвращается.

В 1929 году родилась младшая дочка Людмила.

Василий Алексеевич устроился на работу на фабрику игрушек ночным сторожем. Одну ночь дежурил и два дня был дома. Стал подрабатывать. Как и прежде шил на заказ. Теперь не нужно было платить государству большой подоходный налог. Жить стало немного легче. Когда младшая дочь Милочка (ее в семье все так звали) подросла, стал приносить на Новый год с работы игрушечных кукол, кукол уже было много, а вот кровати для них не было. И Милочка всё просила у папы, чтобы он принёс и детскую кровать.

Ольга Ивановна устроилась работать на почту почтальоном. Разносила газеты по улицам Красюковки. Придет домой, даст дочке Милочке газету и попросит ее отнести в соседский дом к Микенасу. Это был добрый сосед. От него Милочка всегда приходила с полным подолом яблок. Старшие дети ловили в речке Корбухе наволочкой от подушки мелкую рыбешку, играли в лапту, «чижика» от Огородной улицы до самой Песошки (там был песчаный карьер, где брали песок для городских нужд). В огороде росли две большие липы и Василий Алексеевич приладил к стволу из веревки качели. Это занятие очень нравилось детворе. Покачаться на качелях очень любила племянница Ольги Ивановны - Ниночка, Нина Николаевна Морозова (дочка родной сестры Марии Ивановны Никулиной). Ей пошел уже 92 год, но она до сих пор помнит качели. Жила она в то время на Березовом переулке. Детвора очень любила ягоды Ирги. Большой куст рос около лип. Дети нарвут полную пригоршню ягод и едят. Уже и язык весь темного цвета, а глаза у всех довольные. Дети оставались одни, в то время как родители работали и однажды старший сын Сергей полез на забор и поранил себе брюхо. Ольга Ивановна ушла из-за детей с работы и занялась полностью их воспитанием и хозяйством.

22 июня 1941 года в семью Ильинских пришла Великая Отечественная война.

8 июля 1941 года братья Ильинские Василий Алексеевич и Сергей Алексеевич были уже не призывного возраста для службы в армии и записались добровольцами в народное ополчение. Ольга Ивановна с детьми успела только увидеть прощальный взмах кепкой. И её любимого мужа электричка увезла в Москву. Там братья Ильинские были зачислены в 9 дивизию народного ополчения Кировского района г. Москвы. По ночным притих-

шим улицам Москворечья, а затем по Садовому кольцу на старое Калужское шоссе шли на запад полки дивизии к первому месту своей дислокации в районе Архангельского. Шли, одетые пока в гражданскую одежду, пели сразу запомнившуюся песню В.И.Лебедева – Кумача на музыку Б.А.Александрова «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой». 9 июля 1941 года после 28-ми километрового марша полки дивизии пришли на место. (Альбом Памяти).

Василий Алексеевич прислал два письма с фронта с точным адресом: Первый стрелковый полк, действующая Красная Армия, 3 пулемётная рота. Полевая станция №931.

139 сд должна была сменить дивизию, находящуюся в окопах несколько недель без смены. К вечеру 29 сентября 1941 года дивизия подошла к переднему краю, а в ночь на 30 сентября началась смена. При этом допустили ошибку – 1300 полк к ночи не подошёл к переднему краю. Командир полка, таким образом, не успев провести смену за ночь, начал производить утром на рассвете. Противник находился на небольшой высоте, быстро заметил большое скопление людей, и тот момент, когда роты 1300 полка начали выходить из леса, немцы открыли миномётный огонь. (По воспоминаниям М.Э.Фидельмана). У деревни Леоново (под г. Ельня) Смоленской области 1300 стрелковый полк понёс столь значительные потери, что в утро 30 сентября 1941 года фактически перестал существовать. Остался жив боец Рябухин Пётр Матвеевич, который встретился в плену с братьями Ильинскими. Он предложил совершить побег, но Василий Алексеевич очень ослаб и бежать не смог (у него открылась язва желудка). Рябухину удалось убежать из плена, а судьба братьев Ильинских до сих пор неизвестна.

Оба сына Ольги Ивановны были призваны на фронт.

С Ольгой Ивановной дома остались две дочери Ирина (15 лет) и Людмила (11 лет). Сначала продали или поменяли на базаре вещи на еду, потом Ольга Ивановна стала ездить в д. Бужаниново и обшивать людей, получая за свою работу продукты. Потом на автобусе стала ездить в с. Константиново. Найдёт дом, где нужно обшить семью и остается там жить. Обошьёт всех, получит продукты за работу и ждёт на автобусной остановке свою младшую дочь. Дождётся её, отдаст ей продукты, поцелует, вытрет набравшие слезы со щёк дочки, и отправит обратно домой. А сама стучится в

следующий дом – обшивать другую семью. Младшая дочь окончила только четыре класса.

Так и жили, пока старшая дочь не устроилась работать на «Звездочку». Ей выдали рабочую карточку, и она стала получать паёк. Жить стало полегче.

Летом вырубал огород, ягоды и грибы из Черниговского леса. Там же брали и дрова для растопки печи.

Вскоре Ольга Ивановна стала пускать квартирантов на постой.

9 мая 1945 года Великая Отечественная Война окончилась. Вернулись с фронта сыновья Ольги Ивановны Сергей и Алексей. Оба награждены орденами и медалями за боевые заслуги.

Сын Сергей взял в жёны квартирантку Веру Рябухину, родную сестру бойца Рябухина Петра Матвеевича, который принес в дом Ильинских известие о пленении мужа и отца - Ильинского Василия Алексеевича. Сергей сделал из кухни небольшую комнату, и вскоре Ольга Ивановна стала бабушкой. Родился внук Юрий.

Сын Алексей выбрал себе в жёны Анастасию Андрианову и построил комнату из сеней. У них родились два сына – Валентин и Александр.

Дочери Ирина и Людмила вышли замуж и ушли из родительского дома жить к мужьям Ростиславу и Николаю. У Ирины родились два сына Евгений и Андрей, а у младшей Милочки родилась дочь Татьяна и сын Александр.

И стала Ольга Ивановна «богатой» бабушкой. Дом, который построил Ильинский Василий Алексеевич на Карбушинской набережной, наполнился звонкими детскими голосами пяти внуков и внучки. Родители их работали, и бабушка Оля приглядывала за детворой. Отдыхать было некогда.

Но вот и оба сына получили своё жильё и уехали из родительского дома. Ольга Ивановна осталась в доме одна, уезжать из своего дома к детям она не хотела и стала опять пускать квартирантов на постой. В маленькой комнате за печкой поселился приветливый милиционер Виктор. Он читал ей по вечерам книги. Так пролетели годы.

Старенькая стала Ольга Ивановна. Оденет на нос очки, повяжет голову вязанкой, и сидит на скамейке у своего дома около речки Корбуха, а у ног лежит чёрно-белая собака по кличке «Жулик». А в 1976 году по состоянию здоровья Ольга Ивановна переехала жить к своей младшей дочери. Сидит, бывало в кресле – маленькая, тихая, с очень добрыми глазами и о чем-то думает. Только вот я, её внучка, не додумалась поподробнее расспросить о её житье-бытие. Так и остались многие факты её жизни загадкой для меня.

Ольга Ивановна Ильинская (Никулина) умерла 2 декабря 1976 года на 83 году жизни.

На имя Ольги Ивановны Ильинской в январе 1947 года пришло извещение о том, что её муж красноармеец Ильинский Василий Алексеевич находясь на фронте пропал без вести в декабре 1941 года и до сих пор дальнейшая судьба его неизвестна.

Русаков Анатолий Васильевич

Отец, не вернулся с войны...

Семья Русаковых переехала в Сергиев Посад (тогда Загорск) в 1932 году. Вместе с родителями купили небольшой дом №7 на Пионерской улице. К этому моменту у Василия Григорьевича и Анны Васильевны было двое детей: Николай 1929 г.р. и только что родившаяся в 1931 году Людмила. Глава семьи был мастером на все руки: портняжничал, мог валять валенки. Стал работать на только что образовавшейся Скобянке такелажником, затем механиком. В 1937 году у Русаковых родилась дочь Антонина, а уже в сентябре злосчастливого 1941 года – сын Анатолий.

В эвакуацию отец решил не ехать: все равно на фронт. Так и случилось: он ушел в армию в феврале 1942 года. Успел прислать открытку с дороги и одно письмо, в котором сообщал, что ему вручили пулемет, и завтра они вступают в бой. А в июле 1942 года В.Г.Русаков пропал без вести.

Ох, и хлебнула горя его жена, оставшаяся с четырьмя детьми на руках! С младшим, почти грудным, нянчилась Людмила, она до сих пор считает Анатолия своим старшим сыном. Из-за него пропустила год учебы в школе.

В своей книге А.В.Русаков так описывает свое детство, хотя это уже не совсем война, а следующие за ней годы. «Мать продала и обменяла на продукты всё, что было в доме из скудного скраба... Спасая нас от голода, придумывала практически из ничего какую-нибудь еду... Особенно вкусным был крапивный суп. Купили козу, молоком которой можно было «забелить» этот суп. Крапиву собирали в овраге рядом с Уточьей башней.

Постоянное, не проходящее чувство голода. Чтобы заработать лишнюю копейку, мать бралась за любую работу: стирала на людей, копала землю. А дети помогали ей: копали, стояли в очередях, ходили в лес за грибами, за ягодами, за дровами (дров купить было невозможно).

И все-таки они выстояли. Старший, Анатолий, поступил в военное училище и впоследствии дослужился до подполковника. Его сын Владимир тоже выбрал военную стезю и тоже стал подполковником. Сестра Владимира, Ирина, живет на Украине. Людмила Васильевна, старшая из дочерей, будучи опорой семьи, не имела возможности получить хорошее образование. В 16 лет она пошла работать на тот же ЗЭМЗ, что и отец, окончила двухлетние курсы мастеров и освоила профессию копировщицы. Заведовала копировальным бюро на заводе, а позднее перешла в Институт игрушки. Она вышла замуж, родила сына Виктора (он окончил Лесотехнический институт). Младшей дочери, Антонине Васильевне, уже после замужества, удалось выучиться в вечернем техникуме в Лозе. Она может похвастаться тем, что её дочь Галина, живущая в Москве, преподаватель физкультуры, в 2014 году стала «Учителем года».

Младшему из семьи, Анатолию Васильевичу Русакову, достался несгибаемый характер матери. Трудная жизнь воспитала в нем чувство ответственности, а остальное добавили библиотека и хорошие книги. «Путь наверх» у Анатолия Васильевича не был простым. Уличное детство, неудачи в школе, служба в армии, но – поступление в МГУ... Однако ранняя женитьба и необходимость обеспечивать семью, в которой родилась дочь Татьяна (впоследствии она окончила МГУ, исторический факультет), эти обстоятельства заставили прервать учебу и срочно искать работу.

В ряды Советской милиции Русаков попал довольно случайно, но, как оказалось, точно. И прослужил там, что называется, «верой и правдой» многие годы, отдавая работе всего себя и все свои силы. Окончил Академию МВД. С 1984 по 1987 годы Анатолий Васильевич возглавлял Загорский ОВД. Позднее – Совет ветеранов района. А.В.Русаков является Почетным гражданином Сергиево-Посадского района, председателем Совета ветеранов УМВД. Таким сыном отец, конечно, гордился бы. Впрочем, как и всеми остальными детьми.

...Отец с войны не вернулся. Но дети выросли и состоялись. Жаль только, что голодное и холодное начало жизни сильно сказалось на представителях славной семьи Русаковых. Пожелаем всем им здоровья.

Автор Татьяна Шпанькова. Из газеты «Краеведческий вестник» от 25.05.2016 г.

Рыбаков Иван Алексеевич

Заслуженный деятель искусств России, член Союза писателей России. Награжден «Золотой пальмой» Международной Европейской организацией «Партнёрство ради прогресса», Ницца, 1996 г.

Я родился в 1941 году, когда уже началась война. До восьми лет рос без отца, а мама моя, Мария Кузьминична, целыми днями пропадала на скотном дворе, ходила за бурёнками. Домой приходила очень поздно, кормила меня и ласково приговаривала: «Белобрысенький, ты мой, ну, иди, иди спать, уже пора и я намаялась за день». Мне она вспоминается энергичной и сильной, в валенках и в телогрейке.

Говорит мне матушка: «Сыночек,
Свет ученье, доброму подмога.
В жизни самый праведный урок,
Трудовая честная дорога.
И ещё, Христом, тебя прошу.
Не теряй любви к родному краю.
До сих пор слова её ношу,
Словно книгу мудрую читаю.

Нашим детским кумиром в деревне был дядя Митя Золкин. Нас, детвору, как магнитом, тянуло к нему. Он часто пел песню:

Чёрный ворон, чёрный ворон,
Что ты вьёшься надо мной?
Иль мою погибель чуешь?
Чёрный ворон, я не твой.

От него-то мы по-настоящему и узнали, что такое война.

-Какая бы война, -говорил он, это всегда людское горе; большой человеческий грех, зло, которому нет оправдания; война может унести всё: и твой дом, и твою жизнь и близких и дорогих тебе людей, и жизни стариков, как вот я, и детей, как вы... Никому нет от неё пощады, она делает человека несчастным, бедным, нищим, никаким...

-Видите, какой я перед вами, - это всё война подкосила, падлюка. Выучитесь, будете умными, - продолжал Золкин – пойдёте по земле нашей своими ногами, без мамок и папок, у кого они ещё остались, и будете кричать, насколько хватит силёнок, мол, люди! Остановитесь! Посмотрите на мир Божий, как он хорош! Живите, люди мирно, не деритесь друг с другом и не воюйте. На земле всем хватит места! Кричать надо, надо кричать. Один - не

воин. Одного сразу убьют, а вот двоих, или троих – хуже. А тыща, миллион?! Все заодно – и будет мир. Счастливая жизнь будет на земле.

Два небольших материала: «Налоги» и «Колхозное собрание» относят нас к послевоенным годам (1949-1950 г.г.).

Налоги

В первый школьный год я узнал о дедушке Ленине, который дал нам всем новую жизнь и ведёт в светлое будущее, в коммунизм. Ему помогает самый добрый друг детей, товарищ Сталин. Он вывел деревню из нищеты, победил в войне и стал самым главным в нашей стране. Так говорили нам учителя, то же шептали на уши и дома.

За поздним вечерним чаем матушка обычно рассказывала бабе Степаниде о том, как много надо «отдавать Сталину».

«Как это отдавать Сталину?» - спрашивал я, на что она отвечала:

«Как же, пришло время, Ваня, надо сдавать налог; Сталин – наш вождь и учитель, он руководит всем народом и армия у него в руках, а там ребята, которые просят ежедневно и молочка, и яичка, и картошки... Армия – наша защитница, победила же она немца, победит и другого врага, который посмеет на нас напасть. Вот и получается, каждый колхозник должен сдать в государство, Сталину, и картошку, и яйца, и молоко, и шерстку с овец. Из шерсти ткнут сукно, а из сукна того шьют шинели для солдатиков. Вот оно што. Надо, стало быть, надо, а то придут, заберут и всю живность и тебя отправят туда, где Макар овец не пас».

«А где Макар овец не пас, ма-а?»

«Далеко на севере, в Сибири», - спокойно отвечала матушка.

До рассказа матери о налоге, который нужен товарищу Сталину, и что нельзя его, Сталина ругать за то, что он берёт у колхозников (иначе далеко увезут), я не обращал внимания на незнакомых мужиков и баб, которые ездили в деревню собирать налоги; думал, что так и надо. Особенно обращал на себя еженедельный ритуал сбора молока.

За молоком приезжал сборщик налога на лошади, запряжённой в двухбортовую телегу, на которой стояли блестящие молочные фляги. Телегу ставили посреди слободы и все, кто держали коров, приносили ведрами свежее (утренней дойки) молоко, выливали его в мерный бидон и налоговый отмерял в своём журнале и в «молочной книжке» сдатчика количество литров сданного продукта. Вместе с тем он же специальной бумажкой определял жирность молока, без которой, бывало, молоко не принимали, потому что жирность меньше двух с половиной процентов. Все эти нормы, журналы и книжки мне ни о чём не говорили, только сам процесс имел какую-то необъяснимую привлекательность, потому я всегда и «свал нос» туда, куда не полагается, за что не раз получал от грузного дяди хороший щелбан по лбу.

**Налог в послевоенные годы платили натурой: молоком, яйцом, мясом, овощами и т.п.*

Колхозное собрание

Осенью состоялось колхозное собрание, на котором переизбирали председателя колхоза «Маяк» и обсуждали туенядское поведение жительницы нашей деревни Чубаковой Валентины, Таничкиной мамы. Собрание, как всегда, проходило в просторной избе Дедка, деда Алексея. Нам, пацанам, такие собрания являлись каким-то праздником и мы, забираясь в тёмный угол или устраиваясь между ног мужиков и баб, с тихим сапом слушали, о чём говорили собравшиеся.

В пахнущей щами избе, мужики курили, а бабы «грызли семечки». Поговаривали в догадках о новом председателе. Безногий Тряпкин перестал, мол, интересоваться районные власти, к тому же он беспартийный. Высокое руководство намерено предложить колхозникам коммуниста Григория Калинина, работающего заведующим нефтебазой. Гришку Калинина из ближней деревни Алмазово знали хорошо, но выдвигать на пост председателя не хотели. По сему случаю приехал в деревню представитель из районного центра.

Пока человек из района говорил о политической обстановке в стране, о гигантской работе на благо мира вождя всего прогрессивного человечества товарища Сталина, о трудовых достижениях и недостатках, об упущениях, которые допустил председатель колхоза товарищ Тряпкин, мужики, скручивая из газетных полос «козьи ножки» и пуская «коромыслом дым», недвусмысленно бубнили между собой о том, куда, мол, Гришка лезет, «чево ему не хватает, коммунисту, мать его за ногу!»

Кто-то из первого ряда спросил ведущего:

«В чём упущения Тряпкина?»

Тот незамедлительно ответил: «Он бросил свою семью и сошёлся с другой женщиной, допустил аморальный поступок».

Обсуждать аморальный поступок не стали и перешли к голосованию.

«Кто за то, чтобы председателем избрать коммуниста Калинина? – выкрикнул в дымовую завесу представитель района, - прошу поднять руки.»

Мне было жаль дядю Колю. Что такого плохого он сделал, если его одного не приняла жена и он сошёлся с другой, которая его полюбила? А он ведь такой добрый, отзывчивый и работающий! Нас, пацанов, уважает. Вся деревня им гордится. Зачем же переизбирать дядю Колю? Я смотрел из своего уголка на моего учителя и видел как он переживает, то и дело вытирая испарину с высокого лба. Дядя Коля, дядя Коля, что же с тобой теперь будет? Мысли мои роились вокруг хороших дел этого человека, которого так, ни за что, решили лишить самого дорогого, работы. Куда он с одной ногой – то? И я, вдруг, представив его нищим, захныкал.

«Кто это там ревёт? – гаркнул на всю избу райкомовец, от чего я вздрогнул и замолчал.

«Да это же Ванятка. Что с тобой, милый?» - бросилась ко мне Галка

«Дядю Колю жалко!» - твёрдо ответил я и в растерянных чувствах убежал в сени.

Мать последовала за мной, долго успокаивала меня и, успокоив, вернулась назад к собранию.

Колхозники, переглядываясь друг с другом, медленно поднимали руки. Не подняла руку только мать Танечки, она не состояла в колхозе. Её привёл на собрание участковый милиционер Алексей Мерзаков, чтобы обсудить миром поведение гражданки Чубаковой Валентины.

Тётя Валя, как сказал Мерзаков, не работает в колхозе, ведёт не нормальный образ жизни. А, кто не работает, тот не ест, - так учит нас товарищ Сталин. Спрашивается, где же она берёт средства на жизнь и воспитание своей дочери? На этот вопрос он сам и ответил: «Тунеядствует, стало быть». И в конце своей непонятной путаной речи предложил собранию: «Либо Чубакова будет вступать в колхоз и работать, либо её придётся отправить, куда следует».

Последние слова возмутили мужиков и особенно, - баб. Баба Нюра, (Краснуха), вскочила со своего места и, размахивая руками, закричала:

«Куда ты её метишь, Олёха? В Сибирь что ли? Она вона, какую дочь растит! В школе отличница и одета неплохо».

«Что ты орёшь дурниной!» - одёрнула её Галка.

«Вот то-то и оно, что неплохо, - оправдывался милиционер, - А где она берёт средства-то, чтобы неплохо одевать дочь и самой наряжаться? У халей, наверное. Посмотрите, сколько шоферни у её дома крутится. Просто так что ли? Куда там! Знаем, што шоферня возит ей: платочки, носочки, косыночки, сапожки... А она этот товарец-то, куда? Вам, бабам. Вы и рады последние гроши отдавать этой спекулянтке. Чей на тебе платок-то хороший такой, не от неё ли, не от Валентины разве?»

Из своего дальнего угла, в котором я сидел «тише воды, ниже травы», заметил я, как сникла тётя Нюра, опустила голову и тихо произнесла:

«Может оно и так, да только в Сибирь-то её зачем? Муж на войне погиб, дочь, школьница. Помилуй, Господи! Я против».

«Ты против, а другие как? – продолжал настаивать на своём Мерзаков, - Пусть скажет тогда, будет она работать в колхозе, откажется от своих шашней с шофернёй, от спекуляции и б.....ва, тогда посмотрим! Правильно я говорю?» - обратился он к новому председателю, дяде Грише. Тот утвердительно кивнул головой и добавил:

«Валентина, скажи собранию, что ты думаешь делать, будешь работать, как все, в колхозе или, понимаешь, придётся тебя привлечь!»

Тётя Валя медленно встала и прошла к столу, где сидели дядя Гриша, представитель из района и милиционер Мерзаков. Она повернулась к людям; на побелевшем лице её я не заметил ни страха, ни улыбки, с какой она всегда приходила в наш дом. В продыmlённой избе вдруг сделалось так тихо, что появился звон в ушах, под потолочной матицей что-то хрустнуло.

«Вот что скажу я вам, дорогие мои соседи – земляки и уважаемые власти, - бойко начала тётя Валя и продолжала, - не работала я в колхозе и не буду гнуть хребет свой за ваши палочки с раннего утра и до позднего вечера. Что мне от колхоза? Ничего мне от него не надо. Мне дочь надо поднимать! А каково одной-то?!»

Трое, сидящих за столом, поочерёдно перебивали её вопросами, на что она постоянно отвечала:

«Нет!» «Не надо!» «Не буду вступать в колхоз!»

Сколько не крутили, не мучили вопросами, сколько не убеждали, не пугали выселением, тётя Валя стояла на своём. Наконец, встал представитель района и твёрдым, как гром, голосом произнёс:

«Товарищи колхозники, давайте голосовать! Кто за то, чтобы выселить гражданку Чубакову из деревни на поселение, прошу поднять руки?»

Слова его поколебали колхозников, изба зашумела, зашипели мужики, испугались бабы, а он предупредил:

«Кто будет против, тот пособник тунеядству, ханжеству, спекуляции, тот против линии товарища Сталина!»

Люди приутихли и потихоньку медленно потянули руки вверх.

«Кто против? Нет. А ты, что против, Мария Кузьминична?» - обратился он к матушке, на что она ответила:

«Я не против линии Сталина, я не хочу, чтобы Валентину отправляли из деревни; она корнями вросла в эту землю. Знаю, не сегодня, завтра одумается, поймёт, будет работать в колхозе.»

«Хорошо! – оборвал её райкомовец, - По большинству голосов принимается предложение о выселении Чубаковой Валентины Ивановны из колхоза «Маяк».»

Шумной толпой все стали выходить на улицу. Тётя Валя вышла в сопровождении милиционера Мерзакова. Рядом шла, держась за её руку, ничего не понимавшая Танечка,

В проулке домов Дедка и Краснухи стояла чёрного цвета со спицами в колёсах открытая машина. Тётя Валя с Танечкой в сопровождении милиционера и нового председателя колхоза пошли через проезжую дорогу в свой дом. Пока они ходили к Чубаковым в дом, мужики, раскручивая самокрутки, сгрудились в одной части Красной площадки у дома Дедка, бабы – в другой. Там и тут о чём-то говорили, что-то обсуждали; говорили тихо, чтобы не слышали «доносчики», о которых в деревне знали, но помалкивали. Доносчиками слыли Иван-Болтун и Степан Рисунов.

Ни у кого уже не оставалось сомнения, ни у мужиков, ни у баб, что тётю Валю с Танечкой посадят в стоявшую поодаль машину и увезут из деревни. Никто из деревенских не расходился, все ждали прихода выселенки. Наконец, тётя Валя появилась с двумя чемоданами на перевес через плечо; Танечка шла рядом с плюшевым мишкой в руке. Мерзаков указал ей на сто-

явшую машину, но она подошла к бабам, поставила на землю чемоданы и, вся в слезах, стала прощаться, подходя с протянутыми руками к каждой. Одних она обнимала, другим только подавала руку.

Подойдя к мужикам, тётя Валя сказала:

«Не поминайте лихом!»

«С Богом, Валентина?» - отвечали мужики.

К моей матери она подошла в последнюю очередь, где рядышком, совсем разбитый от волнения, стоял я.

«Ну, Маруся, вот и кончилась наша с тобой дружба, - обнимая мать, говорила тётя Валя, - прощай, дорогая, и прости, коли что было у нас не так; Бог даст вернусь назад, своя-то земля, как мать родная.»

«Может, ещё образумится всё, - успокаивала её моя мать, - они там в районе подумают да и решат оставить тебя.»

«Нет, Маруся, навряд ли? На всё воля Божья, с ними шутки плохи!» - зарыдала тётя Валя.

Мать моя тоже всплакнула, а Танечка подошла ко мне и с дрожью в голосе, заплаканная, протянула мне мишку.

«Это тебе, чтобы не забывал», - сказала она и чмокнула меня в щёку.

«Вас увезут туда, где Макар овец не пас?» - спросил я.

«Не знаю». - ответила она.

Я не стерпел и пустил слезу.

Их посадили в машину и по пыльной дороге повезли в сторону Константинова.

Из открытой машины Танечка долго махала нам руками, что-то кричала, но шум мотора и ветер не дали услышать её последних прощальных слов.

«Прощай, Танечка, - полушёпотом сказал я себе, утирая рукавом слёзы, - прощай!».

Дома матушка поведала бабе, как всё происходило и как она не решилась поднять руки за выселение Валентины, на что та сказала:

«А ты, Маруся, не подумала, что они и тебя станут трясти, если не из-за колхоза, то из-за меня: мол, почему, на каком основании, держишь у себя приживалку?»

«Што у тебя держу из-за барыша что ли? - отвечала мать, - Ты одинокая престарелая женщина. не способная к работе в колхозе из-за слепоты. Пусть они тебя определяют куда-нибудь? Фигу! Ничего они нам не сделают. В колхозе я работаю от зари и до зари, у меня Ваня на руках. Куда мне его? На улицу? Штобы испортился. Нет, дорогая, ты делаешь доброе дело и это тебе зачтётся, а мне, - што не бросила человека, приняла, обогрела.»

Я слушал их долгие разговоры и думал о Танечке. Как она там будет в далёком краю, в чужой деревне, без девчонок и ребят, и мне становилось не по себе; мне было безумно жалко мою первую подружку.

Из повести «Детство Ванятки»

Пленные. Серёжа и грачи

Игры с Танечкой продолжались до тех пор, пока баба не отвела меня на край деревни, в дом, где жил мальчик по имени Серёжа. Когда я спросил бабу, почему меня отвели к Серёже, она сказала, что Танечку стали водить к девочке, с которой она играла ещё раньше, до меня. Зимними морозными днями я чаще бывал у Серёжи; с Танечкой же встречался редко и лишь тёплым солнечным летом изредка играли в садике.

В этом садике перед домов, который назывался палисадником, росли разные цветочки, кусты сирени, бузины; гуляли горластые петухи и куры. Он находился в тени и там в жаркие дни всегда стояла прохлада. Туда и к колодцу перед домом в жаркий летний полдень прошли оборванные и запыхавшие от утомительной просёлочной дороги непонятные нам люди. Их было много, целая вереница тянулась на всю слободу; понурые, измождённые, они говорили между собой на непонятном нам языке. По сторонам колонны шли хорошо одетые чистенькие с ружьями в руках солдатики. «Пленных немцев ведут», - сказала баба. Солдат с ружьём попросил у ней ведро, чтобы дать напиток людям. Баба вынесла ведро. Немцы пили сдержанно, передавая ведро из рук в руки.

Тогда один из толпы подошёл к нам и стал что-то говорить по-своему. Затем протянул руку к моей головке, чтобы погладить, и улыбаясь, сказал: «Какой хороший девочка.» Баба ответила ему, что это, мол, не девочка, а мальчик и тот в изумлении повторил за бабой: «Мал-чик», киндер., - глаза его покраснели и из них брызнули слёзы. «Какой хороший мал-чик,» - отступив от загородки, на последок произнёс немецкий солдат и скрылся в толпе, мерно идущей по пыльной дороге куда-то вдаль.

Шла война. Перед нашими домами то и дело, и днём и ночью, проходили с ружьями люди, катили машины с пушками, гремели страшные (от них дрожала земля) танки.

Меня теперь всё больше увлекал Серёжа. У него были ещё братья старше его годами, их было, кажется, четверо. Всех их в деревне звали крайние, а его маму взрослые называли крайнухой. Оказалось, что с Серёжей мы были погодки. Братья его увлекались техникой: старший Фёдор уже «умел рулить» на машине, и ему иногда доверяли деревенскую «полуторку». Там, под крыльцом дома, валялись во множестве какие-то непонятные железяки, зубчатые шестерёнки и колёса, тяжёлые «железные палки» - оси, - всё, что мне приходилось видеть впервые. Знойными летними днями в подкрылечной тени нам всегда хорошо игралось «в машины», «в трактора», «в солдаты и танки»...

В избе у крайних меня сначала пугала, а затем стала постепенно привлекать большая красивая тётя с ребёнком в большой раме; перед ней на цепочке висела чашечка с красным огоньком. У Серёжи от рождения была «Заячья губа», от чего он картавил и гнусавил, плохо, едва понятно, выговаривал, а из раздвоенной верхней губы вылетал часто вместо слов свист. Он держал меня за руку и высвистывал: «Не бойся, это мамка меня дейжит; она наисована; это – боинька, не бойся, он добвый.»

Иногда из дома взрослые куда-то уходили, оставляя нас одних. Тогда давали нам толстенную книгу с красочными картинками, где сидели тоже боженьки – «боиньки», некоторые из них были с крылышками, летали.

Однажды нам стало не по себе (уж очень долго никто не возвращался), нам надоело играть и рассматривать картинки. Тогда мы вышли на крыльцо; в лицо пахнул тёплый ветерок, а в глаза ударил яркий солнечный свет. От радости мы рассмеялись и, весело прыгая по ступенькам, спустились на землю. «Пошли в юг», - предложил Серёжа. «В луг?» – переспросил его я. «В юг, да!» - твёрдо сказал он. И мы пошли в луг, который расстилался сразу за домом. Мы думали, что взрослые там в лугу косят траву, но там никого не было.

Увлёкшись поисками Серёжиной мамки, мы незаметно зашли в гороховое поле. Горох цвёл белорозовым цветом. Путаясь в его вьющихся стеблях, мы то и дело падали и ползали на четвереньках, вставали и снова падали. Нам казалось, что выбраться из этих пут невозможно. Мы испугались и заревели; ревели, как только могли, насколько позволяли силёнки. Кругом никого не было, отчаяние овладело нами..., и тут увидели мы старшего брата Серёжи, Сашу, которого почему-то все звали не Саша, а СашаI, ударяя на последний звук. Так его называл и Серёжа: «СашаI, СашаI.» - закричал он. И тот в несколько прыжков очутился около нас, спасая «от верной гибели» как сказал он Серёжиной мамке, которая потом отругала и хорошенько отстегала моего дружка его штанишками, оказавшимися мокрыми. Меня отправили домой с бабой, которая, по - видимому, знала о нашей беде и оказалась тут как тут.

Шалили мы много и нас поэтому возлюбили ребята постарше, чтобы по возможности прикрывать свои проступки, ссылаясь частенько на нас, на несмышлёнышей. Они стали брать нас на свои сходки и однажды увезли на полutorке в кузове по грязной просёлочной дороге далеко за деревню и катали до позднего вечера. Баба моя, Степанида, с ног сбилась и матушка уже пришла с работы, а меня всё нет и нет. Вот и получил я тогда, как помню себя, первую в жизни хорошую взбучку: побила меня матушка по заднице тряпичным ремешком. Я не плакал, а только лишь всхлипывал и причитал: «Ма –а, ма – а, я больше не буду..., не бу-ду!» До некоторой поры не убежал я далеко от дома, - теперь все игры и шалости происходили в пределах Серёжиной избы и нашего дома.

Неожиданно для себя на одной из стен в большой комнате я увидел фотографии в чёрных рамках со стеклом. На одной из них сидел дед с бородой и рядом с ним в платочке старушка. По сторонам от этой фотографии висели ещё две: молодая тётенька в пальто и в валенках,, на другой – молодой парень с чёрными кудрявыми волосами.

Мне было интересно узнать, кто изображён на фотографиях. Оказалось, что в центре сидел мой настоящий дед с моей родной бабушкой Татьяной Васильевной, которая умерла, «когда меня ещё не было на свете». Тётя, стоящая у ворот, - моя мать, а молодой мужчина, изображенный по грудь, мой дядя, Иван, который умер до моего рождения и в честь которого дед пожелал назвать и меня.

Тогда и понял я, что баба Степанида, нянька моя, это другая бабушка, которую матушка с дедом приняли в наш дом, потому что она была одинокой.

На краю деревни, напротив крайнего дома, стояли огромные вековые в три человеческих обхвата ивы, вёклы. Их мощные ветви, переплетались между собой, образовывали красивые зелёные шапки. Там, среди ветвей, почти под шапками, свили себе небывалых размеров гнёзда многочисленные грачи. Нам, малышам, гнёзда те, представлялись каким-то необыкновенным чудом – селением горластых птиц; по – детски мы думали, что там живёт старый – престарый грачиный дед – хозяин всего птичьего семейства.

Осенью грачи куда-то улетали и на вершине одной из самых крупных вётел иногда замечали мы большую чёрную птицу, которая сильно и страшно кричала. «Вот он старый грачиный дед.» - говорил я Серёже, а он поправлял меня, картавя: «Воин!»

«Какой воин? – удивлялся я, - воин на войне.»

Наше понятие о большой чёрной птице переходило в продолжительный спор, который разрешался участием взрослых. «Воин, - это ворон,» - перевёл мне с Серёжиного языка Саша. И я узнал, что ворон не живёт в грачиных гнёздах, что он летает над лесами, полями, долами, целыми днями летает, устаёт, садиться на дерево и кричит, говорит о том, что скоро «придёт» снег. Снег действительно скоро «пришёл» и тогда ещё одно понятие поселилось в моей головке, а сердечко по-другому стало стучать и как - бы говорило: «Запомни, ворон прилетит, принесёт снег.» Ворон заметил я, приносил не только снег, но и дождь. Такое случалось осенью.

Грачи прилетали каждую весну. Ещё лежал перед домами и в огородах снег, но уже звонкие и тяжёлые капли, падая перед окнами, проделывали блестящие зеркальца – лужицы, а дорога начинала чернеть от лошадиного помёта, появлялись чёрные с характерным говорком птицы. Поклевав всё, что оставалось на санном пути, грачи поселялись в своих старых, холодных, местами заснеженных, жилищах и там собирались в большие группы, сильно кричали, сообщая всей деревне о своём возвращении из дальних

странствий. Грачей было так много, что, когда они поднимались всей стаей, то порой закрывали яркий солнечный свет. С появлением грачей солнышко стало пригревать сильнее и на подоконниках оживали домашние цветы, в междурамье окон шевелились сонные мухи, воробьи стайками облетали кусты сирени в палисаднике, а моя любимая кошка беспечно спала в люльке. Люлька долго висела у нас в красной избе, до той поры, пока мне не надоело каждый раз забираться под её полог с подставленного дедом стула.

В весенние дни, когда начали пахать землю, грачи ходили по свежеспаванным отвалам, как небольшие чёрные человечки, что-то выискивали там, постоянно мотая головками. По вечерам и по утрам они поднимали невыносимой силы грай, так, что не возможно было спокойно разговаривать.

Летом грачи отправляли деревню ко сну и будили её с первыми лучами солнца. Раньше всех просыпался пастух; слышался резкий хлопок его кнута, раскрывались скотные ворота. В грачином гаме тонули хриплые голоса полусонных неповоротливых коров и резвых овец. Деревня оживала. Взрослые уходили на работу в колхозное поле, мы же оставались наедине с собой и могли делать всё, что заблагорассудится. Нас, молокососов, частенько оставляли на попечение взрослых ребят и они из-за лени или из чувства собственного достоинства, заставляли нас делать то, что сами не хотели. Когда нам с Серёжей было уже годика по четыре они научили нас лазать по вётам, снимать грачиные яйца. На ветле большого дерева среди громадных гнёзд я чувствовал себя спокойно и благобно. Радость необыкновенная наполняла всё моё существо, от головы до ног, руки свободно двигались, голос был чистый, звонкий. С высоты виделись широкие дали, новые ранее неизвестные предметы, среди которых особое место занимали маленькие домики и деревья, извилистая речушка и зелёный в цветах луг.

Так узнал я, что там, вдаль такие же деревни, только они поменьше, чем наша; наша деревня большая, больше, чем те, которые открывались с высоты. Саша сказал нам, что те деревни и дома такие же, как у нас, только они далеко и поэтому кажутся небольшими.

Солнечными летними днями мы почти не слезали с грачиных гнёзд, лежали на серых громадах из сучьев рядом с желтоклювыми грачатами, любовались, как грачихи – мамы кормили их красными червяками. Оттуда видели мы всю деревню: кто идёт к колодцу за водой, кто пошёл по пыльной дороге куда-то вдаль, куда поехала полуторка, кто косит траву или пашет на лошади... От наших глаз не скрывалось ничто, - всё мы видели, всё знали, только понимали маловато и это было и нам и взрослым на пользу.

Случалось, что нас не могли разыскать и «днем с огнём», как выражались взрослые, и только Саша знал, где нас надо искать.

«Вон они, грачи, на гнёздах.» - улыбаясь, показывал пальцем Серёжин брат. Кто мог туда забраться, чтобы нас снять? Никто. Вот мы и загордились тем, что нас стали называть «грачами».

Постепенно птенцы подросли, их стали обучать подниматься на крылья, а на нас, непрошенных гостей, старые грачи начали налетать и даже клюнули Серёжу в лоб, отчего у него появилась шишка, которая «сидела» там чуть ли не всё лето. Мы перестали лазить к грачам.

Рябинина Антонина Александровна

Военврач, прихожанка Васильевской церкви

Мамино благословение

Папа мой, Рябинин Александр Дмитриевич, окончил Московский Императорский университет, фармацевтический факультет, он был провизором. А мамочка моя, Рябинина Екатерина Андреевна, была акушеркой. У папы отец был священником, и папа тоже сначала окончил духовную семинарию, знал латинский язык. Только образованных людей принимали в Императорский университет. Папа закончил университет в 1915 году. Он долгое время работал управляющим аптекой. Жил в разных местах. А во время учебы работал в Москве, в аптеке известного тогда немца Феррейна на улице Никольской, которая выходит на Красную площадь. И воспринял хорошую школу, потому что немцы во всем аккуратные, точные и скрупулезные.

Мамин дед, мой прадед, был оспопрививатель. У нас в роду такая медицинская стезя. Папины сестры вышли замуж за священников. А мамыны сестры окончили в большинстве фельдшерско-акушерское училище. История маминого рода очень интересная.

Мамин дед, Андрей Данилович, жил в Шенкурске Архангельской губернии. Сам он был грамотный, знал хорошо русский и греческий язык, служил в городской управе. В свое время туда приезжал царь. Примерно в 1835-м году это было. Царем тогда был Александр II, Освободитель. Рядом с Шенкурском был монастырь, и царские особы туда часто приезжали. В монастыре кто-то находился из Романовых. На берегу реки Веги огромные валуны лежали, на некоторых валунах даже высекали имена Романовых, там захороненных. Царь от железной дороги из Архангельска со свитой добирался на лошадях. И все жители Шенкурска высыпали на улицы встречать Самодержца. И с городскими властями дед встречал царя в первых рядах. У царя вдруг пал конь. И мой дед сразу сообразил предложить царю коня.

Когда царь уезжал, то увозил с собой из монастырской библиотеки много летописей, где говорилось о Романовых. А летописи написаны были на древнем славянском языке, который мой дед прекрасно знал. Царь поинтересовался, нет ли в Шенкурске переводчика. И ему представили

дедушку, Андрея Даниловича Боголепова (такая и девичья фамилия у моей мамы). Царь сразу узнал его, запомнил того, кто ему коня дал. И предложил поехать с ним в Москву, в Кремль. Дед склонился в поклоне перед царем, согласился ехать. И целый год в Кремле переводил эти летописи для Романовых. За труды царь щедро наградил его. И ещё царь подарил ему часы с дарственной надписью. Кроме этого дал ему ещё большую сумму денег. Вернувшись в Шенкурск, дед построил себе хороший дом. А ещё во время царской встречи дед присмотрел мою бабушку. Так началась семья Боголеповых.

Сама я окончила Первый Московский медицинский институт в 1943 году. Это тяжелое было время – голод, холод, бомбежки. Аудитории учебные не отапливались.

Так как моя мама была очень религиозна, сильно молилась за меня, трижды я в опасные минуты жизни осталась невредимой, хотя была на грани жизни и смерти. Только я не сразу поняла, что это помогли мне мамыны молитвы.

Первый случай был такой. Я ещё совсем мало проработала. Было очень холодное время. И нам в выходной день разрешили пойти на рынок купить себе что-нибудь. Я только на рынок зашла, как мне кричат: «Военврача Рябинину срочно в госпиталь, у неё умирает больная!» Я в ужасе – что случилось? Мы, конечно, лечили в госпиталях не только военных, но и гражданских. И ко мне попала женщина с ранением бедра. Я накладывала гипс, женщина к тому моменту была уже в стадии выздоровления, и вдруг умирает. Это же ЧП! А я еще была девчонка совсем – 22 года, только институт окончила. Мне моя заведующая говорит: «Тебе военный трибунал грозит и расстрел! Если не найдется уважительная причина, почему умерла твоя больная». Что же дальше произошло? В блиндаже мы вскрывали трупы. Такой порядок, надо было установить обязательно причину смерти. Вскрываю, ничего не нахожу, а замерзли руки сильно, очень холодно было, - поздняя осень. Сама вся замерзла, но хныкать я не привыкла, в любом горе сожмусь в комок и даже не плачу. Стою, в груди ком, меня трясет всю, не знаю, что делать. А в руках я держала специальный полукруглый нож, который, наверное, от холода, выскользнул у меня из рук. Упал он на труп возле горла. Смотрю, нож-то шевелится. Думаю, что за галлюцинации такие? Наверное, на нервной почве. Наклоняюсь и вижу в горле, куда упал нож, - целый ком аскаридов (глисты такие есть). Они в комок закрутились и задушили женщину. Представляете, если бы нож не выпал из замерзших рук и не рассек сильнее разрез, я бы не смогла установить настоящую причину смерти и оправдаться, тогда меня бы по военному времени расстреляли!

Второй случай был такой. Стояла первая линия обороны, рядом наш госпиталь. С поля боя раненых доставляли прямо к нам в госпиталь. Вдруг к нам привезли немцев. Им надо оказать помощь, нас обязало правительст-

во, значит, их надо лечить. Конечно, с камнем на душе, но мы все делали, как положено. И вот в одну прекрасную ночь – ужасный шум. Мы вскакиваем – что случилось? В госпиталь приехали к нам военные, спрашивают: «Все живы, никого не убили?» Спросонья-то мы ничего не понимаем. Оказывается, оставшиеся в живых немцы напали на госпитали (недалеко от нашего ещё два таких было). А немцы знали, что в нашем лечат раненых немцев и не тронули госпиталь. А в других госпиталях уничтожили всех – и раненых, и сестер, и врачей.

И третий случай. У нас была передислокация. Меня направили во второй эшелон отвезти документы. И вот мы с тем медэкспертом, который подтвердил мою невиновность в первом случае, отправились вместе на машине. Вдруг начался обстрел. Шофера сразу убили. Если бы я добиралась одна, меня бы пристрелили. Медэксперт понял, что я девчонка неопытная, перекинул меня за борт машины, сам спрыгнул и кричит: «Беги за мной!» Мы быстро побежали и спрятались во ржи. Нас заметили и минометами давай строчить в нас. А он-то уже хорошую армейскую подготовку прошел. Благодаря ему мы доползли до леса и остались живы. А у меня уже сил нет. Тогда он хватает меня за руку и тянет: «Бежим!» И мы всё бежим, в нас уже не стреляют, но мы задыхаемся и все равно бежим. И нам повезло, выскочили мы на наш танковый батальон.

А потом, когда я все это вспоминала, - ведь целых три раза я была на грани жизни и смерти, - я поняла, что это мамочка моя за меня молилась, и её молитва меня спасла. Помню, как мама меня перекрестила перед отправкой на фронт, и на войне я была всегда с маминым благословением. Вот так!

Рябова Людмила Ильинична

О первом дне

Был тёплый светлый день. Воскресенье. Выходной. Дом наш чуть вдали от дороги находился на «Кировке». Там была большая площадка, на которой мы (дети) всегда собирались. Однажды мы были удивлены тому, что всю площадку заняли наши отцы. Нас это очень заинтересовало и мы стали прислушиваться к их разговору. Удивило нас в основном то, что уж очень они были серьезные. Из их разговора мы поняли, что будут какие-то карточки. Нас это очень обрадовало и мы побежали в парк играть, обсуждая по дороге, кто что оденет для фотографирования. Вечером мы все узнали, что на нашу страну напали немцы.

Началась совсем другая жизнь. Отцы, не дожидаясь повестки, ушли в военкомат. Собирали всех мужчин на сборном пункте. Много людей пришло проводить своих мужей и отцов. Вместе со всеми были и мы с братом. Мама была в положении, в животе у нее был Мишенька пятимесячный. Все

плакали, махали руками, а солдаты были уже все в форме и шли твердым шагом. Немец был где-то рядом. На следующий день по нашей улице шли четким строем солдаты. Мы, ребятишки стали писать им записки, в которых писали: «Бейте гадов, не допускайте их до нас. Желаем вам быть здоровыми, сильными и вернуться домой с победой». После войны один из этих солдат, которому попала моя записка, разыскал меня и сказал, что моя записка спасла его. Немцы наш город не бомбили, но самолеты их иногда летали над городом. Тогда выделили дежурных, которые по очереди сидели ночью на крыше дома, на случай, если сбросят бомбу, ее затушить.

Но Бог нас миловал.

Мы, дети, смотрели, как прожекторами ловили и гнали немецкие самолеты.

Вблизи же я увидела немецкий самолет в деревне Лобково, где жила бабушка, мамина мама. Идем мы с бабушкой по деревне и слышим гул самолета, смотрим - летят прямо над головой. Бабушка успела от страха прыгнуть в канаву и молиться.

Я же стою на дороге. А они прямо над головой. Удивили меня на брюхе самолета черные, здоровые кресты. Подлетели к «Дворикам» и стали расстреливать стадо коров, их пригоняли из других деревень. В это время моя мама лежала на родильном столе, гильзы сыпались на стальную крышу больницы. Все разбежались, а мама одна родила Мишу. У нее отнялись ноги и пропало молоко.

Мишенька рос искусственником. Мы все ему жевали еду, складывали в марлю и в ротик. Вырастили такого бутуза, что не каждый мог его поднять.

Потом наступила долгожданная Победа!

Саблина Тамара Сергеевна

Две мамы

У нас со старшей сестрой Галей было две мамы. У первой мамы, Анастасии Ильиничны, мы были родные дочки, а у второй-приемные.

Наша первая мама родом из станицы Новохоперской (теперь город Новохоперск). Мой отец, Саблин Сергей Павлович, в гражданскую войну воевал в тех местах, где и встретил нашу маму. Это была любовь с первого взгляда. Закончилась гражданская война, они приехали в г.Тулу к папиной старшей сестре и стали у нее жить. Отец работал на Тульском оружейном заводе, а мама медсестрой в роддоме.

Отец вступил в партию и закончил высшие партийные курсы. После этого он получил назначение в Шеметово для организации первой МТС. Жилье мы получили в Константинове на школьной улице, где был построен дом на 3 семьи.

Моя первая мама была очень талантлива. Она одна из 3-х сестер в те времена сумела получить медицинское образование. Она шила нам с сестрой нарядные платья, вышивала, варила вкусные обеды. Она очень любила отца и нас, а мы любили ее.

К сожалению, она очень рано умерла, в свои 38 лет, и мы остались одни. Так мы жили год. Старшая сестра училась в третьем классе, а я ходила в детский сад.

Обедать мы ходили в столовую, а стирала и убиралась у нас одна пожилая женщина.

Через год отец познакомился с молодой учительницей, которая приехала к нам после окончания института. Ей было 28 лет, а отцу - 40.

Так у нас появилась вторая мама, Саблина Матрена Иосифовна. Она была родом с Урала. У них с братом рано умерли родители, и они воспитывались в детском доме, потом рабфак, Московский пединститут и затем распределение. Так она стала работать в Константиновской средней школе преподавателем русского языка и литературы. Она выпустила свой первый 10 класс в 1941 году.

И тут грянула война... Осенью отец был призван на фронт, и мы остались одни. Первого января 1941 года у нас появилась маленькая сестра Людмила.

Мы стали приспосабливаться к новой тяжелой жизни. Начали заниматься хозяйством, раскопали огород. Никогда не забуду, как мама варила маленькую картошку в самоваре, и делила между нами поровну. Мы ездили на санках за дровами в перелесок. Все лето мама и старшая сестра работали в колхозе: дергали лен, вязали снопы, копали картошку, за это при расчете, получали семена, картошку, свеклу и немного денег. Я тоже помогала им. Отец писал очень хорошие письма с фронта. Я очень жалею о том, что при пожаре все сгорело и ничего не сохранилось. Мы были приучены к любому труду: носили воду из колодца, кололи дрова, пасти коз и нянчили младшую сестру. Мы с сестрой благодарим судьбу за то, что не попали в детдом. Ведь нас могли разлучить и мы бы никогда не нашли друг друга.

Когда война закончилась, отца не сразу отпустили домой, он вернулся в 1947 году весной. В это время я закончила 7 классов, а сестра - 10. Она поступила в Московский институт железнодорожного транспорта, а я в Ногинское педучилище.

Каждый месяц отец посылал по почте нам с сестрой по 100 рублей он ни разу не забыл о нас, и мама никогда не была против. Все хорошее мы старались перенять у обеих матерей и за это мы им очень благодарны. Сейчас нас 4 сестры. Со всеми мы поддерживаем хорошие отношения. Родные, не родные - для нас никакой разницы не существует. Мы все родные и свято чтим память о наших родителях.

Салагина Валентина Сергеевна

Наша мама, Салагина Агриппина Тимофеевна 1907 года рождения, уроженка Владимирской области, дер. Григорово.

В годы Великой Отечественной войны мы проживали в городе Краснозаводске в доме без удобств с печным отоплением.

В сентябре 1941 года отец, Салагин Сергей Филиппович, был призван в ряды Советской Армии и ушел на защиту Родины от фашистских захватчиков. Мама во время войны ездила строить оборонительные укрепления близ города Дмитров, чтобы враг не подошел к Москве и тем самым был отбит. Мама осталась с 5-ю детьми, самой младшей сестре Лидии было 6 месяцев.

Трудное это было время, голодное и холодное. Мы, дети войны, выжили, как могли. Летом ходили в лес за ягодами и грибами, рвали щавель и кислицу и из них варили суп.

Зимой старшие братья Слава и Саша в возрасте 10-11 лет ездили в лес за дровами и топили печь, чтобы согреться.

Чтобы не умереть с голоду, мама выполняла тяжелую физическую работу по разгрузке вагонов с зерном и приносила немного домой, чтобы накормить нас хоть чуть-чуть, не досыта. Сама не доедала. Несмотря на все тяготы и трудности военных лет, мы дети войны, выросли настоящими людьми, получили высшее образование.

Старшая сестра Аня (1928) - педагог, ветеран войны, отличник просвещения СССР. И по сей день занимается воспитанием подрастающего поколения, дает мудрые жизненные советы.

Когда началась война, мне, Вале (1934), было 7 лет и я пошла в 1 класс. Желание учиться было огромное. Тетрадей, бумаги не было, но в школу всегда хотелось идти. Одежду донашивала старшей сестры. Была пионеркой и комсомолкой. Закончив школу, пошла учиться в техникум, потом в институт. Продолжила учебу в аспирантуре и стала кандидатом сельскохозяйственных наук.

Младшая сестра Лида (1941) закончила Казанский химико-технологический институт заочно.

Наша мама была награждена медалью «Материнская слава - !!! СССР». Мы брали и берем пример с нашей мамы, гордимся ею, помним и никогда не забудем ее героизм и мужество в воспитании детей в трудные годы войны.

Самохин Сергей Васильевич

Стихи посвящены 30-летию Победы

Эхо войны

30 лет по земле бродит эхо войны,
30 лет ноют старые раны,
30 памятных лет, срок большой для страны,
30 лет боль таят ветераны.
По полям, по горам,
По бескрайним степям
Бродит эхо войны,
Пережив поколение.
Не затихнет никак,
Не погаснет никак,
В многотысячном отражении.
До сих пор вдовы ждут ненаглядных мужей,
Ждет парнишка отца
С поля праведной битвы,
Сколько слез, сколько горя,
Бессонных ночей, за коротеньким словом – убиты.
Стерла раны земля,
Распустились весной
Молодые деревья зеленые,
Но стоят среди них
С головою седой тополя,
Все свинцом иссеченные.
Бродит эхо войны по лесам, по сердцам,
Не боится оно быть невстреченным,
По деревням, по селам, большим городам,
По заросшим фашистским мететинам.
Всколыхнется оно в дни великих торжеств
И наполнится новой силой,
И печатая шаг, как военный оркестр,
Вновь пройдет по Великой России.
Снова Брест –
Превратившийся в уголь кирпич.
Снова память о жизнях,
Разбитых снарядами.
Киев, Минск и Смоленск.
Снова пламенный клич,
Снова стоны над Бабьими ярами,

Видно, так повелось,
Видно, Нужно нам так,
Чтоб о том не забыть нам ни на мгновение,
30 лет по земле бродит память солдат,
Бродит эхо войны, пережив поколение.

Мне тридцать лет! Родился я тогда,
Когда земля моя огнем горела.
Когда пришла на нас фашистская орда
И сердце матери моей окаменело.
Но мы росли всем ста смертям назло.
Росли, не поиграв в игрушки,
И вместо колыбельных песен
Мы слушали раскаты пушек.
Росли здоровыми, не клянча ничего,
Нам, что могли, и так все отдавали.
И знать тогда мы не могли того,
Что в этот час отцы нас защищали.
Стояли насмерть! Рушили броню,
Давили ненавистных, черных гадов.
И отдавали жизни в том бою
За то, чтоб нам не видеть этих адов.
И отстояли, миновали нас
Нависшие над нами беды,
И вот теперь я сам уже отец,
Я праздную прекрасный День Победы!
Хочу в чудесный этот день
Поздравить всех и низко поклониться
Всем вам, кто защищал меня,
И не позволил надо мной врагу глумиться.

**Ветеранам Ордена Трудового Красного Знамени завода,
ковавшим победу в далекой Сибири,
посвящается**

Пришла война, пришла из-за угла,
Ударила, как из кулацкого обреза,
И грохотом наполнилась земля,
И черным стало голубое небо.
Разбитые я вижу города
И домика несхваченного кладку.
Нет, не забыть мне, видно, никогда
Окаменевшую от горести солдатку.

Нет, не забыть, не вычеркнуть, не выжать
Из памяти погибших тех бойцов.
Не мог их знать я, но всех я вижу
Немеркнувшею памятью отцов.
Я помню, как в степи горели хаты,
Я помню, как не стало тишины,
Я помню неизвестного солдата,
Погибшего в тот первый день войны.
Я помню год, когда ржавели косы,
Не скошены остались все хлеба,
Когда заводы встали на колеса,
Не захотев работать на врага.
Заводы уходили на восток.

Есть у войны жестокие законы.
Закон суров – подай в кратчайший срок
Оружие и боеприпасов эшелоны.
Одень, обуй, дай в руки автомат,
Вложи в него и мужество, и силу.
Рабочий ты, но ты еще солдат –
На верность Родине присягу приносил ты.
От сильного мороза суппорт стыл.
Работал, когда время твое вышло.
И становился фронтом дальний тыл,
На фронте этом не было затишья.
На долю выпало твою
Немало тягот и лишений,
Но ты – солдат, ты, как в бою,
В бою не может быть сомнений.
Медаль за бой, медаль за труд –
Из одного металла льют.
Ты знал всегда, что стяг Победы
Давно уж руки твои ткнут.
Быть верным твердости отцов –
Такое есть у нас решенье.
Рабочей гордостью твоей
Горжусь и я – завода моего второе поколение.

Семёнова Анна Степановна

Родилась я 20 октября 1925 года в Тамбовской области. Детство мне досталось тяжелое. Было нас в семье пятеро детей. Отец наш умер рано. Трое братьев ушли в армию, а мы с мамой и сестрой в 1934-м году переехали в Краснозаводск. Жили в бараке. Было очень тяжело. Испытали голод, холод и много других невзгод, но выжили. В 1941 году пошла работать на завод. Работала в 8-й мастерской четвёртого цеха. Сутками не выходила с завода. Кроме того, в годы войны нас, молодежь, посылали на лесозаготовки. Позже, ездили от завода в Суздаль - в колхоз на картошку и сажали помидоры. За свой труд во время войны и в послевоенные годы была награждена десятью медалями. Сейчас из моей родительской семьи осталась я одна, долгожительница. Но я не чувствую себя одинокой. У меня две прекрасные дочери, четверо внуков, трое правнуков. Я очень счастлива, и очень хочется пожить ещё подольше.

Из газеты «Краснозаводские новости» от 25.11.2015 г.

Севян Роза Викторовна

Я родилась в городе Степанакерте Нагорно-Карабахской области в Азербайджане. Мой папа Орлов Виктор Кириллович, а мама - Зайцева Анна Даниловна. Они венчались в церкви и потом уехали на Кавказ. Папа преподавал в школе русский язык и литературу. Мама была малограмотная, она окончила только два класса. У них родился сын, но вскоре умер, а в 1934 году родилась я. Мои родители вскоре разошлись и меня отправила мама к бабушке в деревню в Пензенскую область, где я прожила до 1940 года. Здесь меня окрестили. В 1940 году мама увезла меня в Азербайджан и там она вышла замуж за Фионова Павла, которого я сразу назвала папой. Он никогда не обижал меня.

В 1941 году началась война, и отчим ушел на фронт, также как и мой родной отец, погибший на Курской дуге (он был танкистом).

В этом же году я пошла в школу. В 1942 году мы, школьники, задержали человека, оказавшегося диверсантом: он подавал сигналы немцам при налетах. К нам на урок вошли директор школы и двое военных, нас, кто принимал участие в задержании, пригласили выйти к доске и рассказали о нашем поступке, потом подарили булочки и сахар, которых мы давно не видели и поэтому сильно обрадовались.

В 1944 году мою маму арестовали, а мы дети (мама родила десятир-ных детей) остались одни. Утром в школе учительница сказала ученикам, чтобы со мной не разговаривали, поскольку я - дочь врага народа. Я убежала домой и две недели не ходила в школу. Вдруг подъехала машина, из нее выходят мама и военные. Они сказали, что все хорошо, оставили продукты и уехали. Маму устроили на работу, а учительницу уволили.

Я окончила девять классов, десятый кончала в вечерней школе, а днем работала на Гидрометеостанции лаборанткой. После окончания курсов, меня направили работать начальником метеостанции, где я проработала до 1957 года и потом решила ехать на освоение целинных земель (на целину, как тогда говорили). Здесь встретила свою любовь, и у меня родилась дочь. В 1959 году вернулась к родителям в Сумгаит и поступила на работу на химический завод кладовщиком, а потом лаборанткой. Вышла замуж за Григория, и у нас родился сын Александр. После развода я уехала с детьми к родным моего родного отца. Тети меня любили и жалели, что не взяли раньше меня у моей мамы и не дали мне возможность учиться и получить высшее образование.

Уже 38 лет, как я живу в Хотькове, сначала работала в доме отдыха «Хотьково» кассиром, потом в Митинском Сельсовете по сбору налогов. В 1989 году ушла на заслуженный отдых, потом ухаживала за больными людьми, сначала за родственником, а потом за женщиной в поселке Мостовик. Здесь начала выступать в клубе, исполняя романсы и стихотворения.

В настоящее время живу в деревне Жучки и участвую в хоре на поселке Мостовик. Моя дочь и ее семья умерли, остался один сын. Хочется пожелать ему здоровья, потому что он единственный кормилец семьи.

Хочется сказать, что война лишила меня нормального детства и не хочется, чтобы другие прошли через такие испытания, как я.

Сидоров Николай Сергеевич

Моя мама, Сидорова (Кумскова в девичестве) Клавдия Тимофеевна родом из Сталинградской области, была участником Великой Отечественной войны. Боевые награды: медали «За освобождение Сталинграда», «За взятие Праги», «За взятие Берлина», орден «Великой Отечественной войны» I степени.

Молодой девушкой в 19 лет её призвали на фронт – шла Великая Отечественная война. Когда она рассказывала нам про свой боевой путь, у неё всегда наворачивались слезы: на войне было очень трудно – горько терять своих боевых товарищей.

Вот её рассказ.

«Весной 1942г. 300 девушек из нашего района закончили курсы комбайнёров. А в мае 1942г. меня призвали на фронт на курсы шоферов в г.Камышин под Сталинградом. Так я стала шофёром авиационного обеспечения 205 батальона 8 авиационной армии.

23 августа 1942г. немецкие танки подошли к Сталинграду. Шли ожесточённые бои. К началу Сталинградской битвы противник имел превосходство над советскими войсками в самолётах более чем в 2 раза.

Советское Командование передвинуло резервы Красной Армии к Волге, а также перебросило воздушные силы практически со всей страны в район Сталинграда.

Мне дали полуторку, и на этой машине я подвозила боеприпасы к самолётам. Мы ездили без света, под бомбёжками и обстрелами. Мы обслуживали и эскадрилью Героя Советского Союза Марины Расковой, которая состояла из одних женщин. Их называли «Ночные ведьмы», ими было проведено 23672 боевых вылета, по 8-9 вылетов за ночь. Не приходилось спать и нам, надо было своевременно подвозить боеприпасы к самолётам.

Усилием всей страны вражеский план был сорван. Победа в Сталинградской битве стала переломным моментом в войне. Вспоминаются очень тяжёлые бои под Прохоровкой на Курской Дуге. Мой боевой путь проходил по Польше. Кабина моей машины была вся прострелена: из леса летели пули.

В день 9 мая 1945г. я была дневальной. Победа! Победа! Были радость и слёзы, пели песни. Но для меня война не закончилась, ещё целый месяц шли бои в Австрии за Вену. И только в августе 1945г. я прибыла на родину. В Урюпинске я поступила в физкультурный техникум, там же познакомилась со своим будущим мужем, Сидо-

ровым Сергеем Ивановичем, также участником ВОВ. Он был шофером, прошёл Финский фронт, в Ленинградскую блокаду по Ладоге вывозил людей, дошёл до Берлина».

Мой отец, Сидоров Сергей Иванович, родился в деревне Геронтьёво Сергиевского уезда Московской губернии. С Финской войны не демобилизовываясь, сразу был направлен на Ленинградский фронт. Был шофером в 190-й отдельной автотороте подвоза 109 стрелковой Ленинградской Краснознаменной дивизии.

Характеристика из наградного листа: «За весь период службы проявил себя дисциплинированным товарищем, не имеющим ни одного правонарушения. Хороший специалист, заботливо и бережно относится к своей машине. Машина всегда находится в технической исправности. Много проработал в период наступательных операций, начиная от стен Ленинграда и до острова Эльзе по подвозке боеприпасов, продовольствия и вывозке раненых с поля боя.

Товарищ Сидоров только в Финляндии и на Эльбе вывез с поля боя 375 человек раненых солдат и офицеров. При передислокации дивизии с острова Даго до местечка Павлистье Латвийской ССР тов.Сидоров много проработал на подвозке прод.фуража и вооружения частям дивизии и перевозке подразделений. Его машина прошла только с 1 по 22 мая 1945 года 3500 км.

За добросовестное отношение к выполнению всех распоряжений командования и сохранение машины тов.Сидоров достоин правительственной награды орден «Красная Звезда».

Кроме ордена «Красная Звезда» отец награжден медалью «За оборону Ленинграда» и медалью «За отвагу».

В нашей семье есть ещё одна участница Великой Отечественной войны, сестра отца, Сидорова Татьяна Ивановна, 1917 г.р. До войны работала на заводе №11 г.Краснозаводска. Не была эвакуирована вместе с заводом в начале войны. Вместо этого её направили копать окопы под Москвой на случай, если немцы прорвут оборону. Рано утром за ними в деревню приезжал автобус и поздно ночью они возвращались домой.

Тетя является участницей трудового фронта.

Силаков Михаил Валентинович

Моя бабушка, Бахирева Елизавета Ильинична, родилась в начале 20-го века в деревне Крапивье под Суздалем, в небогатой крестьянской семье. Её отец, Макаров Илья Иванович, занимался отхожим промыслом – работал в Москве каменщиком летом, а на зиму возвращался домой. Родители моей бабушки умерли рано и почти одновременно, скорее всего, от тифа, в годы империалистической войны. Их дети – четверо дочерей, остались сиротами. Жили бедно, но, каждая в свое время, вышли замуж и стали жить в мужниных семьях. К тридцатым годам бабушка перебралась жить в Суздаль. Муж работал начальником районной зоотехники. В семье было четверо детей: Люба, Миша, Надя, Валя. Валя, моя мама, родилась в 1937 году. В этом же году глава семьи Гаврил Ефимович был обвинён во вредительстве и осужден. Бабушка осталась с четырьмя детьми без средств к существованию.

На тот момент она не работала. А на работу ее как «врага народа», брать боялись. Помог младший брат мужа Абрам Ефимович. Он жил одиноко, работал зоотехником на конезаводе в соседнем городе Гаврилов Посаде. Копил деньги на дом. Эти деньги он отдал семье брата. Года через два, мой дед Гаврил был оправдан и отпущен на свободу. Вернулся домой больной. Его вновь взяли на работу, но работать он почти не мог – все время болел, лежал в больницах, то в Суздале, то в Иваново. Его не станет где-то в начале войны.

Моя бабушка, как и большинство женщин нашей страны, осталась с детьми на руках без мужниной поддержки. Половина мужчин Суздаля ушли на фронт, а в близлежащих сёлах мужиков не осталось вовсе.

Работу в городе было найти невозможно, приходилось выдумывать, как найти средства к существованию. Помогал огород – выращивали помидоры и огурцы. Их потом продавали в Иваново. Работа трудная, огород нужно было полить и прополоть. Занимались этим всей семьей. Моя мама вспоминает, что у неё тоже была норма прополки. Правда, она часто сделать её не успевала, заигрывалась с жучками в грядках – ведь она была маленькая. Средняя сестра Надя обижалась: «Вон Валька сидит, ничего не делает», а мама, помогая младшей, отвечала: «Да что ты Наденька, вот у неё всё и готово». Так в работе и воспитывались дочери. Старшая дочь Люба поступила в медицинский институт в Иваново. Жила на квартире. Пришлось в су-

здальский дом пустить на постой девонок-школьниц из родного села Крапивья. Учились они в Суздале, а зимой возвращаться домой после уроков было трудно. Один раз в день бабушка варила им чугунок картошки,

которую они приносили с собой из деревни. А расплачивались за постой мешочком муки. Этот мешочек и отправляли в Иваново для оплаты жилья старшей дочери Любы.

Дом всегда был полон народа, кроме девонок-квартиранток на постой становились солдаты из переформируемых в Суздале госпиталей. А ухаживала за домом бабушка. Жили голодно, младшая дочь Валя от недоедания болела, и Елизавета Ильинична взялась вязать чулки. Для этого нужно было купить вязальную машину и нитки, что и было сделано. А вязать приходилось по ночам, потому что было нельзя заниматься индивидуальной трудовой деятельностью. За этим следил председатель уличного комитета. У кого ночью горел свет, заглядывал в окна. Всё равно чулки вязались, окрашивались и продавались или обменивались на продукты.

В середине войны, после кончины дедушки, в хозяйстве появилась корова, её привели из деревни сёстры бабушки. Давала молока она немного. Да и большую его часть нужно было сдавать государству. Но детям каждый день доставалась кружка молока. Мама в свои семь лет должна была встречать её из стада, весь путь составлял 3 километра. В 1944 году сына Михаила забрали на фронт. В танкисты.

В 1946 году придет с фронта младший брат мужа, Абрам Ефимович и скажет примерно так: «Елизавета Ильинична, я понимаешь ли, человек немолодой, и найти себе могу в жены вдову с детьми, так зачем я буду воспитывать чужих, когда у меня есть свои. Лиза, выходи за меня». Бабушка согласилась.

Мою бабушку не раз вспоминали за добрые слова и дела разные люди: и моя учительница биологии, Волкова Таисия Александровна – одна из девочек, живших у нее на квартире; и моя мама, ходившая получать паёк хлеба и на обратной дороге отщипывавшая и съедавшая корочку, которую не то что не упрекнули, а даже и вроде не замечали этого; и возможно, пожилой пленный немецкий офицер (потерявший армию под Сталинградом), часто сидевший с конвоиром на берегу Каменки, которому бабушка дала кружку молока, пожалев его; и контуженный русский офицер, к которому из Ленинграда приехала жена, а бабушка отдала им свою комнату и кровать, где

спала с детьми, а сама себе и детям постелила на полу; и, наверное, много других людей, о которых я не знаю.

Вот вроде и все события военного времени в жизни моей бабушки. Всё обыкновенно и даже закончилось все счастливо. Она вырастила троих дочерей – все создали счастливые семьи. Сын вернулся с войны, хоть и раненым, с медалью «За отвагу». Сама вышла замуж за человека, который её любил. Прожила долгую жизнь. Всегда дарила окружающим её людям тепло и заботу, но на этих женщинах держалась наша страна в войну, их сыновья и мужья воевали на фронте, а дочери выросли, родили и воспитали нас с вами. Вот в этом и есть вечное предназначение всех матерей.

Синёва Мария Васильевна

Свеча Памяти

Много утекло воды с тех пор, как закончилась Великая Отечественная война, а в памяти осталось очень много пережитого. Мне шёл тогда шестой годик, когда началась война.

В первые дни забрали на фронт старшего брата Николая, ему было 19 лет. Я помню длинные обозы с молодыми парнями и плачущими женщинами, которые провожали своих близких. Я сидела на повозке,

а мама, рыдая, обнимала брата. Вскоре забрали на фронт папу – Хлопкова Василия Прокофьевича и ещё брата Константина. Трудные дни выпали на

долю мамы, ведь с ней осталось еще пятеро детей. Уходила на работу рано, приходила поздно. Всем детям было дано задание по дому, чтобы к её приходу было всё сделано. На мою долю выпало больше нянчить самого младшего, рожденного в 1941 году. Мы росли и мужали вместе с войной. Холод и голод не обошли нас стороной. Ходили на поле и собирали гнилую, мороженую картошку, тем и выжили. Папа был в плену у немцев, дважды бежал с

товарищем из плена, их ловили и возвращали. На третий раз им удалось убежать. Долго добирались до своих, а когда пришел в дом, мы его не узнали. Это были кожа и кости. Дома немного откормили, поправился и опять забрали на фронт.

Старший брат был танкистом, а второй управлял «Катюшей», был тяжело ранен и контужен. Старший трижды горел в танке, но, слава Богу, пришли с войны все живые. Закончилась война, но не закончились трудности. 1946-47-е года были голодными для нашей семьи, много ртов, а работников мало.

Русский человек силен духом, выстояли и выдержали всё. Пусть не повторится это страшное время никогда. Я призываю старшее поколение воспитывать в нашей молодежи дух патриотизма, доброту и веру в лучшее будущее, уважение к старшим.

Синцорова Светлана Дмитриевна

Вторая мама

Воспоминание об учительнице начальных классов Синцоровой Марии Фроловне

Я хочу рассказать о своей бабушке – Марии Фроловне Синцоровой, потому что моей мамы давно уже нет в живых.

Когда началась война, бабушка жила с семьей в селе Сосновка, Сосновского района, Тамбовской области. В октябре 1941 г. муж ушел на фронт, и она осталась одна с тремя детьми. Работала учительницей начальных классов в сельской школе и в Сосновском детском доме.

На работу Мария Фроловна ездила на велосипеде, повесив учительский портфель на руль, в единственном строгом темно-синем платье.

Во время летних каникул школьники вместе с учительницей работали на колхозных полях: обрабатывали свеклу, морковь, помидоры.

Первые два-три месяца учебного года не учились, а убирали урожай. Весь колхозный урожай – до последней картофелины, до последнего колоска – шел на фронт. Полуголодные, замерзшие дети целыми днями работали на полях.

Я смотрю на старую пожелтевшую фотографию: 1945 год, Мария Фроловна со своими учениками, для которых она была как мама, потому что их родные матери все время работали. Она родилась в 1904 году, на этой фотографии ей всего 41 год – война сильно старила людей.

Воспитанникам детского дома Мария Фроловна тоже заменяла маму. Как мама, она ругала детей, если они ходили зимой без варежек. И до глубокой ночи вязала им варежки и носки, стегала одеяла, а в пять утра уже

вставала топить печь.

Топить печь было нечем, и колхоз разрешал учителям брать бревна, заготовленные перед войной для проведения электричества. Бабушка с санками и пилой ходила за 3 км в Челнавский лесхоз, чтобы отпилить кусок бревна. А потом, разрубив его, топила печь. Разделив еду на троих детей, она пыталась заглушить в себе голод и закуривала самокрутку

из табака, полученного вместе с продуктами за трудодни.

После войны бабушка долго лечилась от истощения. Её старшая дочь в конце войны заболела худосочием (тело покрылось фурункулами) и Мария Фроловна меняла на лук все, что было в доме, и жареным луком её лечила. Когда закончилась война, принесли на шинели больного мужа, и это стало еще одним большим испытанием.

Эта стойкая, героическая женщина выдержала всё... Она умерла в 61 год, прожив тяжелую, короткую жизнь.

О героическом поступке Марии Фроловны в годы войны стало известно только после её смерти, в 1965 году. На похоронах собрались ученики: они пришли из ближних и дальних деревень, приехали из соседних сёл, рабочих посёлков, других городов, чтобы проститься со своей первой учительницей.

На поминках одна из учениц военного времени со слезами на глазах вспоминала, как в 1943 году Мария Фроловна пошла на тяжкое, по тем временам, преступление: когда голодные замерзшие дети убирали на колхозных полях картофель, она пекла на костре картошку и кормила весь класс. И никто из детей не рассказал тогда об этом, не выдал свою учительницу.

Трудно себе представить, на сколько же были голодными дети, чтобы учительница пошла на преступление... А ученики, спустя 22 года, при воспоминании об этом, рыдали...

Мария Фроловна умерла в декабре, и её муж – мой дедушка – каждый день ходил на могилу за несколько километров по пояс в снегу. И там рыдал в голос... Для мужа она тоже была как мама: он рано лишился матери, умершей от тифа в эпидемию 1918 года.

Дедушка ходил на могилу каждый день до самой весны, пока люди не стали ругать его, что он нарушает покой усопшей. Он хранил верность

своей жене до самой смерти, прожив вдовцом 17 лет. И каждый раз, когда вспоминал её, на глазах появлялись слезы.

Ученики бабушки – сейчас уже пожилые люди – до сих пор с теплотой вспоминают свою первую учительницу. Они помнят наизусть весёлые стихи, которые сочиняла Мария Фроловна. И с гордостью говорят, что у всех, кто учился у М.Ф. Синцеровой, очень красивый почерк – и это, на мой взгляд, высшая похвала Учителю.

Смирнова Татьяна Васильевна

«...Но я окончила школу с медалью»

Я родилась 18 февраля 1935 г. в Архангельске и прожила там все военные годы. В начале войны папа занимался подготовкой к эвакуации музея в Геологическом тресте, где он работал. В октябре 1941 г. скоропостижно умер от разрыва сердца. Так что в эвакуацию мы не уехали. Я осталась с мамой и бабушкой. Город не был оккупирован, но оказался в естественной блокаде, когда замерзло Белое море, а железную дорогу разбомбили. Как сейчас стало известно, Архангельск в те годы находился на втором месте после Ленинграда по числу смертей от голода. Помогла нам выжить энергия моей мамы, менявшей на толкучке все, что только было можно, на хлеб. Почему-то были тогда люди, имевшие излишки хлеба. Помогло то, что мамин брат, кадровый офицер, находившийся всю войну на фронте, прислал аттестат на бабушку. И ее прикрепили к магазину, где все же можно было иногда получить не только хлеб, но и другие продукты по карточкам. В конце войны меня, тяжело болевшую, взяла к себе в дом и этим спасла вернувшаяся из эвакуации наша бывшая квартирная хозяйка М.А. Амосова, по национальности коми. И, конечно, своему спасению Архангельск обязан американским поставкам продовольствия, которое стало поступать летом 1943 г.

А школы всю войну работали, хотя часть их была переоборудована под госпитали. Занятия отменяли только в самые сильные морозы. Мама, преподававшая русский язык и литературу в старших классах, сетовала, что почти каждый год эта отмена совпадает со временем изучения Шекспира и Гёте.

Летом 1945 г. мы с мамой уехали из Архангельска – врачи сказали, что нужно переменить климат, иначе следующую зиму я не переживу. Мы уехали в степную местность. Там, в станице Глазуновской Волгоградской области, я училась в школе. После окончания Московского химико-техноло-

гического института имени Д.И. Менделеева была распределена на работу в Загорск, на лакокрасочный завод. Потом работала в НИИ лакокрасочных покрытий (Хотьково), НИИ прикладной химии (Загорск). А последние почти 19 лет была старшим научным сотрудником Сергиево-Посадского историко-художественного музея-заповедника. За эти годы мной опубликовано около 50 научных статей, а также выпущено несколько книг. С августа 2013 г. я на пенсии, но продолжаю заниматься краеведческой работой. Являюсь членом Совета Московского краеведческого общества.

В Хотькове живу с 1958 г.

У меня написаны довольно большие воспоминания о жизни в Архангельске. Сейчас я предлагаю часть из них – то, что помню о школе военных лет.

Война. Школьные годы

Когда началась война, мне было шесть лет. Читать я умела лет с четырех. И еще до войны родители решили учить меня какому-нибудь иностранному языку. Со мной стала заниматься немецким пожилая учительница, работавшая с мамой в одной школе. То, что это было именно до войны, можно установить, что после одного из уроков домашние этой учительницы оживленно обсуждали, как назвать котенка, которого собирались взять. И я приняла в этом участие. Котенка не помню. Может быть, его раздумали брать.

Учительница при мне говорила маме, что мы скоро будем писать ручкой. Запомнилось это необычное для меня выражение – дома говорили «писать пером». Грамматики мы с ней не проходили, но, в общем, учение шло успешно. Какое-то время после начала войны уроки еще продолжались. Потом стало не до того. Мама рассказала дома, что эта немецкая учительница научилась варить студень из сыромятных ремней с добавлением столярного клея.

Через некоторое время мама сказала, что учительница умерла от голода.

Мне было семь лет, когда маме кто-то сказал, что есть место в лагере, можно взять путевку. Мама сомневалась, отпускать ли меня. Я еще дошкольница – тогда учились с восьмью лет. И никогда раньше не оставалась без родных. Но все-таки она меня отпустила – ведь всего на две недели. Решили вопрос чьи-то слова:

– Там кормят творогом и блинами.

По-моему, ни того, ни другого нам в лагере не давали.

Был август 1942 года. Подошло время возвращаться, но из-за бомбежек детей не разрешили везти из лагеря в город. Здание школы, в которой мы спали, пришлось освободить. Нас поместили в закрытой церкви – в ней сделали два этажа. И вот 1 сентября я пошла в первый класс. Учились мы вместе с деревенскими ребятами. Сначала учительница больше обращала

внимание на правила поведения в классе. Мальчикам она велела или подпоясывать рубашки, или заправлять их в штаны. Помню – недовольна была Гогой, жившим в городе в одном дворе со мной, в доме напротив. Он был не в рубашке, а в курточке, немного длиннее пояса. Когда он ее засовывал в штаны, она тут же вылезала. Подпоясать было вообще невозможно.

Еще мы писали палочки. И на дом учительница задала писать палочки. На следующий день оказалось, что я не выполнила домашнего задания. Почему, и сама не знала. Конечно, не было у меня ни стола, ни стула, чтобы писать. Но дело было даже не в этом. Я как-то не соображала, когда же я должна делать это задание. День пролетел так быстро.

И меня учительница еще с несколькими детьми, также провинившимися, оставила в наказание после уроков. Вместо того чтобы писать, я плакала в этом каком-то очень деревянном классе. Настоящее горе. Я ведь не нарочно не сделала урок!

Из лагеря я писала маме письма печатными буквами. И она забеспокоилась – некоторые буквы я стала писать наоборот, например, «я». Пыталась взять меня пораньше, но не получилось. Наконец, детей из лагеря разрешили вернуть. И мама привела меня в первый класс уже в городскую школу. Посадили меня тогда рядом с Тамарой Каракчеевой. Она тоже почему-то была в школе первый день.

С этой девочкой у меня связано еще одно воспоминание. Ее мама работала в пекарне, так что, как сейчас понимаю, она была по тем временам в гораздо лучшем положении, чем большинство. Весной 1944-го она однажды принесла в класс подсолнечных семечек. Они тогда только появились на рынке. До войны я их не видела. Тамара дала мне два семечка, крупных, полосатых. Наверное, в память того, что мы когда-то сидели за одной партией. Дала еще кому-то из девочек. И на чью-то просьбу:

– Дай еще!

Ответила:

– Жирно будет!

Зимой мы шли в школу в кромешной темноте: полярная ночь и затемнение. Не видно было ни зги. В одном месте приходилось делать шаг вверх и метра через два шаг вниз. Это значило: прошли ларек, который летом, до войны, торговал морсом. Жителей домов обязывали вычищать тротуары перед своими домами. А у закрытого ларька, видно, не нашли хозяина. Вот перед ним снег никто и не чистил.

Когда в школе не было электричества, первым уроком наша старенькая учительница Зинаида Николаевна устраивала урок устной арифметики: у одного мальчика было 3 морковки, у другого – 2. Сколько всего морковок? Всё почему-то о съедобных предметах были задачки. И вот, сидя в полной

темноте, мы никогда не шалили, не шумели. Ко второму или третьему уроку немного светало и начиналось чтение или письмо.

Училась я хорошо. Только за одну работу по чистописанию получила «посредственно». Но мне с большим трудом давалась арифметика. Странно, ведь все остальные разделы математики я в дальнейшем понимала легко. Думаю, что большую часть арифметических задач гораздо легче решать алгебраическими методами. А тогда я билась над задачей до тех пор, пока не наступал какой-то предел. Бросала на пол задачник, тетрадь ... Все попытки мамы и бабушки помочь отвергала наотрез. Считала, что это будет нечестно. И за всю жизнь так и не воспользовалась ни разу шпаргалкой или подсказкой. Сейчас на этот счет другой взгляд, и родители даже считают себя обязанными делать домашние задания вместе с детьми (или вместо детей).

А арифметика мне в дальнейшем оказалась очень мало нужна. Только первые четыре правила, таблица умножения да правило пропорций.

С первого класса у нас был предмет «военное дело». Мы изучали устройство противогаза и то, какие бывают бомбы. Учительница объясняла: трубка противогаза называется гофрированная. Считая, что такое слово нам трудно запомнить, предложила:

– Говорите: мятая.

И тут кто-то спросил, зачем она такая. Зинаида Николаевна растерялась:

– Ну, тут воздух тоже очищается.

Правильный ответ я узнала только уже в институте.

Во втором классе уже другая учительница велела всем купить себе противогазы. Этот товар я никогда в жизни в продаже не видела. Никто их, конечно, не приобрел. И бывают ли детские противогазы? Жаль, что и в институте, изучая все тот же противогаз, я не узнала этого. Вот о противогазах для лошадей читала. Видеть, правда, не пришлось.

Но страшен был не противогаз, не вбитое в голову: бомбы бывают трех типов: фугасные, зажигательные и осколочные. Страшной была строевая подготовка. Мы, как мне кажется, часами ходили строем в большом, слабо освещенном зале. И все время был страх позора, если по команде повернешься не через левое, а через правое плечо, или допустишь лишний шаг после команды: «Стой! Ать-два!».

Уже не в Архангельской школе, а позже уроки физкультуры у нас обычно заменялись военным делом. И еще военное дело в институте – четыре года. Потом какие-то сборы и лекции. И я получила звание лейтенанта запаса. Но что значит равняться на грудь четвертого человека, так и не поняла.

Из тех, с кем училась в первом классе, запомнился почему-то мальчик в вязаной бежевой с красной отделкой кофточке. Он сидел где-то сзади. Пом-

ню, что он опоздал, вошел с опухшим от слез лицом и подал учительнице записку. Она прочитала и тихо сказала:

– Иди на место.

Так было не раз. Этих ребят мы ни о чем не расспрашивали.

Кстати, слова «мальчик», «девочка» в Архангельске не были в употреблении. Они встречались только в детских книжках. А в действительности только «парни» и «девки». Пусть ему два года, но он – парень. С парнями можно было драться, можно дразнить их, но разговаривать, тем более, дружить – величайший позор. Может быть, такой суровый и, наверное, давний обычай на Севере объяснялся боязнью ранней любви.

Скоро учительница рассадила нас так, чтобы девочки сидели с мальчиками. Это, чтобы не разговаривали на уроках. И вот в первом классе я бросила вызов общественному мнению – подружилась с Вадимом, которого учительница посадила за одну парту со мной. Мы жили в одном дворе и стали вместе ходить из школы домой. Дразнили нас немилосердно, особенно Тамара, с которой я сидела раньше. Раз, возвращаясь домой, мы случайно ее нагнали. Вадим отдал мне подержать свой портфель и стукнул девчонку по спине. А я подначивала:

– Дай еще, дай еще!

На другой день мы предстали перед учительницей. Она нас ругала и была, конечно, права. Но и я себя чувствовала правой – пусть не дразнится!

С Зинаидой Николаевной связано тяготящее меня до сих пор недоразумение. Как-то через год, когда у нас была уже другая учительница, я встретила на улице Зинаиду Николаевну. Обрадовалась, поздоровалась, чуть ли не за квартал. А она остановила меня и спросила, почему я с ней не здороваюсь. Она не увидела и не услышала моего «Здравствуйте». Я очень огорчилась. С тех пор с людьми, с которыми хочу быть особенно вежливой, здороваюсь в два приема: сначала издали наклоняю голову, а подходя ближе, говорю «Здравствуйте».

Со второго класса у нас было отдельное обучение. Милая старенькая Зинаида Николаевна перешла в мужскую школу. А нашей учительницей стала молодая женщина Мария Васильевна. Она ходила по классу в какой-то куртке или шубке из модного тогда ярко-оранжевого меха. Его почему-то звали обезьяним. Вероятно, искусственный мех.

Мы тогда сидели по три человека за партой, потому что часть школ была занята под госпитали. Возникли даже проблемы посещения уборной: трудно было за время перемены всем успеть ею воспользоваться.

В нашем классе, правда, остался один мальчик, сын школьной буфетчицы. Зачем в то время нужна была буфетчица? Дело в том, что нам во время большой перемены давали по 50 граммов хлеба и ложечку сахарного песка. Наверное, буфетчица – я ее никогда не видела – выдавала учительницам эти продукты, а они уже раздавали детям. Во время войны в Архангельске пекли хлеб не только буханками, но и шанежками, и пирожками. Шанежки, такие же темные, как хлеб, отличались только формой, а серые пирожки были с сюрпризом: внутри была или капля раствора соли, или капля разведенного водой повидла. И по внешнему виду узнать было нельзя, что внутри. Так вот эти шанежки и пирожки были по 100 граммов, так что учительница разрезала их пополам. Кусочек хлеба можно было жевать на уроке долго-долго. И во рту становилось сладко.

Какая буря эмоций поднялась во мне, когда через много лет я увидела, как музейный педагог, рассказывая детям о войне, небрежно резала хлеб. И он то и дело падал на пол!

А однажды перед Первым мая вдруг выдали нам по целой плюшке. Белой! И в нее было насыпано три или четыре ложки песка. Я положила это чудо в муфту и принесла домой.

Мария Васильевна провела в классе опрос, где у кого отец. По алфавитному списку выкликала она каждую девочку. Надо было встать и сказать одно слово, чтобы она могла заполнить соответствующую графу. Ответы были: «На фронте», «Убит», «Умер». Рядом со мной посадили тогда девочку Нину. Она ни с кем не разговаривала. На вопрос ответила:

- Погиб.
 - Помер, – равнодушно поправила учительница.
 - Погиб! – трагически зазвенел голос девочки.
 - Помер, – безапелляционно решила Мария Васильевна.
- Я ни о чем не спросила эту девочку.
Дошла очередь до меня.
- Умер.
 - Помер, – привычно поправила учительница.

Электричества по-прежнему часто не было. Но у нас училась дочь электрика Зоя Котельникова. Я запомнила ее еще и потому, что на вопрос:

- Кем ты хочешь стать?
- Ответила:
- Поваром!

Учительница обращалась к этой девочке, когда не было света. И Зоя голыми руками соединяла какие-то провода. Свет иногда загорался. Как-то обошлось без несчастного случая.

На переменах мы играли. Чаще всего: «Баба сеяла горох, прыг-скок, прыг-скок...». Кто смотрел довоенный фильм «Подкидыш», помнят эту игру.

А мальчишки, по крайней мере, в 1942 году играли в жостку. Я не встречала в литературе упоминания об этой игре. Жосткой назывался маленький кусочек какого-то тяжелого металла, скорее всего, свинца, с прикрепленным к нему кусочком меха, обычно с длинным ворсом, например, кусочек овчины. Игра заключалась в том, что, стоя на одной ноге, другой подбрасывать и подбрасывать жостку. В школе играли на переменах. И эта игра считалась самым большим преступлением. Учителей обязали отбирать жостки. Замеченных в игре вызывали чуть ли не к директору. Грозил исключением.

У мамы даже скопилась небольшая коллекция жосток, которые она вынуждена была по приказанию начальства отнимать у школьников. Я как-то раз достала из ее стола и попробовала подбросить жостку. Ничего не вышло – нужна была хорошая координация движений. Почему эта игра да еще в такое тяжелое время казалась педагогам врагом номер один? До сих пор не понимаю.

Я была, наверное, во втором классе, когда получила письмо от неизвестного мне бойца, лежавшего в госпитале. Писал он мне так, как писал бы девушке. Особенно напирал на то, что если я хочу узнать, откуда он узнал мой адрес, то должна ему ответить.

Я написала: «Дорогой дядя Петя! Сколько Вы убили фашистов?». И так далее. Получила от него еще одно письмо. Он предположил, что я с ним шучу и настаивал, чтобы написала, «с какого я года».

Добросовестно ответила. Было мне 8 или 9 лет. Спрашивала бабушку:

– Разве он не видит по почерку, что маленькая?

Бабушка сказала:

– Другая барышня еще хуже тебя пишет.

Переписка на этом закончилась. Так я и не узнала, где этот «дядя Петя» взял мой адрес. Может, из подарка? Мы посылали подарки на фронт. Полагалось написать обратный адрес, фамилию и имя.

Иногда, читая о военных годах, я встречаюсь с тем, что боец получил от неизвестной ему девушки плитку шоколада или пачку махорки. Мне кажется это невероятным. Откуда мог быть у нас шоколад или табак? Мы посылали совсем ненужные, как я думаю, вещи, например, вышитый кисет для табака или деревянный лакированный мундштук. Один кисет сохранился у меня до сих пор. Наверное, я заболела и не пришла в школу, когда собирали подарки бойцам.

К какому-то празднику в школе велели выучить стихотворение по собственному выбору, чтобы потом прочитать его на утреннике. В

«Пионерской правде» я нашла подходящие, на мой взгляд, стихи и с упоением декламировала их перед бабушкой. В них все время повторялись слова «мечь», «мстить». И вдруг бабушка сказала:

– А ведь мечь это нехорошее чувство.

Я опешила. Ведь стихи напечатаны в газете! Возразить не умела. Собственно не очень-то и понимала, что такое мечь. Но стихи дышали таким пафосом борьбы с врагом! Другие девочки тоже читали «военные» стихи. И только одна Алла, красивая брюнетка со стрижкой «фокстрот», в пушистой белой шубке, – мы все сидели в классе в пальто – прочитала стихотворение «Бабушкин буфет». В нем говорилось о том, сколько варенья, печенья, конфет в бабушкином буфете. Так неожиданно было это выступление. Гордо, не стесняясь, говорила эта девочка такие «довоенные» стихи, что никто ее не высмеял за неподходящую тематику.

Поэтические достоинства прочитанного мной в тот раз стихотворения были, наверное, не велики. Ведь я не помню из них ни одной строчки, хотя легко могу прочитать и сейчас на память несколько десятков детских стихов, которых не учила, с которыми не выступала, а просто читала.

Но вот вопрос о том, хорошее ли чувство мечь, долго беспокоил меня. Помню, что в конце войны мама взволнованно читала бабушке вслух из газеты, что мы пришли в Германию не мстить, что мы не будем разрушать домик Гете в Веймаре и могилу Канта в Кёнигсберге. Привожу эти слова по памяти. Уже взрослой я встретила их еще раз, читая Илью Эренбурга.

Но и сейчас, пожалуй, вопрос о мести я для себя не разрешила.

Елку в школе устраивали обязательно. Порой давали билеты и на елки в других местах. Как-то на зимних каникулах я получила билет в театр. Был какой-то концерт, но что происходило на сцене, не запомнилось. Все представление я переживала резкий ответ гардеробщицы на мой вопрос о том, где получать после спектакля пальто. Восьмилетнему ребенку не так было легко сообразить, что надо будет сверить номер на полученном номерке с указанным в каждом отсеке гардероба диапазоном номеров. Этот поход в театр запомнился еще странным случаем. В темноте зрительного зала ко мне подседа незнакомая женщина и шепотом стала меня расспрашивать. Я забеспокоилась, не знала, как от нее отделаться. Повезло: в середине концерта вдруг почему-то одновременно многие зрители встали и поспешили к выходу. Не знаю причины. Но это помогло мне скрыться. Та особа в суматохе меня потеряла.

Наверное, в наше время покажется странным, что детей отпускали одних. И это в темном и очень голодном городе. Но ведь все матери работали. И я не знаю ни одного случая, чтобы тогда ребенка провожали в школу или еще куда-либо.

Однажды на Новый год я, как отличница, получила билет на елку в Клуб водников. Там давали подарки в кулечках из оберточной бумаги. И вдруг объявили, что, что тот, кто выйдет к елке и станцует, споет или расскажет стихотворение, получит еще один такой же подарок. И правда, три или четыре человека вышли, выступили и получили еще кулек. Я была поражена: откуда дополнительные подарки? Ведь все продукты по карточкам. И на Новый год всегда давали по одному подарку.

Но самое интересное было дальше. Нас повели в другую комнату смотреть кино. В то время уже стали приходиться в Архангельск американские корабли с продовольствием. Это и спасло город от вымирания. Какая-то женщина представила нам американца. Должно быть, он привез фильм. Мультипликационный фильм на английском. Женщина, вероятно, учительница английского, стала переводить. Фильм был про золотую рыбку, которая жила в аквариуме. Но вот однажды, когда наполняли аквариум свежей водой, рыбка попала в трубу, а затем в море. Ослепительные краски – кораллы, водоросли, морские звезды. И вдруг на нее напала какая-то большая рыба. Сейчас проглотит! И тут рыбка проснулась. Оказывается, она просто заснула в своем гроте из камешков, и все это ей приснилось.

Спасибо тебе, американец. Воспоминание об этом фильме я сохранила на всю жизнь.

Во втором классе был такой случай. У одной из девочек что-то пропало. Какой-нибудь пустяк. Ценного-то у нас ничего не было. Подозрение пало на Лёлю С., смуглую, черноволосую школьницу. На перемене девочки проверили ее портфель. Не помню, то ли они велели ей раздеться, то ли она стала раздеваться сама, чтобы снять с себя подозрение.

Она раздевалась и раздевалась. Ведь в классе было холодно, на нас было надето много одежды. Наконец, она стоит босыми ногами на холодном полу. На ней только штанишки, тонкие белые трикотажные штанишки до колен. Сквозь них просвечивает ее смуглое тело. Лелю бьет дрожь. Слышно только ее всхлипывание. Все молчат.

Через много лет в толкучке магазина я, протискиваясь к кассе, ясно увидела, что в моей сумке чья-то рука. Мгновение – рука исчезает. Я успела заметить, что на той женщине ярко-зеленый, модный тогда платок. Могла я схватить ее за руку. Даже когда она вынула руку, могла закричать, схватить за пальто.

Но я не могла этого сделать. Вдруг рука попала в сумку случайно? Или даже не случайно, но женщина не успела взять деньги? Я протиснулась к окну. Разобралась в сумке. Денег не было. Был только ненужный теперь уже чек на новое платье.

Не знаю, удалось ли времени зарубцевать рану в душе Лёли С. Но из моей памяти этот случай не изгладится никогда.

В 1943-м, когда было введено раздельное обучение мальчиков и девочек, у нас появился новый предмет – рукоделие. Чему учили мальчиков, не знаю. Рукоделие превратилось в обучение вышиванию. Зачем вышивать!? Еще идет война. Еще голод и холод. Может быть, хотели в преддверии конца войны создать уют в домах? Мебели, украшений для интерьера тогда, должно быть, не выпускали. И мода на вышивки продолжалась довольно долго. Сначала в почете была гладь, потом – ришелье, а в начале 1950-х годов вся Москва вышивала чехлы диванных подушек болгарским крестом. Мода ушла, когда был налажен выпуск тканей, мебели и т. п. Потом она довольно робко возродилась в одежде.

Летом 1945 года я побывала на выставке лучших школьных работ. Выставка проходила в центре города, в здании, где до войны, кажется, был универмаг. Больше всего там было «настенных» вышивок с изображением корзин вычурной формы, переполненных фруктами, ягодами, цветами, валившимися через край. «Художественная» гладь! Может быть, здесь сказалось влияние дурного вкуса немецких открыток и других вещей, приходивших в посылках из Германии?

Меня во втором классе тоже учили вышивать. Ни гладь, ни ришелье я не освоила, но научилась стебельчатому шву и вышивке крестиком. По рисунку учительницы я вышила контур груши желтой ниткой и контур зеленого листка. Края обработала мережкой. Это называлось – салфетка. Учительница сказала, что вышитые салфетки надо вешать дома на стену. И я потребовала повесить это произведение искусства. Мама тактично пыталась отговорить меня, ссылаясь на то, что салфетки по стенам не развешивают.

– Но ведь учительница сказала!..

И я все же добилась, чтобы грушу повесили над обеденным столом. Помоему, мама страдала из-за этого, пока мы не уехали из Архангельска.

Умение вышивать пригодилось мне в начале 1990-х годов. Была я тогда на пенсии по инвалидности, без права работать. Стала вышивать полотенца, салфетки, подушечки для иголок. Сдавала их в художественный салон. В то время в Сергиев Посад приезжало много иностранцев. Немки охотно покупали вышивки.

В начале третьего класса у меня возникла проблема, как изучать новые предметы: историю, географию, естествознание. Учительница не объяснила. Мама на мой вопрос посоветовала подчеркивать при чтении красным карандашом главное. Никто не подсказал естественный способ при изучении этих предметов, по крайней мере, в начальных классах. Я имею в виду пересказ вслух прочитанного материала. Но учиться в третьем классе мне пришлось только две недели. Меня отправили в детский санаторий на три месяца. Попала я туда слабым ребенком. Нас там не учили. Под конец

я чем-то сильно отравилась. Маме пришлось взять меня домой на санках – идти я не могла. И началась моя тяжелая, моя смертельная болезнь.

Весной стала выходить из дому, но в школу не пошла. Мама не посылала, а самой мне идти не хотелось. Помнила свое непонимание того, как надо изучать новые предметы. Только старалась не встретиться с девочками из своего класса, когда они возвращались из школы.

Летом 1945 года мы с мамой уехали в Волгоградскую область. Мама добилась увольнения, чтобы спасти меня, переменяв климат. Там она хотела записать меня в третий класс, но директор школы предложила посадить меня в четвертый. Сказала, что если уж ничего не будет понимать, переведем в третий. Учиться я сразу стала хорошо. Мама не раз говорила мне:

– Что ты все учишь? Учись на тройки.

Но я окончила школу с медалью.

Собещанская Татьяна Алексеевна

Родилась в декабре 1946 года в городе Воронеже. Он расположен почти в 700 км к югу от Москвы и, как кажется на первый взгляд, мои воспоминания о детстве не имеют никакого отношения к Сергиеву Посаду. Однако, это не совсем так.

Мой отец, Алексей Алексеевич Степашкин, после окончания Московского техникума с 1939 года работал в Загорске на заводе, который в народе называют «Скобянкой». Много лет спустя, прочитав статью в газете «Вперёд» о конструкторе Шлагине, отец рассказал, что работал с ним на одном предприятии до призыва на военную службу. Вскоре началась война. Не будь её, моей малой родиной мог бы стать Загорск, конечно, в том случае, если бы отец полюбил, к примеру, местную хорошую девушку и женился на ней. Но судьба распорядилась иначе.

Мои родители познакомились в победном 1945 году в городе Иваново. Отца не демобилизовали сразу после разгрома фашистов и, как он предполагал, оставили в воинской части, которую готовили к переводу на восток. Война с Японией ещё продолжалась. Но затем международная обстановка изменилась, подразделение, где он служил, расформировали, отец съездил к родителям в Воронеж, а потом, в начале 1946 года вернулся в Иваново к Зое Наместниковой – своей невесте и моей будущей матери.

Они расписались в Ивановском ЗАГСе 24 февраля 1946 года и отправились в Воронеж, где прожили вместе много лет. Когда я после окончания университета оказалась в Подмоскovie, родители переехали сюда, в город, где отец трудился, пусть недолго, в далёкие предвоенные годы.

Мама была моложе отца на 8 лет. Родившись в 1923 году, она встретила войну восемнадцатилетней девушкой. О том, как жилось ей в городе, находившемся довольно далеко от линии фронта, рассказывала редко и скупно, без подробностей. Впрочем, и от отца мало чего слышала. Воспоминания тяжёлые, зачем ворошить прошлое. Как и многие другие родители, они, по моему мнению, щадили детскую психику. Ведь и так следы войны были разбросаны повсюду.

Мы жили тогда в городе, который можно назвать вторым Сталинградом. Основанный Петром Первым, Воронеж раскинулся по обеим сторонам реки Воронеж, которая в годы войны являлась линией фронта более полугода. Правый берег занимали фашисты, на левом располагались части Красной Армии. Можно представить себе, что осталось от городских зданий, заводов и фабрик, парков и скверов после ожесточённых боёв, когда решался гамлетовский вопрос «Быть или не быть».

Бабушка, дедушка, папина сестра Клава со своими детьми – девочками 5 и 10 лет, бежали перед приходом немцев с правого берега, где стоял их дом, на левый берег, туда, где через некоторое время родилась я. Дедушка по возрасту не подлежал призыву на фронт, а остальные мужчины – три сына, среди которых был мой отец, и муж сестры Клавдии – Михаил, воевали в разных местах. Михаил вернулся с фронта, имея обмороженные ноги и какие-то ранения. Бабушке лечила его народными средствами: парила ноги в отваре перепревшего сена из коровника. Я помню, с каким трудом передвигался дядя Миша, опираясь на палочку. Мне совсем маленькой, он казался глубоким стариком, хотя ему не было и пятидесяти. Однажды, гуляя вместе с ним, отошли подальше от дома. Так какая суматоха поднялась: исчезли, заблудились в лесу, который начинался сразу за калиткой. Искали везде, а когда мы вернулись, радости не было конца.

Два папиных брата погибли. Один – в Смоленской области, другой – в Польше, в Варшавском воеводстве. Справки из Подольского архива об их гибели хранятся у нас дома как семейные реликвии.

Другой памятью о войне в годы моего детства были землянки и окопы в лесу, воронки от взрывов снарядов. Одна такая воронка, широкая и глубокая, находилась неподалёку от соседского огорода и в зимнее время служила детишкам горкой. Мы скагивались на санках, картонках вниз и нередко, сталкиваясь друг с другом, расширяли носы. Но особых обид не было.

Хочу заметить, что детей, послевоенных, рождалось много, причём, мальчиков больше, чем девочек. Это подтверждает и статистика. Мальчишки часто играли в войну, ходили в походы, вооружившись палками. Помню, что однажды незнакомый мне мальчик погиб оттого, что у него

в руках разорвалась найденная где-то граната. И нам категорически запретили дотрагиваться до неизвестных предметов. Вдруг они тоже взорвутся.

Ещё одно воспоминание, касающееся обстановки тех лет: по улицам частенько ездил в телеге старьевщик и зычным голосом кричал: «Тряпки, кости, стекло, железо...». А в обмен предлагал глиняные свистульки, шарики на резинке и другие незамысловатые игрушки.

Много времени я с друзьями проводила на улице без присмотра взрослых: родители работали, у бабушки – свои заботы. Играли в салочки, прятки, лапту, в «двенадцать палочек» и другие подвижные игры, среди которых одна имела какое-то «немецкое» название – «штан-дер».

Может от недостатка еды, может – из любопытства мы пробовали на вкус разные травы, растущие тут же – в ближайшем лесу и на полянках. Весной это были напоминающая лук скорода, а также молодые, очищенные от нежных иголок, верхушки побегов сосен и совсем незрелые зелёные шишечки, немного липкие и душистые. Летом с удовольствием лакомились птичьим щавелем, стебельками цветущего дягиля. До сих пор, увидев «зонтики» этого растения, радуюсь, как в детстве. Вкус у очищенных «палочек» замечательный. Осенью мы жарили на костре желуди. Слегка обгоревшие, они теряли присущую им терпкость, становились чуть сладковатыми. Вкуснотища, да и только.

Благодаря детскому оптимизму и невозможности сравнить свою жизнь с жизнью детей, выросших в других условиях, я не считала себя несчастной или в чём-то обойдённой. У меня были дедушка и бабушка, родители, двоюродные сёстры, друзья. Только когда стала взрослой, поняла, как велики были разрушения на нашей земле, какой дорогой ценой достались стране свобода и независимость. Нас учили в первом классе: «Мы – не рабы». А ведь если вспомнить историю России, то и тогда – во все времена – в основу, во главу угла ставилась задача сохранить своё Отечество. Любой ценой. Это всегда было нашей национальной идеей.

В трудные для Родины периоды и мужчины, и женщины, каждый на своём месте, делал всё, что необходимо было для общей победы.

Воспоминания моей матери, Зои Ивановны Наместниковой (Степашкиной по мужу), о войне не связаны с кровопролитными боями, взятием «языков», разрывами снарядов, штурмом занятых фашистами городов. Ей досталась другая роль – мало заметная на фоне фронтовых подвигов её сверстников. Вот, что она рассказывала о начале войны и своём нелёгком труде.

Утром 22 июня 1941 года Зоя вместе с подругой, Настей Грудочкиной, занимались самым мирным делом – высаживали цветочную рассаду на

клумбах, расположенных на территории завода по производству сажи (г. Иваново). Дело в том, что родители Насти работали в городском Зелентресте, и в тот день взяли с собой девушек в качестве помощниц. На заводском дворе было тихо и безлюдно. Вдруг из чёрной тарелки-репродуктора раздался памятный всем голос диктора: «Война!» Жизнь круто изменилась.

С первых дней началась мобилизация. По всему городу звучали приказы из военкомата: «Призывается год 19... Явиться на сборный пункт по адресу...».

На всех фабриках и заводах, в школах и учреждениях проводились собрания и митинги. На повестке дня один вопрос – помощь Армии. Школы и гостиницы были переоборудованы в госпитали. Промышленность переходила на выпуск военной продукции. Ни один человек не остался равнодушным к судьбе страны.

Зоя и Настя также не остались в стороне. С 1-го июля 1941 года они приступили к работе в прачечно-дезинфекционном отряде. Здесь девушки увидели то, о чём редко вспоминают – одежду наших раненых в боях солдат и офицеров: окровавленные гимнастёрки и брюки, нательное бельё, пилюльки, портянки и пр. Их целыми вагонами привозили прямо с передовой. Гул стиральных машин не умолкал сутками, неделями, месяцами... Женщины и молодые девушки выполняли грязную, тяжёлую, но такую необходимую работу. Они стирали, развешивали чистое бельё в сушильных шкафах, а летом – на улице, гладили раскалёнными утюгами одежду, уделяя особое внимание поясам и швам, где часто ютились вши – это бич, всегда сопровождающий народные бедствия: войны, голод, эпидемии. Среди белья часто находили жетоны, которые имел каждый военнослужащий.

Прачечно-дезинфекционный отряд располагался в Рабочем посёлке, куда можно было добраться на трамвае или пешком. Работали в три смены. Конечно, очень уставали. Остались в памяти о том времени военный комиссар Медведев и его заместитель. Фамилия, к сожалению, не запомнилась. Во время перерывов они проводили политзанятия, рассказывали о положении на фронте.

Ещё моя мама рассказывала, что приходилось трудиться в деревне, куда посылали помогать колхозникам, точнее – колхозницам, копать картошку. Тут она с удовольствием вспоминала, что квартирная хозяйка подкармливала городских девушек, жалела их. В городе-то было голодно.

Четыре года войны закончились нашей победой, но годы восстановления разрушенного хозяйства были не менее трудными и голодными. О них действительно не хочется вспоминать. Но – надо. Как говорится – без прошлого нет будущего.

Каждую весну наша Родина отмечает день Победы, и практически в ка-

ждой семье вспоминают своих родных героев, даже не получивших это высокое звание в масштабах страны. Поэтому я обязана упомянуть ещё двоих близких мне людей, прошедших суровыми дорогами войны сотни километров в составе действующей армии. Это – родители моего мужа.

Леонид Фёдорович Собоцанский учился в Московском институте связи (МИИС) и весной 1941 года, благополучно сдав экзамены, перешёл на следующий курс. Внезапно начавшаяся война внесла большие изменения в учебные планы. Уже в августе многие студенты добровольно вступили в ряды Красной Армии и продолжали обучение на отдельном, вновь образованном, военном факультете. Среди них был и Леонид Собоцанский.

16-го октября 1941 года военфак, как и другие военные учебные заведения, получил приказ об эвакуации. Продолжать учёбу надо было в Ташкенте. Тяжёлым оказался путь. Доехали до Пушкино на поезде, а далее – пешком более 100км по нашей Ярославской дороге, по Загорскому району и дальше. Как написал в своих воспоминаниях однокашник Леонида Фёдоровича, прошёл слух, что немецкие диверсанты высадились в Загорске. Так ли это было на самом деле, могут ответить только краеведы-историки. От Юрьева-Польского студентов везли в товарных вагонах до места назначения.

Ускоренный курс обучения длился несколько месяцев и – на фронт. Собоцанский был распределён в Московскую область, в Клин, где в то время дислоцировался 159 Укрепрайон. Что это такое? Это войска особой организации. Они предназначались не только для обороны, но и для наступления и были также подвижны, как и обычные полевые войска. Структура укрепленных районов была сложной. Они имели в своём составе разведку, противовоздушную оборону, сапёров, транспорт, инженерный взвод, тыловое обеспечение, ремонтные мастерские и т. д., а главное, что важно отметить в данном случае, – связистов.

За время своего существования 159-й укрепленный район находился поочередно в составе 4-х Армий, соответственно, на 4-х фронтах – Донском, 1-, 2-, и 4-м Украинском. Это значит, что Леонид Фёдорович являлся участником таких грандиозных сражений как Сталинградская битва, Корсунь-Шевченковская и Яссо-Кишинёвская операции.

Война оставила неизгладимый след в его жизни не только потому, что он был неоднократно контужен, ранен и обмороживал ноги, дважды выходил зимой из окружения. Он, находясь в самом эпицентре боёв, как говорится, на себе испытал огромную роль радиосвязи. Поэтому после окончания войны продолжил заниматься этим вопросом в одном из военных институтов в Мытищах, а когда ушёл в отставку, несколько лет руководил кружком школьников-радиолюбителей.

Война познакомила Леонида не только с жестокостью, горечью потерь и радостью побед, но и с будущей женой – Пашей Гвоздовской. Она училась в

кулинарном училище, по окончании которого в 1943 году была направлена в действующую армию и служила при штабе. Я хорошо запомнила её слова о том, что её приезд на фронт совпал с успешным окончанием одного из крупных сражений. На всю жизнь в памяти осталось первое утро на передовой. Зрелище не для слабых духом.

После освобождения территории СССР 159-й укрепленный район воевал в Румынии, Венгрии, Чехословакии.

День Победы Леонид Фёдорович и Прасковья Кузьминична встретили на территории Чехословакии в г. Кузов, который находится в 55км от Праги.

Поколение, которое приняло на свои плечи тяжкое, почти неподъёмное бремя Великой Отечественной войны, постепенно уходит. Те люди, о которых я кратко написала, живут только в памяти своих родных и близких, да смотрят со старых фотографий.

* * *

*Посвящается М. Степашкину,
Участнику Великой Отечественной войны*

Не довелось военной видеть крови,
Но ясно помню бледность на лице.
Всё удивлялась – как дрожали брови,
Когда сидел, уставший, на крыльце.

Он жил не долго. Мирною весною
Ушел туда, где верная жена
Уже лежала тихо под сосною,
А всем нам было вовсе не до сна.

Не понимала я тогда, быть может,
Причины всех страданий и разлук,
Но до сих пор сознание тревожат
Чужая боль и ровный сердца стук.

Меня война не трогала за плечи –
Я в мир вошла чуть позже, год спустя.
Пусть говорят: «Тебе гордиться нечем,
Дитя. Послевоенное дитя».

А я играла гильзами в окопах,
Слепой учитель вёл у нас кружок,
Раскрашивала карту, где Европа
Раскинулась похожей на лужок.

Он каждый год, ожив под солнцем вешним,
Смотрел на всех, как праздничный букет,
Где самой главной радостью, конечно,
Была страна, красней, чем маков цвет.

А жизнь идёт, меняясь ежечасно,
И всё вокруг становится иным,
Но верю я, что гибли не напрасно
Моей России верные сыны.

* * *

И в первый, и в последний день войны
Летели равнодушные снаряды,
Ложились точно в цель и где-то рядом:
Им разные маршруты суждены.

Их люди обучили ремеслу,
Послали на нелёгкую работу,
Но, видно, не продумали чего-то
И боязно сказать об этом вслух.

Крепка, увы, связующая нить:
И пушки, и снаряды – наши дети –
Рассеяны теперь по всей планете.
Кого же нам в содеянном винить?

Говорят ветераны ВОВ

- А вчера в этом зале
Нам награды давали.
Вдовы плакали снова
От вниманья такого.
Полстолетья, как ветер,
Пролетело мгновенно.
Мы до смерти в ответе
Перед ликом Вселенной.

* * *

Я помню всё: душевное тепло,
Горячий снег, протяжный вой сирены,
В простых крестах оконное стекло –
Глаза войны, похожей на гиену.

То – память крови, пролитой в боях,
Наследством горьким
Бьётся и клокочет,
Как будто снова
Рассказать мне хочет
О тех суровых,
Окаянных днях.

У памятника воинам одной из деревень

Здесь тишина хранит в своих объятьях,
Как память лета, мяты аромат.
Давно его не ощущают братья,
Что рядышком под звёздочкой лежат.

Встают рассветы в розовом тумане,
Дожди стучат по мраморной доске.
Склонённая берёза не устанет
Считать следы на высохшем песке.

* * *

Не надо мне чужой войны.
Своей не надо тоже.
На свете нет такой вины,
Чтоб смерть повсюду множить.
Посеяв смерть, чего пожнём?
Руины, боль, страданье?
Есть очищение огнём –
Записано в преданье.
Да только верить не могу –
Душа другого просит...
.....
У серой цапли на лугу
Во лбу белеет проседь.

Соколова Мария Георгиевна

Я родилась в 1928 году, мне сейчас 87 лет. Жила в деревне Тураково. В семье у нас было четверо детей, мама и папа. Я была самая младшая. С 8 лет пошла в школу в Птицеграде. Окончила с хорошими оценками. Мой папа был грамотным, окончил семинарию с отличием, ему вручили почетный лист за учебу. Мама работала дояркой в колхозе, за хорошую работу была участницей с/х выставки.

Отец работал в колхозе дер. Тураково. Два брата были участниками войны, воевали против Японии. Старший брат был военным офицером, умер в 82 года полковником.

Второй брат тоже был участником Японской войны. После работал слесарем на военном заводе, «Скобянка». Я после школы окончила строительный техникум, работала в Загорском Райисполкоме техником – строителем 12 лет. Когда училась в техникуме, его перевели из Загорска в Царицыно. Жила в общежитии, в бывшей школе. Государство студентам давало рабочие московские карточки и стипендию 120 рублей, независимо от оценок в семестре.

Сами мы заготавливали дрова, топили печки для обогрева. А в печке готовили себе еду. Продукты покупали на карточки - 600 грамм хлеба на человека, но мы 300 грамм продавали прямо в магазине, чтоб выкупить следующий паек.

На воскресенье ездили домой к родителям, которые из дома что-нибудь с собой давали – это у кого была земля.

В понедельник мы устраивали общий ужин. Всё, что могли, клали на общий стол. Помню, с нами училась однокурсница Валя Еженкова – она могла угостить лепешками из мороженной картошки.

Но мы не унывали. Был в комнате с ребятами Юра Евстагнеев, у него была гармошка, он хорошо играл, а мы танцевали.

Проходили практику в Москве на улице, бывшей им. Горького. На обед нам давали на талон половину порции кулебяки. Она такая была вкусная, что вкус помню до сих пор.

Были на практике в «Теплом стане» на строительстве жилых домов. Практику проходили в проектно бюро. А летом, в каникулы, работали в колхозах: сушили сено, молотили зерно, на картофельных полях собирали по 10 мешков картошки, а 11-й мешок – себе в семью. Когда немцы подходили к Москве – мужчин, у которых была бронь по возрасту, забирали в ополчение на фронт. Нашего отца тоже забрали. Мы провожали папу на фронт. Я была самая младшая из четырёх детей. Провожали ополченцев с нашего вокзала. Было много провожающих.

Детей было у всех семей много, по 4-5. И, когда объявляли нашим отцам: «Прощайтесь с родными», - все плакали, кричали: кто – папа, кто –

папонька, кто – батя... Их послали на фронт, под город Елец. Очень много погибло из этих мужчин. Нашего отца в бою контузило и его одна женщина привела в дом. Он был в окружении 2 года. Когда были освобождены деревни – он стал пробираться домой. Мы его сразу не узнали, он был грязный, седой. Узнали мы его по голосу, он сказал: «Ко мне не подходите, я вшивый, всю одежду надо сжечь, а мне надо помыться».

Когда он помылся, побрился, тогда мы узнали нашего отца. Он был грамотным, окончил Вифанскую духовную гимназию, работал счетоводом в колхозе. Мама говорила: «Я – самая счастливая женщина в деревне. Два моих сына воевали с японцами, вернулись, один был ранен в ногу. Муж тоже вернулся. Из нашей деревни много погибло на фронте».

Соловов Александр Григорьевич

Невидимая защита

История девяностолетнего Александра Григорьевича Соловова, жителя Мостовика, не блещет героическими подробностями, в ней нет описаний бесчисленных триумфальных операций, не слышны залпы салюта. Ведь главный салют Победы в мае сорок пятого был произведен за тысячи километров от его части на Дальнем Востоке.

Он один из редких сергиевпосадских ветеранов советско-японской войны. Но самой операции предшествовала работа по подготовке плацдарма, на которую ушло несколько лет.

Путь на Восток.

Вчерашний школьник Саша Соловов и не мог подозревать, куда его забросит судьба. Когда объявили о начале войны, в военкомате решили, что путь пареньку лежит не на запад, а на восток.

Огорчился или обрадовался ли он такой перспективе? Пожалуй, любой на его месте сегодня скажет, что пожалел тогда, что не оказался на «настоящей» войне, а был отправлен строить доты и дзоты за одиннадцать часовых поясов от Москвы.

Сам он родился в небольшом селе Муравлянка уже несуществующего на карте Муравлянского района, что на юге Рязанской области. Учился в маленькой школе четырехлетке в деревушке Красная Новь, а потом до десятого класса каждый день ходил на учебу в соседнее село, ежедневно проходя шесть километров. Что, в общем-то, пустяки, учитывая расстояния, которые ему пришлось преодолевать совсем скоро.

Рановато радоваться.

Все эти годы на Дальнем Востоке шла невидимая война. Рано или поздно должны были пригодиться все сооружения, которые строили в этих краях с сорок первого по сорок пятый.

«Когда разгромили гитлеровцев мы все, конечно, обрадовались», - вспоминает тот самый майский день Александр Григорьевич. Но, сказали им, радоваться рановато. Наступило их время выхода на сцену военных действий. Их война только началась.

Все это время попутчиком Александра Соловова был «Максимка» - пулемет, в собранном виде весивший почти семьдесят килограммов. Такую-то тяжесть – и на плечи! Не всегда было с кем разделить эту ношу, и Александр Соловов частенько нес его на себе, преодолевая десятки километров.

В августе 1945-го Александр Григорьевич получил ранение. Началась гангрена. Влажный приморский климат к быстрому восстановлению не располагал, и только перемещение его в госпиталь в Ташкент позволило врачам сохранить ногу. Домой он вернулся уже в 1946 году.

Фамилия – знак качества

Вернулся он в тот же колхоз, но не навсегда. Работа была нестабильной: приходит урожай – заготавливают зерно, заготовили – колхозников отправляют в увольнение. В конце концов родственники предложили ему перебраться поближе к Москве. Так он и оказался в Мостовике, где на местных карьерах добывали щебень для метрополитена. Освоил ремесло слесаря, сварщика, экскаваторщика, крановщика. С тех пор фамилия строителя Соловова в Мостовике что-то вреде знака качества.

Сам ветеран не пропускает ни одного праздника, который устраивают в честь Дня Победы в Мостовике. Да и вообще, сдаваться не собирается, на это намекает домашний велотренажер, педали которого то и дело раскручивает девяностолетний ветеран.

Из газеты «Вперед». Автор Владимир Крючев

Смородина Анна Александровна

Моя мама, Сарычева Мария Сергеевна, родилась в 1918 году в Липецкой области. Её отец (мой дедушка) погиб на войне, её мама (моя бабушка) умерла, когда ей было 7 лет. Мама осталась сиротой. Есть было нечего. Ей приходилось побираться, просить милостыню, чтобы выжить. А когда исполнилось 11 лет, она вместе со взрослыми женщинами работала на торфоразработке с 4-х утра до ночи.

В 1941 году забрали на войну её брата (моего дядю), Сарычева Ивана Сергеевича, который не вернулся с

фронта (пропал без вести).

В 15 лет мама уехала в Москву в семью работать нянькой. Образования у неё не было, окончила всего 3 класса. Её там кормили, одевали. А через год она вернулась в никуда, так как их дом сгорел.

Во время войны мама пилила лес, косила траву, шила в бараке солдатам одежду, перчатки, рукавички.

После войны в селе, где жила мама, служил сверхсрочником Александр Иванович Парханов. Они поженились. Фамилию взяли мамину, а в 1947 году родилась я. Позднее в семье родились ещё два сына.

Сразу после войны жить было тяжело. Денег не было, хлеб был по норме, сахара не хватало. Но постепенно семья обзаводилась хозяйством: куры, две козы, появилось молоко.

Папа с мамой не вступили в колхоз, были единоличниками. Папа работал по найму: строил кому дом, баню, сарай (у хозяев и жил). А мы с мамой ходили в лес за грибами, засаливали их и продавали. Ходили в колхоз на прополку арбузов и дынь. За ведро картошки помогали её выкапывать соседям, так как наш огород был очень маленьким и нам урожая не хватало.

Позднее папа устроился работать в дом инвалидов. Работал плотником, столяром, стекольщиком. Получал 60 рублей. На работу ходил пешком по 5 км туда и обратно. И однажды в морозную зиму замерз в пути. Его не стало в 52 года. А мою маму горе преследовало всю жизнь. Она испытала на себе издевательства местных властей, превышающих свои полномочия, смерть сына. Она умерла на 92 году жизни, воспитав ещё и 4-х внуков.

Моя мама награждена 3-мя медалями Великой Отечественной войны.

Спирина Анна Ивановна

«Самое главное — чисто, честно прожить...»

В 2010-м году местное телевидение показало фильм-воспоминание о военном детстве ветеранов Великой Отечественной войны и труда: А. И. Спириной, З. И. Хомяковой, Л. В. Яблокова, О. Н. Кривоногова, А. А. Литвинова. Позже диски с фильмом были размножены и переданы во все учебные заведения города. Мы встретились с Анной Ивановной Спириной, в доме которой снимался фильм. И вот что она нам рассказала.

О себе

Я родилась 17 февраля 1932 г. в деревне Шуменец Пустошкинского района Псковской области. Родственников по маминной линии раскулачили, и в 1938 году семья переехала в Хотьково. В мае 1941 года Аня решила навестить свою родину: «В начале июня Лариса Михеенко из Ленинграда вы-

ехала в Пустошку. В это же время я поехала в Пустошку со своим двоюродным братом к его маме. 1-го июня мы приехали туда. Тётя уговаривала меня остаться, но 17-го июня мы уехали. Наш поезд подали не в полдень, а вечером. А 18-го июня из Пустошки уже невозможно было уехать. Она была в 40 км от западной границы с Латвией. Я посетила те места после войны. Тётя рассказывала (она была замужем за мелкопоместным дворянином, их дом находился на высоком берегу реки Великой), немцы были удивлены богатством этого края: хорошо росли зерновые культуры, много крупного рогатого скота, особенно коров. Бескрайние сосновые боры – немцы сразу поставили лесопильный завод. Переправляли всё через Балтийское море в Германию. Местные жители спасались в лесах с партизанами. Немцы держались за этот край до весны 1944 года. Этот район постоянно переходил из рук в руки. Там столько погибло людей: река Великая вся была усеяна трупами. Когда немец отступал, было заминировано всё, что можно, даже болота. Многие подрывались, в том числе моя бабушка, мой дядя. До войны город Пустошка был размером с Сергиев Посад. Там камня на камне не осталось. Не осталось ни одной деревни: всё было сожжено и заминировано. Деревня Шуменец, в которой я родилась, уцелела случайно: немец, отступая, поджёг её с одной стороны, и тут же ветер изменил направление, и деревня осталась. Наш дом остался, после войны там была школа: три классные комнаты, учительская, прихожая. В 1947 году я от Пустошки до своей деревни шла пешком просёлочной дорогой, на пути я не встретила ни одного дерева, ни одного строения. Кругом одни бугорки и крестики на могилах, вдоль просёлочной дороги смотришь – то сапог из могилки торчит, то каска валяется. Антонина Ивановна Алдошина, создавшая школьный музей, ездила с детьми в Пустошку, и что они там находили – патрон, гильзу, каску, землю – привозили сюда. Лариса Михеенко погибла, а я... Вот такая судьба. На следующий день я бы оттуда уже не уехала».

Но и в самом Хотькове жизнь в военные годы была сложной. Старший из трёх братьев Анны, Иван, ушёл на фронт, был генеральским шофёром.

Это было очень трудное время, голодное, сложное. Помню, я часто подходила к шкафу, где до войны было очень много хлеба, заглядывала в этот шкаф и не видела ни одной корочки хлеба. Кусочек хлеба был слаще любой конфеты. Помню сцену: мы с девочками сидим возле нашего дома летом и о чём-то беседуем. И одна из подружек говорит: «Так хочется есть! Я и не надеюсь, что будет когда-нибудь время, когда мы вволю будем есть хлеб!» Но я должна сказать, что мы как-то поддерживали друг друга. Моя люби-

мая подруга Таечка Козлова, у которой материальное положение было несколько лучше, чем у нашей семьи, мне всегда давала кусочек хлеба да ещё стаканчик молочка. То есть люди были очень внимательны и заботливо относились друг к другу.

Мы пережили эти трудные годы. В школу ходили постоянно. Несмотря на то, что здание было нетопленное. Потому что немец уже был под Дмитровым. А военные ночевали в школах.

В летний период времени собирались партией ребят человек по 10 – 15 в лес за грибами или за ягодами. А вечером мы усаживались около дома и начинали разговаривать. Мы беседовали о художниках, о литературе – у нас были очень интересные темы. В детстве мы увлекались спортом, любили лыжи, спортивные игры: лапта, городки, чижик. Мы и во время войны посещали детские спектакли в Москве. Ну а после войны мы так часто бывали в Большом театре. Пусть мы покупали самые дешёвые билеты на галёрке по 40 – 60 копеек, зато сколько мы опер прослушали, просмотрели балетов в Большом театре. Учились в школе – у нас было большое стремление к знаниям, к культуре, очень важно нам было правильно говорить, хорошо мыслить. Все учились танцевать. После войны мы, школьники, сами организовали кружок бальных танцев».

В годы Великой Отечественной войны маленькой Ане довелось побывать в шаге от гибели: «Мы второклассниками отправились на сельскохозяйственные работы к Денискиной горе: там было поле со свёклой, поле с огурцами и так далее. Наш класс убрал свёклу, и мы уже собирались идти домой, кучкой стояли друг возле друга. И вдруг с восточной стороны из-за леса появился фашистский самолёт. На бреющем полёте, очень низко он пролетел над нашими головами, Мы все окаменели от страха. Но огня он не открыл, потому что он преследовал другие цели: огромное стратегическое значение имел наш железнодорожный мост, который поддерживал связь с Москвой, и постоянно шли подкрепления из Сибири по этой дороге. Расстояние между мостом и нашим полем не более километра. И вот тут-то градом посыпались бомбы. Но ни одна из бомб не попала на железную дорогу, они рассыпались влево-вправо. Воронки видны и сейчас. Несколько бомб упало на участок Притыкиных. И две девушки погибли. Откуда-то появился и наш самолёт и завязался между ними бой. Наш самолёт был подстрелен и упал где-то в районе д. Ворохобино».

О работе

Анна Ивановна после школы поступила в Загорский учительский институт, где были преподаватели из Ленинского пединститута: доктора наук, профессора. Потом заочно окончила Московский государственный пединститут им. Ленина и осталась работать в своей родной школе. «Я хочу рассказать о старой школе № 1. В ней было семь классов. Директор Михаил Иванович Сафонов был призван в первые же дни войны и погиб. Во время

войны его заменил Андрей Георгиевич Кузнецов, историк. Он оставил книгу воспоминаний о Первой мировой войне. Это интеллигент от природы, с университетским образованием, прекрасно разбирающийся в музыке, литературе, искусстве. Он очень хотел, чтобы дети пели: сам аккомпанировал на фортепиано и вёл хор. У Андрея Георгиевича были очень хорошие артистические способности. Он «проигрывал» урок, устраивал прекрасные литературные вечера. Елена Михайловна Чербова, учительница русского языка и литературы из Сергиева Посада (её муж стал директором школы) – из семьи потомственных педагогов. Антонина Ивановна Алдошина, учительница пения. Пётр Михайлович Крапивин – готовил учебник, связанный с реформой в области русского языка в 60-ые годы. У нас были такие преподаватели: интеллигентные, добрые, душевные, человечные. Придя в школу после института, я старалась сохранить лучшие традиции: устраивала литературные вечера. И сейчас в школе № 1 очень сильные преподаватели русского языка.

Мне предлагали стать директором школы, но я отказывалась: я любила детей, и никогда не хотела быть администратором: я могу работать сама, но не могу требовать работы с других. В школе я была председателем профкома, председателем методического объединения учителей русского языка, секретарём педагогического совета». Благодаря талантливому педагогу, все ученики Анны Ивановны обладали хорошим – а зачастую отличным – знанием предмета. И если кто-то из них сдавал экзамен на филологический факультет, экзаменаторы непременно интересовались у абитуриента: «А Вы какую школу оканчивали?»

О семье

Мой муж, Виктор Григорьевич Спирин, был необыкновенный человек по воспитанию, по уму, по образованию. Глубочайший человек, прекраснейший семьянин. Он в жизни мухи не обидел, его знал весь город. Во время войны Виктор Григорьевич служил в авиаполку «Нормандия – Неман», и в мирное время регулярно встречался со своими однополчанами: «Встречи были очень интересные с французами: мы ездили в Москву к Большому театру. Я всегда старалась заранее нарциссы и тюльпаны накрыть плёнкой, чтобы одарить всех. Мы ездили всей семьёй. Французы были с жёнами, с детьми, все такие счастливые, радостные, что победили. Кругом фонтаны. Приезжал де Голль, Алексей Мересьев». Виктора Григорьевича часто приглашали на встречи в школу, к студентам. Семья много материалов о войне передала в музей, Григорию Ефимовичу Авдееву.

Вернувшись в Хотьково, В. Г. Спирин начинал токарем 7-го разряда, впоследствии стал главным технологом НПО «Лакокраспокрытие». Анна Ивановна рассказывает: «Владимир Васильевич Кутузов, замглавы города, работал инженером у мужа в отделе. Этот человек – из потомства Михаила Илларионовича Кутузова, и он сказал мне о Викторе Григорьевиче: «Знаю

весь город, но таких не встречал: аристократ и интеллигент от природы». Директором НПО был Виктор Петрович Козлов, Таисия Яковлевна Козлова – его жена, моя любимая подруга. Мы познакомились 5-6-летними девочками, когда катались на саночках. Мы все – одноклассники. Если у мужа был отпуск, он отправлял семью на юг, а сам обкладывался книгами, журналами по работе. Зайнчковский сказал: «Он был лучшим технологом района». Когда корреспонденту газеты «Вперёд» Евгении Антоновой дали задание написать о хотьковской семье, она пошла к тогдашнему председателю исполкома В. И. Свириденкову. Он посоветовал написать о нашей семье». Анна Ивановна с благодарностью вспоминает свою свекровь Александру Васильевну, с которой они сорок лет прожили вместе.

У супругов Спириных – две дочери: старшая Ольга, младшая Людмила. И трое внуков: Анна, Кирилл и Павел. Есть даже правнучка Леночка, любимица всей семьи. Анна Ивановна рассказывает: «Мой зять – Анатолий Судаков. У него музыкальное образование, он окончил музыкальное училище, дирижёр народных музыкальных инструментов. Был на золотых приисках, сейчас работает на тракторе в ЖКХ».

И всё бы хорошо, если бы не здоровье: после травмы у Анны Ивановны появилась трещина в позвоночнике, два года она лежала, но постепенно начала ходить: «Когда мне стало полегче, я выходила на участок и делала одну лопатку земли (перевёртывала). Потом – две лопатки, а потом три. И с тех пор не забываю землю». Так появилось новое увлечение: флоксы. Знакомый Спириных, Юрий Андреевич Репьёв, подарил Анне Ивановне свою коллекцию: «Это человек науки, у него есть свои открытия в области авиации и космонавтики. Но его любимое занятие – флоксы, он вывел около 150 новых сортов. Года три или четыре назад он мне подарил всю свою коллекцию. Теперь они с моим зятем ходят по участку, смотрят, где какой цветок отличается от другого, выводят новые сорта. Уже есть сорт «Хотьковский».

Анна Ивановна признаётся: «Для меня праздник – встреча с хорошим человеком. Нам очень везло в жизни на встречу с хорошими людьми. И в каждом человеке нужно пытаться отыскать хорошее». И подчёркивает: «Самое главное – чисто, честно прожить».

...В конце фильма внучка Анны Ивановны Аня Судакова читает своё сочинение:

«Я часто вспоминаю своего дедушку. Его теперь нет с нами – он умер несколько лет назад. Но забыть его улыбку, глаза, заботливо смотрящие на каждого человека, - нельзя. Я помню его руки: они могли делать любую работу, но мне больше всего запомнились их сила и теплота. Больше всего я любила играть с дедушкой, чувствовать его доброту, заботу о себе в каждом движении головы, рук, глаз. Волосы у дедушки были седые-седые, ведь он прошёл через войну, был очень ответственен за всё, что приходилось делать. Мне он представляется победителем в жизни, недаром его имя – Виктор».

Вспомним и мы о Викторе Григорьевиче Спирине. Интересная заметка об этом человеке была опубликована несколько лет назад в газете «Вперёд». Предлагаем её вниманию наших читателей.

Стрельцова Любовь Александровна

В г.Краснозаводск наша семья переехала в 1933 году из Константиновского района, д. Ясниково. Папа - Золкин Александр Иванович, 1895 года рождения, мама - Золкина Мария Ивановна, 1896 года рождения. У них было трое детей: мой брат 1930 г.р., сестра 1934 г.р. и я, 1937 г.р.

В начале войны у отца была бронь. Он работал на заводе, из-за производственной травмы бронь сняли. В 1942 году, после долгой болезни, умерла мать и мы остались с отцом. Он взял все заботы о нас на себя. Мы с сестрой ходили в школу, брат работал. Одежды не было, покушать тоже. Вместе с братом зимой ходили к родственникам в деревню, чтоб на санках привезти мешок картошки. (24 км туда и обратно) . Пока везли, она промерзла и стала, как камушки. Из этой картошки, когда она оттаяла, пекли блины, так называемые «тошнотики», ели и было вкусно. Летом рвали лебеду, крапиву и варили щи.

Сестра школу бросила, не в чем было ходить. В 1945 году она нашла нам другую маму. Эта женщина разделила с отцом заботу о нас. Отец научился шить и стал нам делать обновки. Семья увеличилась, родилось ещё двое детей. Послевоенное время тоже жилось нелегко. Хлеб выдавали по карточкам. Я любила ходить за хлебом, пока несусь его домой, обгрызу все горбушки.

Началась мирная жизнь, все выучились, пошли работать. Всё пошло своим чередом.

Судакова Лариса Григорьевна

Моя мама, Агарёва Вера Ивановна, родилась 6 сентября 1922г. в деревне Царево Костромской области. В 9 лет осталась сиротой и была отдана в семью ветеринарного врача нянькой к младенцу. С этой семьей переехала в город Загорск Московской области. На 14-ом году жизни мама поступила в Загорске в школу ФЗО при трикотажной фабрике. Жила в общежитии. С 1940 года работала в вязальном цехе трикотажной фабрики. В 1941 году работу совмещала со службой медсестры в госпитале.

В 1942 году по решению ГосКомОбороны проведена вторая массовая

мобилизация женщин в войска ПВО. Мама была призвана в ряды Красной Армии, где зачислена в 1202 Зенитно-артиллерийский полк на зенитную установку прибористом - наводчиком. В этом же году она вступила в члены ВЛКСМ. Являлась членом бюро комсомола. В 1202 полку мама прослужила с 1942 по 1945 г.г. В марте 1945 года она была принята в ряды Коммунистической Партии Советского Союза. Награждена Орденом Отечественной войны II степени, медалью за Оборону Москвы, медалью «Жукова» и многими другими наградами.

Во время службы в полку мама познакомилась со своим будущим мужем, моим отцом, Агарёвым Григорием Алексеевичем. Мой отец служил старшиной зенитной батареи. 12 мая 1945 года они заключили брак. Свадьба была скромной, а вместо свадебных нарядов – военные гимнастерки.

Мама вернулась на работу в цех трикотажной фабрики, где проработала до выхода на пенсию.

В 1974 году Указом Президиума Верховного Совета СССР мама награждена Орденом Октябрьской революции за трудовые заслуги и общественную деятельность.

Мой отец работал на полигоне МГРИ учебным мастером. Имел много военных и гражданских наград.

Первые годы после войны мои родители проживали в комнате женского общежития трикотажной фабрики. Отец видя, как девушки по вечерам занимаются вышиванием, сам пристрастился к этому занятию. Вышивка гладью стала его увлечением на всю жизнь. Особенно хорошо получались птицы, цветы и бабочки. Работы моего отца выставлялись на многих городских выставках.

Мама прекрасно шила одежду для всей семьи, вязала и вышивала. Она была необыкновенной труженицей, заботливой матерью и бабушкой. Несмотря на безрадостное детство и трудную юность, мама оставалась улыбчивым и очень добрым человеком.

Вместе мои родители прожили 57 лет. Воспитали сына и дочь. Наша семья была очень дружной, гостеприимной, имели много друзей и знакомых. В городе до сих пор с теплотой и уважением вспоминают моих родителей, все те, кто были с ними знакомы.

Мои родители прожили пусть и сложную, но очень счастливую жизнь, достойную подражания и уважения.

Тузова Валентина Сергеевна

Мать Мария из Запольского

Сидорова Мария Дмитриевна родилась 8 февраля 1903 года в Селково. Девичья фамилия Фролова. У нее было 2 сестры - Аксинья и Поли-

на, 2 брата - Дмитрий и Николай. Мария была самая старшая. Мать Марии умерла при родах. Мария трудилась в сельском хозяйстве. Ухаживала за свиньями, лошадьми. В войну трудилась на скотном дворе в Запольском и Зимняке. Эти деревни можно назвать прифронтовыми, так как в соседних городах - Дмитрове и Яхроме шла настоящая война.

Враг рвался к каналу и сумел прорваться по Пермиловскому мосту через канал Москва- Волга и поток немецких танков устремился на Загорск, Пушкино, Москву. Но враг был остановлен. В деревне проходили патрули. Как- будто все вымерло, окна были завешаны и было очень холодно.

У Марии было семь детей: Николай (1925), Зинаида (1927), Валентина (1928), Нина (1932), Анатолий (1935), Тамара (1937) и Раиса, рожденная за месяц до начала страшной и долгой войны (1941).

Муж имел достаточное образование, чтобы трудиться бухгалтером в одной из отраслей народного хозяйства в поселке Лосиноостровский, около Ярославской железной дороги.

Когда враг приближался к Москве, стали эвакуироваться предприятия из Подмосковья на север и восток нашей страны. Была возможность уехать за Урал и у семьи бухгалтера Сидорова Сергея Васильевича. Мария Дмитриевна боялась растерять детей в суматохе эвакуации и не согласилась уезжать из деревни. Ведь она родилась здесь, и был построен дом перед войной. Дом начали строить в 1928 году.

Вскоре Сергей Васильевич ушел на фронт. Все тяготы и заботы легли на нее. Работали в поле вместе с детьми. Убирали картофель на колхозных полях и большие корзины ставили на «полок»- это телега, которую везла лошадь. Пахали землю плугом. Силы не хватало, чтобы заглубить плуг в землю. Председатель колхоза «Пролетарская победа» перевел их на вспашку «мягкого» поля. Колодец был один на всю деревню. Был очень глубокий - 25 метров. В войну ведь деревня была большая и вода из колодца всем была нужна. А вот для животных колхозных не хватало воды. Зимой мать Мария ездила на повозке за водой на родник, который не замерзал, и этой водой поили животных.

Муж, Сидоров Сергей Васильевич, красноармеец, 1901 года рождения, д. Запольское Константиновского района Московской области, призванный Загорским РВК, пропал без вести в марте 1942 года. Его имя внесено в Книгу Памяти, том 23. Сергиево - посадский район.

Подшло время служить в Советской Армии старшему сыну Николаю 1925 года рождения. Материнское сердце было радо, что у нее есть еще за-

щитник Родины. Но она поседела, когда сын уходил на фронт. Он был потом ранен, но после госпиталя опять ушел на фронт. Второй раз был ранен и вернулся в деревню Запольское. Его имя занесено в книгу «Подвиг поколения. Загорчане на фронтах и в народном хозяйстве». Сидоров Николай Сергеевич (1925-1984). Мл. сержант. 348 стрелковая дивизия. После войны работал в сельском

хозяйстве и работал в совхозе «Загорский».»

Валя и Нина в войну, когда Красная Армия разбила немцев под Москвой, ходили в школу в д. Мергусово. Школа находилась в хорошем рубленном доме около храма Сергия Радонежского. Церковь не действовала, была разрушена колокольня. Иногда туда забегали дети, но чаще ходила туда Нина. Забиралась на колокольню и разглядывала все вокруг: лес, поле, деревни, реку Дубну, овражки. Учительницей была пожилая женщина и жила при школе.

Жили очень тяжело: отца нет, много детей и война. Мать решила писать письмо Верховному Главнокомандующему И. В. Сталину. Валя под диктовку матери стала писать письмо И. Сталину, что их сиротской семье тяжело жить, муж погиб, сын Николай на фронте. Письмо дошло до руководителей и из Константинова приехали двое военных на лошадях к их избе. Вся семья перепугалась. А военные привезли ткань, формы для детей, продукты и даже патефон. Матери Марии Дмитриевне стали с тех пор платить пенсию на отца. Может таким образом, написав письмо, они спасли всю свою семью от голода и смерти.

Младшая Рая в возрасте трех лет умерла под Сретенье- 14 февраля 1944 года. Остальных детей мать Мария вырастила. Жерновами мололи зерно и пекли в печке вкусный хлеб. Денег не было наличных, работали за трудодни. Испечёт хлеб и дает детям с собой, так как они учились в школе в Шеметово и жили там в общежитии. Но иногда Валя и Нина доходили до моста через реку Дубну (из Запольского в Шелеметово ходили пешком), садились под мост и съедали хлеб. Хотелось очень есть. Возвращались назад домой. Мать переживала, причитала, наставляла. Слушались ее и боялись. Мария Дмитриевна умерла 16 ноября 1971 года.

Дети выросли. Они работали на Байконуре, на НПО «Радон», в производственной отрасли. ОНИ чтут своих РОДИТЕЛЕЙ. Приходят к памятнику, на одной из плит которых занесены имена их отца и мужа, их любимой мамы Сидоровой Марии Дмитриевны.

Памятный обелиск в Селково открыли 24 июня 2014 года. Памятник солдатам, не вернувшимся с войны. Войны далекой и близкой. Эти солдаты были родом из Селкова, Мергусова, Толстоухова, Копалова, Петрушино, Ново, Катунино, Барово, Запольское, Зимняк. Четыре плиты на фоне артиллерийской пушки. Загорск был прифронтовым. Прифронтовыми были и наши деревни.

Артиллерия сыграла большую роль в разгроме пехотных и танковых дивизий врага под Москвой и в Дмитрове. Одни Солдаты, чьи имена на мраморных плитах, похоронены в чужой земле, другие пропали без вести. Поисковые отряды отыскивают их места гибели и привозят информацию родственникам.

Имена на гранитных плитах объединяют память о всех солдатах той войны, а значит и память о погибших родственниках каждого из нас. Поэтому эти имена будут памятные и священны для жителей поселения.

Это муж Марии Дмитриевны - Сидоров Сергей Васильевич.

Дочь Тамара с мужем. Тамара Сергеевна до замужества работала в городе Калининграде (Королев) в отделе кадров, так называемом 1-ом отделе.

Её мужем стал Степанов Валентин Александрович. Он имел ученую степень и участвовал в разработке ракет до самой смерти. Жили в городе Ленинске и работали на Байконуре.

Дочь Нина, Ярочкина Нина Сергеевна, работала на НПО «Радон». Её мужа, Ярочкина Михаила Никитича очень ценил руководитель НПО «Радон» Соболев Игорь Андреевич. Он приезжал в поселок Новый из Москвы в 1986 году на его похороны.

Всегда хотелось учиться. Училась в Шеметовской школе. На получение профессии бухгалтера ее направили учиться в район Москвы –Водники - после войны. Валентина Сергеевна имеет 47 лет стажа в торговых организациях: продавец, заведующая продуктовым складом, заместитель председателя Селковского сельпо.

На каждой должности работала с радостью. Наверное, хотелось ей, чтобы сельский житель всегда был накормлен и с удовольствием работал. Дочь Марии за свой труд имеет награды: бронзовую медаль «За успехи в народном хозяйстве СССР (ВДНХ)» 1986г., медаль «Ветеран Труда» 1987г., медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945гг», которая от имени Президиума Верховного Совета СССР вручена 12. 01. 1994 г.

Вырастила двоих детей. Есть внуки и правнуки. Хочет она, чтобы жили все люди в мире. У ее дома растут красивые липы, яблони, цветы за изгородью. Валентине Сергеевне помогает во всех делах дочь Татьяна Васильевна, которая почти 25 лет проработала в Селковской школе на разных хозяйственных должностях. Валентина Сергеевна рассказывает о своих родителях Марии Дмитриевне и Сергее Васильевиче в Селковской школе.

Рассказала о своей матери Тузова Валентина Сергеевна, а записала библиотекарь Селковской сельской библиотеки Медведева Вера Васильевна.

Федоров Александр Александрович

Сохраняя светлую память

О счастливым довоенном детстве, утраченном в годы Великой Отечественной войны, о женщинах-героинях мои воспоминания.

Для меня – сына моих многодетных родителей, героинями являются дорогая мама Надежда Александровна, бабушка Мария Петровна и даже старшая сестра Зинаида Александровна, помогавшая родителям воспитывать и растить своих младших сестер и братьев. Наш отец, Александр Герасимович, будучи уже дважды папой, служил по призыву в армии. Впоследствии участвовал в польской военной кампании. Будучи артиллеристом-разведчиком был ранен финским снайпером, а когда воевал против немецко-фашистских захватчиков, в 1944 году получил ранение и контузию. Все тяготы содержания и воспитания детей лежали на матери. Мама до 1935 года работала в детском саду, а с 1935 поступила на работу во вновь открывшийся завод ЗОМЗ, который во время строительства размещался в стенах Сергиево-Троицкой Лавры, а с 1936 года все пятьдесят цехов расположились в первом отстроенном корпусе.

В 1941 году завод эвакуировался в г. Томск. По настоянию нашей бабушки, мама с четырьмя детьми осталась в Загорске и была принята на работу в хлебокомбинат, несмотря на то, что была кормящей новорожденной Верочки в мае 1941 года.

В сентябре, когда оккупанты подходили к Москве, мне с бабушкой, которая была членом уличного комитета, пришлось рыть противотанковые рвы на границе города в районе Клементьевского посёлка. На въезде в город со стороны п. Семхоз были уже установлены противотанковые «ежи». В это время на нашей улице Первомайской происходило формирование 1-й Ударной Армии под руководством командующего военачальника Кузнецова.

Я хорошо помню героический настрой и веру в победу над врагом рядовых и офицеров 1-й Ударной Армии из полевой кухни, которые угощали и нас малолетних детей.

17 октября во время эвакуации завода ЗОМЗ по эшелону, готовому к отправке товарных вагонов с оборудованием и людьми, были сброшены бомбы. А вторая бомбёжка города произошла с легкомоторного биплана с фашистскими крестами 8 ноября. Первая бомба упала напротив нашего дома, а последняя поразила товарную станцию напротив вокзала. В это время я был с лыжами на улице и, прячась в подворотне, получил лёгкий удар в зад мороженым куском земли.

Всем шестерым детям наших родителей вспоминаются классические

подходы в воспитании и обучении наук и традиционной русской культуры. Корректными требовательными методами они следили и за успехами нашими в школе, на занятиях в секциях и кружках. Первые годы после войны были очень трудными, тем более для многодетной семьи. Нас уже было шестеро.

Мама и бабушка старших из детей активно привлекали к ведению хозяйства. Мы все помогали в сельскохозяйственных работах в огороде, в содержании животных и кур.

Меня в 1946-47 годах бабушка будила в 6 часов утра и отправляла заниматься очередь за хлебом, который по карточкам отпускали в хлебном магазине №13 на проспекте им.Красной Армии.

Родители много и добросовестно служили на предприятиях города. Их патриотический подход к воспитанию и обучению детей передан нам и помогал в дальнейшей нашей трудовой деятельности педагогами (директорами школ), конструкторами и специалистами на местных оборонных предприятиях.

Мы свято храним память о наших родителях: отце, Александре Герасимовиче, - кавалере боевых орденов и медалей, матери – Надежде Александровне, награждённой медалями и почётными знаками. Они удостоены этой заслуженной чести не только своих близких и родных, но и всех, кто их знал!

Хороших Станислав Вацлавович

Мой брат Хороших Михаил Иванович родился в 1924 году в селе Водопьяново Воронежской области Задонского района. В 1939 году семья переехала в Хотьково. Мать его, Лидия Степановна, сначала два года работала на фабрике «Майолик» (на этом месте сейчас стоит новая школа №5), а с 1941 по 1961 год на заводе «Электроизолит» (тогда он назывался ЗЭИМ или завод 717). Всех работников завода посылали на заготовку дров в лес, где им приходилось иногда по колено в воде грузить бревна на телегу и возить на лошадях на завод. Лидия Степановна работала кассиром и бухгалтером. Деньги на зарплату получала в банке в Загорске, и однажды ей пришлось с полной суммой денег идти без охраны пешком из Загорска, потому что электрички не ходили.

Михаил был призван в армию в августе 1942 года, от него пришло всего три письма, два из них сохранились. В ноябре 1942 года обучение в офицерской школе, где он занимался, прекратили и отправили на позиции в Воронежской области, где шли жестокие бои: фашисты рвались к Сталинграду. 24 декабря 1942 года Михаил был ранен и отправлен в госпиталь в село Петро-Павловское, где прожил всего два дня и скончался 26 декабря 1942 года. Мать получила извещение о том, что он пропал без вести в 1943 году, она пыталась получить сведения подробнее, но ничего не было известно.

Она умерла в 1998 году, так и не узнав, что произошло с ее сыном.

В период с 2009 года по 2014 год мне удалось получить сведения о Михаиле. Дата его гибели точная, а вот место захоронения может быть не точным, так как в записи госпиталя написано, что он захоронен на кладбище села Ново-Богородицкое, но есть сведения, что часть солдат хоронили в самом Петро-Павловском, где находился госпиталь, хотя и записали в книге - Ново-Богородицкое.

К сожалению, братская могила в селе Ново-Богородицкое ничем не обозначена и есть опасность разорения. Полтора года назад я написал письмо Главнокомандующему ВВС В.Н. Бондареву об этом, так как он родом из этого села, может быть какие-то меры по обустройству этой братской могилы уже приняты или принимаются.

В память о войне я написал стихотворение.

Варька-почтальонка

В далеком от фронта уральском поселке

Стрельбы не слышать и огня не видеть.

На почте работала Варька девчонка,

Но письма боялась жильцам раздавать.

Квадратный конвертик вот в эту квартиру:

Протянут листочек – вот Вы и вдова.

На бланках писали пером командиры,

А Варьке глядеть надо в эти глаза.

Вот весточка с фронта, а вот- похоронка.

Тебе нынче радость, а слезы – твои.

Такая работа твоя, почтальонка,

Разносчица с сумкой, прислуга Судьбы.

А вот неопасный листок, треугольный,

Так что же у Вас потемнело в глазах?

По клеткам тетрадным рукой незнакомой:

«Ваш сын умирал у меня на руках».

Как ветер ревела девчонка-бедняжка,

«На почту ни шагу!» - твердила слова.

А утром, наполнив водицею фляжку,

Опять ненавистную сумку брала.

Четыре лишь года она почтальонка

Военную почту носила в дома.

Пришла в двадцать восемь на почту девчонка,

И вот на висках седина в тридцать два.

Прошло много лет, и ее называют «Петровой»

И вновь она почту несет.

Глаза по привычке она опускает,

Когда адресату письмо отдает...

Черненко Таисия Петровна

Родилась я 28 апреля 1941 года в деревне Каменка Калужской области. Наша деревня была оккупирована фашистскими захватчиками с 8 октября 1941 года. Мне было около 6 месяцев, как немцы зашли в дом, корову зарезали, кур пощипали. Мы спасались в лесу в окопах.

На лошади в телегу мама, что могла, набросала самое необходимое. Завернув в одеяло, отдала меня старшей сестре, Рае. Подъехали к реке Жиздра, она впадает в Оку, стали переезжать мост через реку (он был овальный) и я из рук старшей сестры Раи выпала на мост. Приехали в лес, мама меня хотела накормить, а меня нет. Со слезами на глазах она побежала назад. Как я не упала в реку, и как меня не раздавили ехавшие сзади - это чудо. Господь меня спас. Мама схватила меня - и бегом в лес. Прожили в лесу два с половиной месяца.

Вернулись домой, а там хозяйничают немцы. Эти немцы, как мама рассказывала, были хорошие. Давали шоколад моей старшей сестре Рае и брату Алексею. Один немец всё смотрел на фотокартонку, где они с женой и дочкой, и плакал. Всё говорил: «И мы не хотим войны, нас послали».

Папа, Пётр Евгеньевич Рудаков, был на фронте с начала войны, чудом остался жив, а соседа убили.

У меня мама и бабушка часто спрашивали, вернётся ли папа, я всегда отвечала, что да, вернётся вечером. И правда, вернулся вечером, худой, кожа и кости. По дороге скушали сапоги. Но очень хорошо помню, как мы все от радости плакали, что наш папа остался жив и вернулся.

В мирное время папа всю жизнь работал кузнецом, мама дояркой. Были очень уважаемые люди в колхозе имени Кирова, Перемышльского района (теперь Козельского) Калужской области.

Мы, малолетние «дети войны» пережили все ужасы: голод и болезни, нищету. Я в семилетнем возрасте трудилась, чтобы выжить и помочь матери. Так и все другие дети. Мама, Рудакова Анна Андреевна,

всю жизнь работала дояркой. Им выделяли прополоть по 10 борозд свеклы и кукурузы. Я, брат Алексей и сестра Рая помогали в любую погоду: мама даст задание и мы обязаны выполнить. Она поплачет и скажет: «Деточки, вам тяжело, а работать надо».

Когда мы подросли, я со старшей сестрой прежде, чем пойти в школу, подоим по 3-4 коровы, нагрузим навоз в вагонетку, потом идём учиться. Школа наша была в Шамордино (сейчас там женский монастырь Казанской Божьей матери).

Мамы уже нет. Папа, Рудаков Пётр Евсеевич, работая всю жизнь кузнецом, был примерным отцом, никогда не пил и не курил. В колхозе им. Кирова раньше была конюшня на 120 лошадей. На зиму их нужно было подковать, на лето расковать, молотобойца не было. Брат Алексей помогал всё это делать. Папа умер в том же году, что и мама.

Я с 12 лет, с 1953 года, была звеньевой кукурузоведческого звена. Работали все школьники нашей деревни. В 1958 году был самый высокий урожай кукурузы - 600 центнеров с гектара, приезжали корреспонденты из Москвы. Я была награждена грамотой ЦК ВЛКСМ, была участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки и награждена именной путёвкой в Артек. Но поехать не смогла: сдавала экзамены в академию имени Тимирязева. Прошла по конкурсу и поступила.

Вот такое у нас было военное детство и не дай Бог, чтобы подобное время повторилось. Детская память незабываема.

Чулков Валентин Павлович

Вся тяжесть труда в тылу с первых дней войны легла на плечи женщин и подростков

Вероломное нападение немецких фашистов на Советский Союз вынудило в короткие сроки перестроить на военный лад и на фронте и в тылу всё наше население.

Выступая по радио, министр иностранных дел В.М. Молотов сказал: «Мы ведём справедливую войну, враг будет разбит, победа будет за нами!». Тяжёлое положение создалось в Подмоскowie.

При обращении к народу Советского Союза И.В. Сталин просил не поддаваться панике, самоотверженно участвовать в боях с фашистами, а оставшихся в тылу - трудиться под лозунгом «все для фронта, все для победы, работникам сельского хозяйства не оставлять

необработанных земель, выращивать высокие урожаи, не допускать голода в стране».

По плану Гитлера война должна была закончиться до наступления холодов захватом Москвы и 7 ноября 1941 г. на Красной площади у Кремля планировалось вручение орденов немецким солдатам.

С первых дней войны Загорск готовился к обороне. На улицах города были установлены противотанковые «ежи», началась эвакуация больших заводов на восток, провели тщательную светомаскировку, из деревень угоняли скот. Женщины и дети с горечью наблюдали эту картину и готовились вместе с оставшимися жителями активно включиться в события. На фронт ушли многие из близких. В небе над Загорском по ночам прожекторы вылавливали вражеские самолёты, в селе Хребтово солдаты военной «точки» пытались залпом из винтовок сбить фашистский самолет, а он развернулся и сбросил на них несколько бомб. В Краснозаводске немецкий самолёт на бреющем полёте обстрелял ремесленников, идущих строем по шоссе. Город Загорск неоднократно подвергался вражеским бомбардировкам.

В битве под Москвой участвовало большое количество солдат и многие выдающиеся военные деятели. На встрече со студентами Московского института химического машиностроения маршал Советского Союза С.М. Буденный рассказал, как ему - заместителю командующего войсками Московского военного округа, первому заместителю наркома обороны приходилось по несколько ночей подряд не спать, находясь в центре боевых действий, отражая мощнейшие наступления противника. В эти дни немецкие мотоциклисты прорывались в Москву, а 21 июля 1941 г. двести немецких бомбардировщиков совершили групповой налёт на Москву.

В нашей деревне Новая Шурма учителя ушли на фронт, школа была закрыта и мы - школьники с 12 лет вместе с женщинами начали без выходных и без оплаты от зари до зари трудиться на полях. Оплата за труд производилась один раз в год по учтённым трудодням овощами и зерном в ноябре-декабре после расчёта с государством.

Особенно тяжело женщинам и подросткам было копать большие участки земли вручную, пахать на быках, а иногда запрягаясь в плуг по пять-шесть человек, доставлять мешки с зерном на склад по крутому трапу, косить и стоковать сено. Ни от каких работ труженики не отказывались, в том числе и от работы с риском для жизни. Например, мне, с одногодкой Виктором Мартьяновым, пришлось приучать четырёх быков к труду. Разъярённые, они бросались на нас, угрожая рогами и копытами. Было страшно к ним приближаться, много раз они отбрасывали нас в сторону и прижимали к земле. В конечном итоге они стали основной тягой в колхозе, лошади были забраны на фронт.

На всех направлениях сельскохозяйственных работ женщины всегда были в первых рядах. Многие из них, например, Мартьянова Екатерина,

Шувалова Агрипина, Блохина Мария, Спиридонова Наталья, Орлова Анастасия и другие, имея по пять - семь детей, младшим из которых было по 2-4 года ни на один день не останавливали работу. Нянчили младших старшие дети. Ни яслей, ни детских садов в деревнях не было. Также не было ни дородовых, ни послеродовых отпусков. Работали до последних дней. Иногда рожали в полевых условиях. Меня мама родила в лесу «Голузино», в трех километрах от деревни «Новая Шурма». Принесли меня домой в фартуке. Мама вместе со всеми шла на луг косить траву.

Девочки в возрасте 13-15 лет самостоятельно запрягали лошадей и быков, выполняли на них требуемые виды работ. Женщины и подростки вручную проводили сев зерновых, посадку овощей, прополку всех культур.

Кроме зерновых в деревне сеяли много льна. Это растение особое, очень колючее. Лен нельзя косить, можно только вытаскивать из земли с корнями, иначе волокно будет коротким. Делали все вручную. Самыми сложными операциями со льном были: вытаскивание из земли, околот (механическое разрушение «коробочек» (головок) с семенами, мять (ломка оболочек льна), трепание (удаление разрушенных оболочек и получение чистых волокон).

Женщины не просто машинально выполняли эти операции, а часто проявляли изобретательность. Например, Нина Спиридонова из многодетной, очень трудолюбивой семьи, состоящей из родителей Натальи и Андрея и детей Марии, Анны, Николая, Нины, Валентины, Раисы и Ивана для околата льна предложила изготовить ударное устройство новой конструкции, что позволило значительно повысить производительность труда. Она являлась рационализатором и по другим направлениям. У неё как-то получалось лучше, чем у других. Активно трудиться она начала с 13 лет, с первых дней войны и быстро стала лидером среди сверстников. Ольга Орлова всех снабжала сельскохозяйственной литературой.

Особенно тяжело было дояркам. Каждая женщина вручную доила по 10-12 коров трижды в день. Первая дойка была в три часа утра. Бессменными доярками были: Полякова Анастасия, Блохина Мария, Соловьева Наталья, Чулкова Зинаида, Фомина Анна. Моя мама - Надежда Чулкова, работала телятницей. Она уходила из дома в 3 часа утра, чтобы напоить и отправить в стадо телят. Перед уходом она будила меня, чтобы я отправил домашнюю скотину в стадо. Иногда она возвращается, а я сплю у окна, а скотина дома. Приходится мне догонять стадо вдалеке от деревни.

Моя мама была неграмотная, но очень добрая, внимательная, постоянно трудилась сама и уважала труд других. Знала, как тяжело малышу в 12 лет с трех часов не спать, никогда за это не ругала меня, лишь поплачет сама.

В неполные 15 лет я начал работать слесарем на Краснозаводском Химическом заводе в комсомольско-молодежной бригаде. Руководил бригадой Степан Романов, который очень грамотно обучал учеников и строго контролировал выполнение операций. Из-за маленького роста я не доставал до

тисок и мне под ноги ставили ящик. Между бригадами организовывали соревнования, а победителям вручали переходящий красный флажок. Мы радовались, когда он украшал наш верстак.

Директором завода работал полковник Тимофей Иванович Агафин, профессионал высокого класса, очень строгий, но добрый человек. Дисциплина на заводе поддерживалась по законам военного времени, за малейшие нарушения немедленно наказывали. Мой шестнадцатилетний брат в зимнюю вьюгу по бездорожью из деревни на расстоянии 12 км добирался до работы. Часов в те годы ни у кого не было, и он опоздал на 15 минут. Через день суд. Присудили 6х25, т.е. в течение 6 месяцев удерживали 25% заработной платы. Мой ровесник на проходной при выходе из цеха был задержан из-за запаха алкоголя. На вопрос главного инженера М.П. Локанцева, как он мог так поступить, ответил: «Я не подумал». На что главный инженер сказал: «Ну, теперь подумай». И в течение пяти дней после рабочей смены его «под ружьём» доставляли на гауптвахту.

Завод работал слаженно и успешно. За годы войны 11 раз отмечался в министерстве оборонной промышленности, как передовой. В 1944 году завод был награжден переходящим красным знаменем ЦК ВКП(б). Тимофей Иванович был награжден орденом Ленина, Трудового Красного знамени и другими орденами и медалями, в том числе - иностранными.

Однажды в ночную смену я, стоя на ящике, обрабатывал в тисках деталь. Вдруг кто-то прикоснулся к моему плечу. Я повернулся, передо мной стоял Тимофей Иванович в военной форме, в папаче. От страха, что я мог что-то нарушить, у меня подкосились ноги. Он спросил: «Пилим?» Я из-за кома в горле не мог сказать ни одного слова.

Спустя много лет мы с ним встретились на отраслевой конференции в Челябинске. Он в эти годы работал в министерстве. Я напомнил ему тот пизод, он вспомнил его и сказал: «Проходя по цеху, я увидел, как ребенок, стоя на ящике, усердно выполняет операцию. Решил подойти к нему и подбодрить его». С тех пор, когда Тимофей Иванович приезжал на Звездочку, где я работал, он приходил ко мне. Мы беседовали по техническим вопросам, он всегда давал полезные советы.

Это был человек с энциклопедическими знаниями и с удовольствием делился ими.

Как сложилась в дальнейшем судьба женщин и подростков.

По окончании войны Елизавета Коробова продолжила деятельность директора школы, Дарья Заломова начала работать председателем колхоза,

Мария Полякова - председателем сельского совета, Анна Фомина - заведующей молочно-товарной фермы, Татьяна Заломова - бригадиром колхоза, Нина Спиридонова - секретарем сельского совета, Устинья Ремнева организовала пункт по переработке грибов, Ольга Орлова возглавила сель-

скую библиотеку, Валентина и Раиса Мартьяновы стали звеньевыми колхоза. Многие девушки и женщины продолжили работать в колхозе, выполняя все виды сельскохозяйственных работ.

Часть подростков продолжили учёбу в пятом классе школы. Через годы многие получили высшее образование, некоторые стали учёными. Например, Сергей Петрович Соловьёв из деревни Малинки - стал доктором технических наук, профессором.

Это человек с особым талантом, все учебные заведения: школу, техникум, институт, аспирантуру, докторантуру - закончил с отличием. По окончании учёбы был направлен на работу в г. Обнинск директором предприятия атомной энергетики. Его многочисленные научные труды опубликованы в Советском Союзе и ряде других стран.

Брат Сергея Петровича, Алексей, по окончании института работал главным контролером на Кременчукском автомобильном заводе, затем главным конструктором на Ярославском заводе. Второй брат Георгий - через несколько лет, по окончании военной академии получил звание полковника. Два старших брата высшего образования не имели, работали в промышленности и сельском хозяйстве. Родители - крестьяне, мать неграмотная, отец закончил один класс церковно-приходской школы.

В нашей деревне была только начальная школа, до четырёх классов. Учёбу мы с Сергеем Петровичем продолжили в Хребтовской школе в пяти километрах от нашей деревни. Мы ежедневно преодолевали 10 километров пути по лесным тропам. Особенно трудно было в дождливую погоду - ни зонтов, ни непромокаемой обуви не было. Возвращаясь домой, кроме школьных заданий было необходимо оказывать помощь родителям.

По окончании школы мы поступили учиться в Краснозаводский техникум. Не ежедневно, но часто ходили к родителям. Расстояние от техникума до деревни 12 км. Я ориентировочно подсчитал, сколько километров мы прошли за эти годы пешком, в основном по бездорожью. Оказалось, более 30 000 км.

Техникум мы оба закончили с отличием, имели право продолжить учёбу. Но у меня были материальные трудности. Пенсия по инвалидности у моего отца, подобранного с последнего боя с девятнадцатью ранами (он в течение 8 месяцев лечился в госпитале в г. Чита, демобилизовался инвалидом второй группы, без руки), составляла 25 рублей в месяц, а из-за наличия земли и скота в хозяйстве она уменьшилась на 50 %. Родители надеялись на мою помощь по окончании техникума. Я очень хотел продолжить учёбу. На семейном совете решили вопрос положительно. Я поступил в Московский институт химического машиностроения (МИХМ). С первого курса был старостой группы и старостой машиностроительного потока.

Но меня постоянно мучила совесть, что еще долго не смогу оказывать помощь родителям: отцу - инвалиду войны и маме - инвалиду труда. По

окончании 2 курса я с «большой болью в сердце» решил перейти на заочную учёбу, стал работать на Звездочке. Первые зарплаты потратил на замену соломенной крыши на доме на осиновую дранку. Под соломенной крышей во время дождей и таяния снега было трудно найти место, где бы не капала и журчала вода.

По окончании института поступил в аспирантуру МИХМа, где и защитил кандидатскую диссертацию. Докторскую диссертацию подготовил на Звездочке, защитил в МИХМе. Основную работу совмещал с обучением. 55 лет работал в НИИ прикладной химии (на Звездочке) конструктором различных категорий, начальником отдела, главным конструктором и главным научным сотрудником. Стал лауреатом Государственной премии СССР, имею более ста изобретений, заслуженный изобретатель РСФСР, имею 320 научных трудов, в том числе 9 книг.

Постоянно выполнял общественную работу: ректор Народного университета в течение 22 лет (до распада СССР), преподаватель на курсах повышения квалификации сотрудников отраслевых предприятий, профессор кафедры «техническая физика» в Индустриальном университете, подготовил 5 кандидатов технических наук.

Шарова Антонина Александровна

Жизнь на «отлично»

С самого раннего детства Тоня Шарова привыкла делать всё на отлично, будь то заботы по дому, учеба, работа, воспитание детей. Когда понадобилось спасти Родину от смертельной опасности, Антонина пошла на фронт, на несколько дней раньше своего отца. И там она стала отличным солдатом.

Несбывшиеся планы

В 9-ом классе девушку избрали секретарем комсомольской организации школы, поэтому в выпускном вечере с 21 на 22 июня она принимала непосредственное участие - вместе с членами комитета комсомола, учителями, десятиклассниками-выпускниками организовывала торжественное мероприятие.

- Было очень весело, - вспоминает Антонина Александровна, - событие для ребят знаковое - выход во взрослую жизнь. Недаром документ об окончании средней школы называется «аттестатом зрелости». Только для ребят 1922 года рождения выход во взрослую жизнь оказался прямой дорогой на войну. Из всех мальчишек, окончивших среднюю школу села Колобо-

во Ивановской области в 1941 году, до победного мая не дожил никто. Вы только представьте себе - никто!

Много лет прошло, но и сегодня, вспоминая своих школьных товарищей, отдавших свои жизни за свободу страны, с трудом сдерживает слезы. Они остались в ее памяти веселыми, юными, счастливыми, готовыми трудиться, идти по пути созидания:

- Мирным планам не суждено было сбыться, - продолжает свой рассказ Антонина Александровна, - война проехала по нашему поколению гусеницами танка - миллионы погибли, миллионы остались калеками, миллионы сиротами.

Отец, работавший тогда главным бухгалтером колхоза, узнав о нападении Германии на СССР, сказал дочке: «Война рано или поздно закончится, надо уже сейчас думать, кем ты будешь в мирной жизни». Она решила поступать в Ивановскую зубоветеринарную школу, но война внесла свои коррективы.

Фронтная стрижка

В марте 1942 года, несмотря на то, что немцев отогнали от Москвы, положение на фронте было тяжелым. Руководители страны призвали девушек-комсомолок встать на защиту Родины.

Всех студенток первого и последнего курсов стали призывать в армию. Те, кто был на последнем курсе, получали дипломы досрочно, а нам оставалось надеяться на то, что продолжим учебу после победы.

Узнав об отъезде дочери, отец погрузился. Он считал, что отправлять в армию молоденьких девчонок, когда в тылу есть мужчины вроде него, не правильно. Но тогда все понимали, что идет священная война, в армии найдется место и дело даже для вчерашних школьниц.

- Когда я сообщила папе об отъезде, он сильно огорчился, словно чувствовал, что расстаемся навсегда. Собрали на стол нехитрую снедь. Отец достал бутылку вина со словами: «Вот, доченька, ты и стала взрослой. Выпьем на дорожку. Пусть тебе посчастливится вернуться домой, а нам встретиться после войны».

Настроение девушки разительно отличалось от отцовского. Об этом говорит тот факт, что перед отправкой в армию Тоня с подругами отправилась в парикмахерскую. Сделала стрижку. Позже выяснилось - постригли ее «под Зою Космодемьянскую».

Сходство с самой известной партизанкой Великой Отечественной войны, ставшей символом стойкости, поразительное. «Я бы не догадалась, если бы не дочь. Других фотографий военной поры у меня не осталось. Были, но школьники там, в Ивановской области как-то попросили переснять для музея. Я отдала, только вот вернуть их ребята забыли, очень жаль».

Отличный связист

Служить рядовому Шаровой выпало в первой прожекторной роте 745-го зенитно-прожекторного полка 55-й зенитно-артиллерийской дивизии. Антонина Александровна была связной-телефонисткой на командном пункте. Ее задачей являлось обеспечение связи, проверка линии, ремонт.

- Я училась на «отлично», - так же старалась делать свою работу в армии. Если бы меня не сдерживали командиры и старшие товарищи, то, наверное, не разговаривала бы с вами.

Кто-то может сказать: «Экий героизм - ходить проверять линию связи! Это же не передний край». Но, даже учитывая относительное спокойствие, девушкам было очень тяжело. В любую погоду, в любое время года и суток хрупкие девушки совершали обходы линии связи. Шинель, ватные брюки, подсумок с патронами, тяжеленный ящик телефонного переносного аппарата, моток проволоки, винтовка. Такая ноша будет не в радость даже мужчине. Но девочки не роптали на судьбу, вносили свою посильную лепту в большую общую Победу. С этим нельзя не согласиться. Как капельки дождя, соединившись образуют мощный поток, так усилие каждого человека, будь он на фронте или в тылу, стало залогом разгрома фашистской Германии.

- В то время я ничего не боялась, была бесстрашная. Командование оценило мое старание, уже через два месяца я получила звание «Отличного связиста». Эта награда имеет для меня особую ценность, я горжусь ею.

Тогда же, в 1942 году Шаровой присвоили звание ефрейтора, приняли девятнадцатилетнюю связистку в партию.

- Это было высокое доверие, - считает ветеран. - Ответственность моя возрастала. Я и сейчас считаю себя партийной. Сохранила билет члена КПСС. Если посчитать, то получается, что я больше 70-ти лет коммунист. Сейчас отношение к партии, к советскому строю негативное. Но разве не коммунисты первыми поднимались в атаку? Разве не под руководством нашей партии мы победили? А подняли из послевоенной разрухи страну, покорили атом, первыми полетели в космос, дали возможность бесплатного образования и медицинского обслуживания? На том запасе прочности держится Россия и сегодня.

Возвратились не все

-В тот день я отвечала за посты. Каждые два часа должна была проходить смена караула. С этим делом всегда был полный порядок и вдруг

- смены нет. Я заволновалась, потом волнение переросло в испуг: «Что случилось?!». И вдруг в дежурку вбегают девчонки со слезами на глазах: «Победа! Война закончилась!». Здесь началось что-то невообразимое. Песни, пляски, крики, визг, слезы, смех. Эмоции, что люди держали в себе несколько лет, выплеснулись наружу.

От войны устали даже крепкие мужчины, что уж говорить про деву-

шек. Антонина и подруги стали готовиться к возвращению домой. Ждали, когда дадут отмашку. Но домой отпустили не сразу. Необходимо было подготовить смену. Приехали молодые мальчишки, девушкам пришлось их знакомить с воинской службой, вводить в курс дела.

В июле 1945 года Антонину Александровну и ее боевых подруг отпустили домой. Дома девушку никто не ждал, отец погиб на фронте в апреле 1943 года. Удалось это установить совсем недавно, лет пять назад.

- Папу призвали в армию через три дня после моего отъезда. Я получила от него несколько писем. Он, как и многие наши земляки, попал в Сталинград. Освобождая Город-Герой, отец получил тяжелые ранения и скончался от ран в одном из госпиталей Астрахани 22 апреля 1943 года. Эта потеря стала для меня главной личной трагедией жизни.

Все свои дальнейшие успехи дочь посвятила своему отцу. Бывшая школьная отличница, «Отличник-связист» военной поры, Антонина Шарова, не боялась трудностей и испытаний, отдавала всю себя без остатка благородной профессии учителя. Она не стала врачом, как мечтала в детстве, жизнь внесла коррективы. Но все ученики Антонины Шаровой гордятся тем, что им посчастливилось учиться именно у нее. По традиции 9 мая многие из них будут поздравлять Антонину Александровну с праздником Победы, желать ветерану здоровья и долгих лет.

Статья из газеты «Сергиевские ведомости». Автор Сергей Большаков

Шатохина Прасковья Андреевна

Из деревни Голобурдино после налета немецких военных самолетов часть жителей спешно эвакуировалась. Оставшиеся, в основном «старые да малые» с семьями пошли пешком до железнодорожной станции Раненбург: днем – в кустах отсиживались, ночью – шли. Шли долго. Наконец, показалась станция. Для них был подготовлен товарный состав с холодны-

ми решетчатыми, продуваемыми стенами. Три недели поезд с измученными дальней дорогой людьми кружил вокруг Ленинграда, въезд в который был невозможен: уже началась блокада.

К Ленинграду в течение первых недель войны подтягивались немецкие войска. С 8 сентября город был охвачен плотным, на расстоянии 15 км от него, кольцом вражеских войск.

Эшелон с беженцами прибыл на станцию Токсово северо-восточнее Ленинграда. Всех вместе поселили в большой белый дом рядом с широкой дорогой, напротив церковь и двухэтажная школа. Выдали всем карточки и талоны на обед. Обед был очень скудным: хлеб, перемешанный с древесной корой, весом около 100 граммов, два черпака жидкого бульона с горсткой пшенки и капустным листом. Борясь с постоянным чувством голода, люди искали на соседних полях замороженную капусту. Как-то мать Прасковьи с сестренкой Любой нашли на чьей-то террасе брошенные лошадиные шкуры, которые семья разрезала на узкие полоски. Их свернули и сварили в котелке, но они не жевались, приходилось глотать кусочки целиком.

Зима 1941-1942 годов выдалась суровой. Каждый выживал, как мог. Для эвакуированных людей начались самые трудные дни. На всю жизнь Прасковье запомнилось, как их молодая землячка Наталья, изможденная голодом, еле-еле тащила по холодной земле, найденную где-то лошадиную ногу. Чтобы не умереть с голоду, девушка грызла её остатки... Вскоре Натальи не стало. В доме среди обессиленных голодом, ещё живых, лежали и умершие. Самое трудное было для ослабевших хоронить умерших родственников.

Первым в семье Прасковьи умер отец, затем брат Коля, которого с большим трудом мать с дочерью, кое-как завернув в одеяло, вынесли из дома и слегка присыпали тело снегом. В семье Прасковьи с осени по февраль 1942 года один за другим умерли пять человек, они остались вдвоем со старшей сестрой Марией. Подвал соседней школы, окрестности городка стали общей братской могилой для эвакуированных людей и для павших бойцов. Чтобы хоть что-то узнать о сроках отъезда на Родину, обе сестры с трудом добрались до сельсовета. Начальство пообещало вывезти их.

Наконец, Ладожское озеро покрылось льдом. Военные связисты привезли в Токсово первые продукты: крупу, муку, крахмал. Готовить было не на чем: ни дров, ни котелков. Крупу приходилось жевать сырой, грызли горох. Через короткое время начался отъезд в тыл. Не все могли уехать домой сразу. Сестрам повезло: приехав на перевалочную станцию, они встретили земляка с хуторов, который поспособствовал им с сестрой уехать в Богоявленск. Уже оттуда добрались до родной станции, где их встретил родственник, их двоюродный брат Дмитрий. Ему сообщили о приезде сестер, и он

привез на станцию одежду, еду, обувь. Труднее всего было обуться – ноги от голода сильно опухли. Чтобы снять с себя старые белые валенки, Прасковье пришлось их разрезать.

Дом, к радости сестер, остался цел, в нем была жарко натоплена русская печь. Оставшиеся в живых родственники стали помогать друг другу. Но вскоре обе сестры заболели брюшным тифом. От слабости они не могли ухаживать за собой, соседи не приходили – боялись заразиться. Нашелся добрый человек, пожилая родственница, которая народными средствами вылечила Прасковью, и та смогла с трудом, но все же посетить выздоравливающую в больнице сестру...

С тех пор прошло много лет. В 1972-1973 годах Прасковья Андреевна с семьей переехала в село Васильевское Сергиево-Посадского района. В 90-х годах она съездила в Тосково, где не без труда и слез удалось поднять архивы и найти сведения о смерти ее родных, побывать на их могилах. Есть у Прасковьи Андреевны семь медалей, словно в память о семи родных, близких людях, которые навсегда остались в ее памяти. О былом напоминает удостоверение участницы блокады за номером 230982.

Родившись в далеком 1922 году, Прасковья Андреевна до 71 года работала дояркой в Васильевском, ушла на пенсию в 74 года. Неоднократно ее портрет висел на Доске почета.

Живет Прасковья Андреевна, несмотря на слабое здоровье и бытовые неурядицы, словно утверждая свою старую поговорку – «За правду Бог прибавит!»

Из газеты «Вперед» от 13.02.2010 г. Автор Галина Гладкова

Шевелев Николай Владимирович

Я родился третьего марта 1942 года в городе Дубровно Витебской области.

Началась война. О ней родители не любили вспоминать, ведь на их плечи легли все тяготы войны, как и на всю страну. Белоруссия первая встретила войну и дольше всех оставалась оккупированной. Население не успело эвакуироваться, мужчины не успели уйти в армию. Большая часть из них ушла в партизаны, в том числе и мои две тети и дядя, которых через много лет после войны нашли и наградили медалями «За отвагу».

Мама оказалась в концентрационном лагере за колючей проволокой с ребенком, который должен был вот – вот родиться. Какая судьба его берегла, не знаю, но он родился (роды принимал немец-фельдшер). Молока, конечно, не было, потому что почти не кормили. Были сердобольные люди,

которые передавали за проволоку продукты с риском для жизни. Кормление представляло собой пережеванный хлеб в тряпочке, вместо соски. Пережили! В 1944 году перед освобождением, немцы разделили детей и родителей, и повезли детей в одну сторону, родителей - в другую. Мама с подругой убежали с обоза, догнали обоз с детьми, который уже бомбили и спасли своих и других детей, сколько смогли.

После войны родители оказались в Смоленске, в котором, кроме руин, остались целыми собор, что удивительно, он стоит на холме, и 7 домов. Много лет город восстанавливали пленные немцы, и наши сердобольные люди их подкармливали, хотя память о содеянном немцами сопротивлялась. Было очень трудно и голодно. Никаких завтраков, обедов и ужинов. Счастьем было ухватить кусок хлеба. Главная еда - тошнотики (лепешки из протертой заморозившей картошки, собранной на поле). Это все же была еда. Потом завели огород, стало легче. Выжили!

В 1952-53 годах и дальше стало легче. Начали покупать одежду, первый шкаф, кровать - это была радость. Люди не унывали, не жаловались на кухнях, потому что жизнь важнее всего. Очень много трудились, стремились дать детям образование. Самая главная мечта, чтобы не было войны.

В 1959 году я окончил среднюю школу и поступил в Смоленский педагогический институт на кафедру географии и биологии. После окончания института был призван в армию, где отслужил в ракетных войсках один год. С 1965 года по 2014 год работал учителем в Загорском районе, где вел географию и биологию. По настоянию администрации Гороно работал директором школы в д. Репихово, Васильевской школы, а также школы №4 в городе Хотьково. В 1990 году перешел на работу учителем в школу №1, в которой проработал 24 года учителем географии и биологии.

Общий трудовой стаж составил 50 лет. Награжден медалью «850-летие Москвы», удостоен звания «Ветеран труда». Неоднократно награждался грамотами городского комитета КПСС и городского и областного отделов образования и Министерства образования РСФСР.

За время работы выпущено более 5000 учеников, большинство из которых после окончания школы поступили в высшие образовательные учреждения, показывая отличные знания географии и биологии.

Щекачева Маргарита Борисовна

Жизнь после войны...

Я родилась 3 февраля 1938 года в городе Ленинграде. Когда началась война, отца забрали на фронт, в последствии сообщили, что он пропал без вести. Я его совсем не помню, у меня даже не осталось его фотографии.

Мама во время войны работала санитаркой в госпитале, где ухаживала за ранеными. Я была еще очень маленькой, чтобы что-то помнить о блокаде. Но голод, холод, вокруг умирающие соседи – это осталось внутри души.

В памяти сохранились звуки войны: вой сирены во время бомбежек; стук метронома, отсчитывающего минуты тишины; стоны умирающих, которые от голода не могли подняться и умирали прямо на лестничной площадке или на тротуаре. Никаких деликатесов мы, дети войны, не знали. Мысли были только об одном, где бы достать кусочек хлеба.

После войны в Ленинграде был голод, что не выдержала мама. Она умерла в 1947 году. Я осталась совсем одна. К тому времени она работала в судоремонтной мастерской Ленинградского воен.порта №1237. Тогда местный комитет порта определил меня в детский дом №26.

Война оставила свой след: огромное число детей-сирот, а в Ленинграде особенно. Детский дом нас научил самому главному в жизни: стойкости, отзывчивости, быть внимательным к людям и всегда приходить на помощь нуждающимся.

В 1955 году я поступила в 3-е Ленинградское педучилище.

Спасибо советскому правительству, что это педучилище содержало всех учащихся на государственном полном обеспечении. Такое училище было единственным в СССР. На нашем курсе обучалось 60 учеников, все без родителей. Каждый год выпускников отправляли в разные уголки Советского Союза. При мне выпускники были направлены в Молдавию, затем в Узбекистан, перед нашим выпуском учащихся отправили на Камчатку.

Наш курс был отправлен на Ка-

захскую железную дорогу, по всем маленьким станциям и полустанкам. Я закончила педучилище с отличием и была направлена в институт, но от этого направления отказалась и поехала вместе с другими девятью молодыми специалистами в Киргизию.

Уехав из Киргизии, я продолжила свою педагогическую деятельность в г. Чу в железнодорожной школе, где с 1957 до 1960 года преподавала в начальных классах, а затем поступила заочно в Алма-атинский университет им. Кирова на механико – математический факультет и стала преподавать математику в старших классах школы №32. С 1982 года стала заместителем директора по воспитательной работе.

В 1994 году я переехала к дочери в г. Хотьково и до сентября 2011 г. работала в школе №1 завучем и учителем математики.

55 лет я отдала школе, из них 25 лет была завучем. Имею знак благодарности и 6 медалей.

Юшина (Серебрякова) Лидия Николаевна

Родилась я 19 февраля 1926 года. В моей военной биографии – общая судьба ровесников, которые защищали Родину с оружием в руках и в тылу. Серебряковы жили как все, в войну выполняя свой долг каждый на своем фронте.

Я вспоминаю своё предвоенное детство в городке текстильщиков Струнино. Отец, Николай Егорович, был мастером на красильной фабрике, мама, Евдокия Андреевна, занималась детьми. В нашей семье придавали большое значение образованию детей, причем учитывали склонности каждого из детей. Я, например, с пятого класса знала, что непременно буду учиться на парикмахера. И эту мечту я исполнила, прошла обучение и стала мастером модной стрижки. У двух братьев сложилась военная карьера, да ещё какая!

Брат, Анатолий Николаевич Серебряков, стал военным летчиком. Перед войной он уже был начальником военного аэродрома и совершал рейсы с членами правительства. Анатолий рассказывал, что ему довелось в

1939 году летать в Китай с наркомом иностранных дел Молотовым. Несколько лет он жил в Китае в г.Хами, потом в г.Урумчи. У брата были правительственные награды за отечественные операции. После войны был направлен в г.Норильск, стал почетным гражданином Норильска.

Другой брат, Александр Николаевич Серебряков 1919 г.р., прошел всю войну, вернулся к родным в 1947-м. О нем упоминается в военных архивах, имя бойца земляки увековечили в списках героев на Краснозаводском мемориале боевой славы.

Я в военные годы была подростком, но нашлась и для меня работа на трудовом фронте. Со всей округи собирали вчерашних школьников для Краснозаводского химического завода на замену призванных на фронт рабочих. Мальчишки и девчонки вставали к станкам и работали наравне со взрослыми. Некоторым юным патронснаряжателям приходилось ставить под ноги ящик, чтобы доставали до рычагов станка. Этот школьный призыв продолжал выпускать снаряды для фронта, даже когда немецкие штурмовики долетали до Краснозаводска и пристреливались к цехам КХЗ. Для моей сестры Марии 1914 г.р., оружейный завод стал судьбой и профессией на всю жизнь. Долгое время она работала контролером в цехе, где начинала ещё подростком.

Чёрные цеха с затянутыми окнами, чтобы не привлекать немецких бомбардировщиков, непосильный труд, темные от усталости лица и батареи снарядов, которые с конвейера отправляли на уже близкую передовую. Люди покрепче были близки к отчаянию, а мне даже в это время хотелось делать людей красивыми. Мои сверстники бегали на курсы за специальностью, которая могла им пригодиться на фронте, а я шла к своей цели, и наперекор всему освоила мирную профессию парикмахера.

Все, кто не ушёл на фронт, стали «бойцами» тыла, и здесь действовали не менее суровые законы. Без скидок на возраст, такие же подростки, как и я, занималась тем, что требовалось фронту и мобилизованному хозяйству, прежде всего. Зимой молодежные бригады направляли чистить военный аэродром. Подростки буквально откапывали из огромных сугробов самолеты, вручную разгребали взлетные полосы, рыли окопы у деревни Данилково на случай, если немцы прорвут оборону под Москвой. Ворочали неподъемные пласты на торфоразработках у Тейкова. Это было топливо для фронта и тыла. Сегодня таких подростков на-

зывают детьми, а в военные годы им доверяли сплав леса по реке. Девчонки баграми направляли бревна по течению. Даже трудно представить, что выпало вчерашним школьникам в войну.

Ничего выдающегося в моей судьбе не было, всем тогда было тяжело. Чем дальше уходит война, тем меньше остается живых свидетелей массового героизма на фронте и в тылу. В моей семье, Юшиных-Серебряковых, сегодня я единственный очевидец той поры. Помню всё, но ворошить старое не люблю. Спустя семьдесят лет это всё ещё больно.

Из газеты «Вперед» от 15.06.2016 г. Автор Светлана Аникиенко

Якимова Валентина Арсентьевна

Родилась в 1934 году в Украине, в Донецкой области в крестьянской семье. Папа – шахтер, мама – колхозница. Нас детей войны в семье было пятеро: три брата, сестра и я. Когда началась война, папа сразу ушел на фронт, а мы остались с мамой. Жили в погребе, так как домик наш сгорел при бомбежке. Выжили на лебеде и зернах акации. Из-за войны, голода, нищеты и разрухи наше детство пронеслось стороной.

Мы, школьники младших классов, на каникулах трудились на колхозных полях: обматывали руки тряпками и пололи хлеба от сорняков, колючего осота, молочая. Под палящим солнцем собирали колоски пшеницы, ржи, ячменя после комбайна и косилок, при этом до крови обдирали ноги скошенной стерней. Мы подготавливали зерновые токи для приема зерна. Подметали их, а потом сушили зерно. Убирали кукурузу, подсолнухи, свеклу, картофель. Зимой шелушили початки кукурузы на семена, причем делать это надо было только руками, чтобы не повредить зародыши. Весной боролись с грызунами – заливали водой норы сусликов.

Нас, детей, считали взрослые по головам. Часто из-за усталости, мы оставались ночевать на полях. Кормили нас затерухой, она казалась такой вкусной. Мы радовались, что работали под лозунгами: «Все для фронта, все для победы!» Мы старались помочь своей Родине всем, чем могли.

В 1947 году вернувшийся с войны папа заболел и умер. Жить стало очень трудно, продолжать учебу не было возможности. Все домашние дела приходилось делать нам, детям, и надо было помогать маме обрабатывать колхозные делянки. Я закончила только четыре класса.

Мой старший брат, Михаил, был призван на фронт в 1943 году, а после

войны его отправили служить на Дальний Восток. В 1953 году он приехал к нам в отпуск и, увидев наше тяжелое положение, забрал меня с собой в Хабаровск. Здесь я поступила в вечернюю школу, а днем работала в детском саду няней. Затем я окончила техникум и перешла работать в военную часть, где познакомилась с моим будущим мужем. Его отец был призван на фронт в нача-

ле войны, у мамы его остались трое детей. Герману, моему мужу, удалось закончить десять классов и в 1957 году призвали в армию. В 1960 году мы с ним зарегистрировали наш брак и в воинской части нам выделили девятиметровую комнату в помещении, где проживали еще 10 семей, но мы были довольны. В 1961 году у нас родился сын, потом второй. Растить было трудно, так как декретного отпуска трехлетнего тогда не было. Все же нам удалось вырастить и воспитать двух достойных, добрых и грамотных сыновей, которые стали офицерами: один полковник, другой - майор.

До 2005 года мы прожили в Хабаровске. Муж работал на судостроительном заводе сварщиком, а я - бухгалтером. В 2005 году сыновья перевезли нас в Подмоскowie, поближе к себе. У нас растут внуки и одна правнучка. Несмотря на то, что мы сейчас с мужем инвалиды и серьезно больны, все-таки мы счастливые люди.

Материнские руки

Содержание

Александрова Валентина Васильевна	6
Алексеева Елена Васильевна	7
Антоненко Дмитрий Константинович	9
Бадаева Нина Борисовна	11
Бажанова Марьяна Николаевна	13
Бакулина Любовь Герасимовна	16
Баланникова Надежда Константиновна	18
Барченков Сергей Сергеевич	21
Барченкова Ольга Александровна	22
Беликова Мария Тимофеевна	24
Бойкова Тамар Алексеевна	26
Вандышева Лидия Степановна	27
Васильева Татьяна Дмитриевна	28
Гаврилов Феофан Михайлович	33
Головинская Тамара Ивановна.....	33
Горлова Лидия Дмитриевна.....	35
Губа Татьяна Павловна.....	37
Гусева Юлия Николаевна	37
Гущин Станислав Федорович	38
Евдокимова Вера Ананьевна	40
Женина Анна Петровна	46
Запивалова Тамара Павловна.....	49
Иващенко Ольга Александровна	50
Ильин Валентин Сергеевич.....	53
Казанцева Александра Ивановна.....	53
Каляскина Тамара Григорьевна	54
Карелина Альбина Константиновна	56
Карлова Александра Ивановна.....	57
Кимарский Борис Викторович	59
Кириллова Наталья Анатольевна	60
Кладов Герман Петрович	61
Ключникова Галина Николаевна.....	64

Кожущенко Диана Викторовна	67
Козлова Нина Пантелеевна.....	68
Комаров Анатолий Григорьевич	72
Корнилова Раиса Васильевна	73
Королева Анна Николаевна	74
Королева Татьяна Васильевна	76
Кругликова Лидия Сергеевна	77
Крякин Владимир Григорьевич	79
Кудинова Нина Александровна.....	82
Кузнецова Людмила Николаевна	84
Кузнецова Татьяна Егоровна.....	84
Куксова Римма Петровна.....	87
Ларина Галина Викторовна	89
Лебедев Владимир Иванович	90
Лебедева Лариса Ивановна	94
Левина Вера Максимовна	96
Лешкова Нина Борисовна	98
Лобачева Зинаида Александровна.....	99
Лукашина Любовь Викторовна	100
Лукина Екатерина Алексеевна	104
Майорова Алевтина Михайловна.....	110
Маларёва Анна Ивановна	111
Малофеева Галина Николаевна	112
Мельников Сергей Владимирович	113
Митрофанова Лилия Садреевна	114
Никишин Алексей Иванович	116
Николаичев Зосим Васильевич	122
Носырева Антонина Андреевна.....	127
Орехова Татьяна Борисовна.....	128
Островская Ирина Константиновна.....	130
Попова Зоя Ивановна (г.Сергиев Посад)	132
Попова Зоя Ивановна (г.Хотьково)	135
Прокофьева Татьяна Алексеевна	136
Пчеленкова Людмила Георгиевна	139
Ромашова Татьяна Николаевна	142

Русаков Анатолий Васильевич	147
Рыбаков Иван Алексеевич	149
Рябинина Антонина Александровна.....	159
Рябова Людмила Ильинична.....	161
Саблина Тамара Сергеевна	162
Салагина Валентина Сергеевна	164
Самохин Сергей Васильевич.....	165
Семёнова Анна Степановна	168
Семян Роза Викторовна	168
Сидоров Николай Сергеевич	170
Силаков Михаил Валентинович	172
Синёва Мария Васильевна.....	174
Синцера Светлана Дмитриевна	175
Смирнова Татьяна Васильевна	177
Собещанская Татьяна Алексеевна	187
Соколова Мария Георгиевна.....	195
Соловов Александр Григорьевич	196
Смородина Анна Александровна	197
Спирина Анна Ивановна.....	198
Стрельцова Любовь Александровна	203
Судакова Лариса Григорьевна.....	203
Тузова Валентина Сергеевна	204
Федоров Александр Александрович	208
Хороших Станислав Вацлавович	209
Черненко Таисия Петровна	211
Чулков Валентин Павлович	212
Шарова Антонина Александровна	217
Шатохина Прасковья Андреевна	220
Шевелев Николай Владимирович.....	222
Щекачева Маргарита Борисовна	224
Юшина Лидия Николаевна.....	225
Якимова Валентина Арсентьевна	227

Администрация Сергиево-Посадского района
Московской области
Совет ветеранов
Сергиево-Посадского района Московской области

Дети войны - дети Победы

СБОРНИК ВОСПОМИНАНИЙ ЧАСТЬ III «ГЕРОИЗМ МАТЕРЕЙ»

Руководитель проекта
председатель Совета ветеранов Сергиево-Посадского района
Кругликов В.С.

Составители - Лукьянова Р.Г., Кириллова Н.А., Бессолова А.С.

Издательство «РЕМАРКО»
Директор С.Ю. Васильев. Верстка Н.С. Пичугина

г. Сергиев Посад, Новоугличское ш. 44а
e-mail: remarkoprint@gmail.com www.remarkogroup.ru

Подписано в печать 29.09. 2016 Формат бумаги 84x108/32.
Усл. печатных листов 28,5. Тираж 1000 экз.

АО «ИПК «Чувашия»
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13
Заказ № К-6370

г. Сергиев Посад – 2016

ISBN 978-5-903615-64-3

